

**НОВЫЙ
Журнал**

145

**THE NEW
REVIEW**

STATEMENT OF OWNERSHIP, MANAGEMENT AND CIRCULATION

(Required by 39 U. S. C. 3685)

1. Title of Publication — The New Review. — A. Publication No. 596680
2. Date of Filing — [Oct. 31. 81]
3. Frequency of issue — Quarterly. — A. Number of issues published annually — 4
— B. Annual Subscriptions price \$24.
4. Location of known office of publication — 2700 Broadway, New York, N. Y. 10025.
5. Location of the headquarters or general business offices of the publishers — 2700 Broadway, New York, N. Y. 10025.

6. Names and complete addresses of publisher, editor and managing editor — Publisher. The New Review Incorp. 2700 Broadway, New York, N. Y. 10025; Editor, Roman Goul, 506 West 113-th Street, New York, N. Y. 10025.

7. Owner (If owned by a corporation, its name and address must be stated and also immediately thereunder the names and addresses of stockholders owning or holding 1 percent or more of total amount of stock. If not owned by a corporation, the names and addresses of the individual owners must be given. If owned by a partnership or other unincorporated firm, its name and address, as well as that of each individual must be given.)

The New Review Inc. — 2700 Broadway, New York, N. Y. 10026; Roman Goul — president, 506 West 113-th Street, New York, N. Y. 10025. Zoya Yurieff — secretary 46-04, 196-th Street, Flushing, N. Y. 11358. Peter Muraviev — treasurer 316 Monroe Ave. Wyckoff, N. J. 07481.

8. Known bondholders, mortgagees, and other security holders owning or holding 1 percent or more of total amount of bonds, mortgages or other securities. — None

9. For completion by nonprofit organizations authorized to mail at special rates (Section 132.122, Postal Manual).

The purpose, function, and nonprofit status of this organization and the exempt status for Federal income tax purposes. — Have not changed during preceding 12 months.

10. Extent and nature of circulation

	<i>Average No. copies each issue during preced- ing 12 months</i>	<i>Actual number copies of sin- gle issue pub- lished nearest to filing date</i>
A. Total No. copies printed (Net Press Run)	1400	1400
B. Paid circulation		
1. Sales through dealers and carriers, street vendors and counter sales	60	54
2. Mail Subscriptions	1,127	1,094
C. Total paid circulation	1,187	1,134
D. Free distribution by mail, carrier or other means, samples, complimentary, and other free copies	40	40
E. Total distribution (Sum of C and D)	1,227	1,174
F. Copies not distributed		
1. Office use, left over, unaccounted, spoiled after printing	173	226
2. Returns from news agents		
G. Total (Sum of E & F and 2 — should equal net press run shown in A)	1400	1400

11. I certify that the statements made by me above are correct and complete. (Signature of editor, publisher, business manager, or owner) — Roman Goul, Ed.

12. For completion by publishers mailing at the regular rates (Section 132.121 Postal Service Manual).

Signature and Title of Editor, Publisher, Business Manager, or owner

Roman Goul, Editor

**THE
NEW REVIEW
Новый Журнал**

Основатели — М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция. Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

С 1966 до 1975 редактор Роман Гуль

С 1975 по 1976 редакция. Р. Гуль (главный редактор),

Г. Андреев, Л. Ржевский

Сороковой год издания

РЕДАКЦИЯ: РОМАН ГУЛЬ И Е. Л. МАГЕРОВСКИЙ
СЕКРЕТАРЬ: ЗОЯ ЮРЬЕВА

NEW REVIEW. DECEMBER 1981

Quarterly No. 145

2700 Broadway, New York, N. Y. 10025

Subscription Price \$24 — for one year

Publisher New Review Inc.

Second Class Mail postage paid

at New York, N. Y.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>М. Дубинин</i> — Соседка Пушкина	5
<i>О. Ильинский</i> — Стихи	9
<i>И. Елагин</i> — Стихи	11
<i>В. Перелешин</i> — Стихи	12
<i>Ю. Кротков</i> — Козел отпущения	13
<i>И. Чиннов</i> — Стихи	27
<i>А. Величковский</i> — Стихи	29
<i>Р. Гуль</i> — Я унес Россию	30
<i>И. Качуровский</i> — О лирике Евгена Плужника	51
<i>М. Нумано</i> — Судьба искусства !Ю. Олеши	59
<i>Н. Натова</i> — Театральная судьба романа "Бесы"	77
<i>Л. Ржевский</i> — Зашифрованный термин	103

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:

<i>М. Гольдштейн</i> — Мемуары двадцатилетнего музыканта	123
<i>Письма З. Серебряковой к Е. Климову</i>	154

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:

<i>Б. Сегал</i> — Встреча советского человека с Америкой	167
<i>Д. Штурман</i> — Мертвые хватают живых	196
<i>В. Пирожкова</i> — О коммунистической тактике	213
<i>А. Федосеев</i> — "Истинный" социализм ХЛС	228
<i>Г. Федотов</i> — Республика Святой Софии	242
<i>Игумен Г. Эйкалович</i> — Народничество	250
<i>Р. Плетнев</i> — Шпенглер о Достоевском и России	260
<i>М. Михайлов</i> — Дзвенпорт и его книга о свободе	271

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ: От русско-американского клуба (воззвание) — О ген. Б. А. Штейфоне (письмо в редакцию) — Пятый съезд православной русской общественности ..	283
---	-----

БИБЛИОГРАФИЯ: *Р. Плетнев* — П. Пагануци. Правда об убийстве царской семьи. *Р. Плетнев* — Вместо рецензии. *Т. Фесенко* — Л. Ржевский. Бунт Подсолнечника. *С. Крыжицкий* — В. Войнович. Претендент на престол. *Р. Плетнев* — С. Белов. Достоевский и театр. *Е. Терновский* — J. Catteau. La Création Littéraire. *Б. Нарциссов*. — Русский альманах. *Е. Таубер* — Т. Величковская. Цветок и камень . . . 286

Printed in the United States of America
by Computoprint Corporation
335 Clifton Ave. Clifton, N.J. 07011
Tel.: (201) 473-5071

СОСЕДКА ПУШКИНА

(К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ, 1781 - 1981)

Но и в дали, в краю чужом,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду, под сенью лип домашней.
Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
...Летит тоскующая тень
На милых бросить взгляд умильный
(А. С. Пушкин "П. А. Осиповой").

Вечером, 5 февраля 1837 года, Прасковья Александровна Осипова, владелица Тригорского, соседка Пушкина по имению, сильно простуженная, одетая в теплую душегрейку, сидела в своей просторной столовой и пила липовый чай с малиновым вареньем (помогает от простуды!). Тут же в столовой присутствовали ее младшие дочери — шестнадцатилетняя Маша и тринадцатилетняя Катя. Старшие дочери Прасковьи Александровны — Анна и Евпраксия Николаевны находились тогда в Петербурге. Сын же Осиповой — Алексей Николаевич — пребывал в полку.

В доме пусто, тихо; слышно, как тикают часы на камине, да под печкою сверчок стрекочет одиноко... Маша, ежась не то от холода, не то от какого-то необъяснимого страха, подошла к окошку и начала вглядываться в жуткую непроницаемую ночную темень. "Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя!" — проговорила она, зная наизусть, как и все обитатели Тригорского, пушкинские стихи.

— Хоть бы какой-нибудь "путник запоздалый к нам в окошко застучал", — промолвила ей в тон Катя.

— А вы помолчите! — произнесла Прасковья Александровна, прислушиваясь. — Мне кажется, будто колокольчик звенит где-то вдалеке.

Маша и Катя умолкли... Действительно, все отчетливее и яснее стал доноситься звон колокольчика...

— И кого это нам Бог посылает? — не без тревоги прошептала Прасковья Александровна и перекрестилась.

Вскоре во двор Тригорского въехали две тройки. Залаяли собаки, засуетились люди, замелькали фонари и вдруг в столовую со двора вбежала побледневшая от ужаса ключница Акулина Памфиловна.

— Матушка, барыня, там гроб привезли!..

— Гроб?.. Алексей, Алеша! — в ужасе, изменившись в лице, вспомнила о сыне Прасковья Александровна.

— Нет, не Алексей Николаевич, а михайловский барин, Александр Сергеевич! — замахала руками ключница.

— Пушкин!.. — с неменьшим ужасом закричала Прасковья Александровна.

В это время в столовую входил Александр Иванович Тургенев, которому, как он тотчас по-французски и объяснил Прасковье Александровне, было поручено в Петербурге доставить тело Пушкина для погребения в Святогорский монастырь. Но, сбившись с дороги, Тургенев, вместе с везшим гроб ямщиком, заехали в Тригорское.

Вскоре сознание своего долга вернуло Прасковье Александровне ее самообладание и она начала потчевать озябшего Александра Ивановича чаем с ромом; а затем, со свойственной ей хозяйской распорядительностью, она немедленно отправила верхового к михайловскому старосте, чтобы тот выслал в Святогорский монастырь людей рыть могилу. Ямщика, привезшего гроб, велела накормить, а потом наказала ему ехать в монастырь. А сама, едва сдерживая рыдания, стоя у окна, провожала глазами отъезжавшую тройку, крестя ее вслед.

Целую ночь никто в тригорском доме не спал. Александр Иванович рассказывал ужасные подробности из жизни поэта и о последних его часах. Чем дольше длилась беседа, тем все более и

более мрачнело лицо Прасковьи Александровны: — "А куда же вы смотрели? — хотелось ей спросить этого упитанного, самодовольного барина, называвшего себя старым другом поэта. — Да как же вы его не уберегли?.. Как позволили какому-то негодяю поднять руку и выстрелить в это сердце России?"... "Выстрелить в солнце!", — как сказал Кольцов. От этих безответных вопросов закипала буря в сердце Прасковьи Александровны и гневными слезами наполнялись ее глаза...

В шесть часов утра при сильном морозе Тургенев отправился в монастырь. Его сопровождали Маша и Катя, "чтобы кто-нибудь из близких был на похоронах", — решила Прасковья Александровна. Сама же она из-за простуды осталась дома.

В древнем Успенском соборе Святогорского монастыря происходило отпевание; служил сам игумен, столетний старец Геннадий. В церкви с зажженными свечами стояли: тригорские барышни Осиповы — Маша и Катя, Тургенев, дядька поэта — Никита Тимофеевич Козлов, да михайловские и тригорские крестьяне. Гроб высился на катафалке под бархатным балдахинном, по углам которого стояли со свечами, обвитыми траурными лентами, в черных кафтанах слуги, тоже присланные для этого случая в церковь заботливой и обо всем подумавшей Прасковьей Александровной.

Молитвенно и торжественно было в старинном соборе. Стройно пели святогорские монахи. Вдруг, как набат, напоминавший всем о случившемся великом народном горе, загудел колокол на святогорской колокольне и погребальный звон, сотрясая морозный воздух, замирая и дрожа, катился по лесам, по полям, по михайловским рощам и аллеям тригорского парка.

Заслышав голос колокола и приняв его, как последний, прощальный привет, посылаемый ей Пушкиным, Прасковья Александровна с сокрушенным сердцем опустила на колени и, уже не сдерживая рыданий, убиваясь горем, залилась горячими слезами...

— Неужели больше в "тригорском замке" не будет слышен веселый голос Александра Сергеевича?.. Вот еще этой осенью он писал мне, что приедет зимой в Тригорское, которое он считал своим "вторым домом"... Вот и сдержал слово, вот и приехал!..

прошептала она и еще горестнее заплакала.

В соборе служба подходила к концу. Монахи запели "Вечную память". Все опустились на колени. Тригорские барышни заплакали. Стоявшие же в стороне под темными сводами собора крестьянки давно уже всхлипывали и утирали слезы уголками платков, которыми были повязаны их головы.

— "Земля еси, и в землю отыдеси", и всему после этого конец, — подумал Тургенев, но тут же вспомнил слова поэта:

Нет весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет, и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит...

Но вот степенные михайловские дворовые и убитый горем Никита, поднявши с катафалка тяжелый, в две доски коваными гвоздями сшитый, дубовый гроб, под медленное и торжественное пение "Святой Боже" начали осторожно выносить его из собора.

Никита Тимофеевич Козлов, свидетель всей горестной жизни поэта, носивший его на руках, когда тот был еще барчуком, внесший своего барина на руках в дом, когда его окровавленного привезли после поединка, и несущий его теперь в последнюю дорогу, думал тяжелую думу:

— Эх, батюшка, Александр Сергеевич, почему ты скрыл от меня, что едешь на этот самый, пропади он пропадом, проклятый дуэль?.. Я не дал бы тебя в обиду, а как Савельич в "Капитанской дочке", побежал бы за тобой, чтоб своей грудью заслонить тебя от пули вражьей...

*

Весной того же 1837 года, как только оттаяла земля, Прасковья Александровна распорядилась построить около Успенского собора в Святогорском монастыре кирпичный склеп, куда на веки вечные и опустили гроб поэта.

Двадцать два года после кончины Пушкина еще прожила тригорская помещица — статская советница Прасковья Александровна Осипова-Вульф. Двадцать два года она заботилась о могиле поэта, посылала теперь туда, как раньше ему, живому в

Михайловское, цветы из своей оранжереи.

И всю свою долгую жизнь, вспоминая в разговоре ту жуткую ночь, когда Тургенев и ящик, везший гроб, сбились с дороги и заехали в Тригорское, Прасковья Александровна, вытирая выступавшие слезы, неизменно говорила при этом:

— Ведь какой случай!.. Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтобы не проститься с Тригорским и с нами!..

М. Дубинин

ДВОР МОНАСТЫРЯ В АФИНАХ

Блеск воздуха над зеленью долин,
Крылатость византийского пространства
И словно дремлет терпкая полынь
И веет отрешенностью бесстрастной.
Задумайся, опомнись, покорись,
Будь скуп на речь, как эти камни скупы.
У входа замер тёмный кипарис
И спят колонны, прислонясь к уступам.
Воочию здесь вечность начата,
Она в одно мгновенье уместилась
И буден мимолётная тшета
Поражена обратной перспективой.
Порви непостоянную канву
Причинности холодной и лукавой
И близкий рай проступит наяву
И одарит своей нетленной славой.
И отвергая многоцветный мир,
Мы по нему пройдем неуловимо,
Пока поблекнет солнечный эфир
В сиянии бессмертных херувимов.

Олег Ильинский, 1980

ВИЗАНТИЙСКИЕ РАСКОПКИ

Играют зорю при подъёме флагов
И в тонкой ряби утренних олив
Спит Византия в древних саркофагах,
Все подступы камнями завалив.
Вот Парфенон вступает в город сверху
Солдатским шагом розовых колонн,
А рядом эта сгорбленная церковь
Стоит смиренно, как земной поклон.
И только эти пятна золотые
Дрожат на стёртых плитах, как свирель
Твой древний камень прочен, Византия
В узоре геральдических зверей.
И этих пятен светлая веселость
Не ведает ни сроков, ни оков —
Гул вековой, как тот афинский голубь,
Доносится из глубины веков.
И мрамор плит, разбитых и разрытых
И тень листвы на квадрах базилик
Орнаменты, бегущие по плитам,
Вот Византии неизбывный лик.
Закатный блеск алеет над Европой,
А Византия — как предел времён
И золотой сторонится Акрополь,
Античный мир, вечерний Парфенон.

Олег Ильинский, 1980

*

Тут и вода в реке, мой друг,
С какой-то химией:
Такая страшная, что рук
Я в ней не вымою.

А вон рыбешка вверх брюшком
Плывет под мостиком.
Она не движет плавником,
Не движет хвостиком.

Да и меня, мой друг, тишком
Поят отравой.
Мне кажется, что вверх брюшком
Я тоже плаваю.

Мой друг, я стал совсем не тот,
Мне трудно дышится.
Как будто бы во мне течет
Не кровь, а жижица.

Когда-то я не отдыхал
С моею лирою,
Я был крикун, я был нахал,
Я был задирую.

Теперь забился я в нору
Из-за усталости...
К литературному перу
Тянусь по малости.

Мне стала жизнь не по плечу,
Дружу с лежанкою,
У телевизора торчу
С пивною банкою!

Как будто бы ушла из жил
Вся сила дюжая —
И я безропотно сложил
Свое оружие.

Иван Елагин

*

Сегодня день непонятный вовсе.
Взялись откуда-то в городе овцы.

С посохом некто, в хламиде некто
С овцами шел вдоль Большого проспекта.

Они обдавали клубами пыли,
От них шарахались автомобили.

И долго доказывал кто-то упрямо,
Что это какого-то дела реклама.

Не то реклама овечьего сыра,
Не то реклама спасения мира.

Иван Елагин

ТОМАСУ УИТНЕЙ

И *здесь*, и *там* Иваны Калиты
(Кто в куколе, кто в шлеме, кто в ермолке)
Восторженно вцепляются в осколки
Растоптанных добра и красоты.

Но те *свои*, наследники мечты,
А Вы — "чужой", так почему ж на полки
То прячете героя в треуголке,
То свежие эстампы и холсты?

По совести, когда б не Thomas Whitney,
Мы были бы жальчей и беззащитней
("Зачем тружусь? Искусство ни к чему!"),

Губили бы пожары и разливы
То рукопись, то целые архивы...
Но *верного* мы обрели Фому.

Валерий Перелешин, Рио де Жанейро.

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

Тузик приехал в Москву для того, чтобы посмотреть новый балет Большого "Нивы Заполярья", который был включен в репертуар Тбилисского театра Оперы и Балета и хореография которого была поручена ему, Тузику.

Толстенький, с округлыми бедрами и покатыми плечами, с женскими ужимками и с постоянно ласковым выражением на тонком, артистическом лице, в модной шелковой рубашке, подпоясанный лакированным ремешком, к тому же в ковровой тюбетейке поверх светлых выкрашенных волос, он шел с площадки Маяковского в гостиницу "Пекин", где за ним был забронирован номер, в котором он уже переспал ночь.

Был теплый летний день и по улице Горького фланировало много народу.

На перекрестке Тузик столкнулся лицом к лицу с мужчиной среднего роста, небритым, в надвинутой на лоб фетровой шляпе.

Тузик сразу узнал его.

— Мишенька, генацвале!

Это был Михаил Чиаурели. Когда он увидел Тузика на его хмуром лице появилось что-то вроде улыбки. Они обнялись, как старые друзья.

— Чмур, а ты совсем не изменился! — воскликнул Чиаурели.

— Разве что потолстел немного...

— А ты, ты, Чиа... ты здóрово похудел... — сорвалось с уст Тузика.

— Ха! Еще бы!

— А что?

Тузик задал этот вопрос, хотя в Тбилиси он слышал о том, что Чиаурели в беде, что его чуть ли не уволили с Мосфильма, что его собираются исключить из КПСС и что, вообще, его

”карта бита”. Однако Тузик не верил в эти слухи и считал, что их распространяют враги Чиаурели, которые пытаются воспользоваться так называемой ”десталинизацией”.

— Да ведь сегодня мой последний день пребывания в Москве, — сказал Чиаурели. — Завтра я уезжаю в... Свердловск.

— В Свердловск? Зачем?

— Так решили... на Олимпе.

— Вай-ме...¹ — испуганно произнес Тузик. — Это... ссылка?

— Забвение; знаешь такое слово, чмур?

Переменяя грузинскую речь с русской, как это принято среди интеллигентных грузин, они простояли на перекрестке до тех пор, пока не раздался свисток милиционера. После этого Чиаурели предложил Тузику пойти к нему домой, где у него было несколько бутылок хорошего вина, приготовленное по-кахетински лобио² и мчады.³

— Выпьем, закусим... теперь я сам себе стряпаю...

Тузик, добряк по характеру, не умея отказывать, согласился.

Они прошли два квартала по Садовому кольцу в направлении к Планетарию. Квартира Чиаурели находилась в цокольном этаже большого нового корпуса и всеми пятью окнами выглядывала на улицу. Когда оба приблизились к массивному парадному, Михаил Эдишерович показал Тузику, кивком головы, на высокий каменный забор и особняк, утопавший в зелени, на противоположной стороне кольца (одним углом он выходил и на Малую Никитскую).

— Знаешь, кто обретался в нем? Берия, сволочь... — и Чиаурели добавил: — На Олимпе и этого негодяя внесли в мой актив. Они там заявили, что я получил квартиру по личному указанию изверга и что последний не случайно поселил меня по соседству с собой.

— Вай-ме... — опять с легким испугом в глазах пробормотал Тузик.

— А я не переваривал Берия органически и он знал это, но

---

1. В переводе на русский: ”Ах. ох, ой”.

2. Лобио это фасоль.

3. Мчады — кукурузные лепешки.

терпел меня из-за Сталина, конечно; но это правда, что квартиру мне дал Берия, по приказу вождя... и безусловно в угоду Сталину поместил меня рядом с собой.

Они поднимались по мраморной лестнице.

Тузик вздыхал и думал о том, как превратна человеческая судьба. Ведь еще не так давно кинорежиссер Михаил Чиаурели был в области искусства богом, да, да, самым настоящим богом: Герой Социалистического Труда, Народный артист СССР, депутат Верховного Совета СССР, грудь до пупа увешана орденами и медалями, собственный дом на родине, в Тбилиси, две дачи, вот квартира в центре Москвы, персональная машина, секретари и сотни прихлебателей и лакеев, ну, и главное... дружба со Сталиным, с великим Сталиным, всем известная дружба с вождем прогрессивного человечества, который до конца дней своих питал к Чиаурели симпатию. Еще совсем недавно стоило Михаилу Чиаурели обронить слово и любого деятеля советского искусства да и литературы могли ожидать слава или позор.

В просторной квартире Михаила Эдишеровича все было перевернуто вверх тормашками, картины со стен были сняты, как и портьеры с окон, дорогой текинский ковер был скручен и оголился паркетный пол, лампочки из нарядной люстры почему-то были вывинчены. А на кожаном диване лежало два уже почти упакованных чемодана заграничного производства. На круглом же столе из красного дерева в гостиной стояли три бутылки "Твиши".

— Видишь, как будто бы здесь был погром, — сказал, почесав лысый череп, Чиаурели. — В квартире — погром, в душе — погром... И никого вокруг. Разбежались мои "обожатели". Раньше от посетителей не было спасения. Все ко мне лезли с просьбами, а теперь... Хорошо, что ты еще не отказался зайти ко мне, чмур...

— Что ты, что ты, Чиа, рогор шейдзлеба...⁴

— Эх, Тузик, не говори, самые верные люди от меня отвернулись! Каждый за свою шкуру боится.

— Мишенька, да ведь я тебя люблю, — сказал Тузик,

---

4. В переводе на русский: "Как можно?"

сложил губки трубочкой и поцеловал Чиаурели в щеку.

(Он любил всех и всех целовал в щеки.)

Чиаурели принес из кухни кастрюлю с лобио и мчады, а из холодильника достал зеленую траву "тархун". Они сели за стол, выпили, чекнувшись, но не произнося тосты, поели лобио (оно было с орехами и чесноком), а потом Михаил Эдишерович, откинувшись на стуле, возбужденно сказал:

— За что? Тузик, за что они меня вычеркнули из жизни?! Я тебя спрашиваю: за что? Только за мою близость к Сталину. Они говорят, что я на этой близости сделал свою карьеру. А еще они говорят, что я был наиболее активным культработником, тьфу черт, не культработником, а культ-строителем, культовиком, то есть тем, кто сооружал "культ". Понимаешь?

— А ты... не был им, культовиком? — с выражением наивности на лице, спросил Тузик.

Чиаурели выпил еще стакан вина, обнял Тузика и проговорил:

— Я был при вожде... шутком... я развлекал старика... потешал его...

И Михаил Эдишерович прослезился. А Тузик тем временем вспомнил хорошо известную в Грузии историю о том, как Чиаурели волею случая познакомился со Сталиным. Это было еще в довоенные годы. Как-то в Кремль повезли несколько новых советских фильмов на просмотр Сталину. Председатель Комитета по делам кинематографии, Шумяцкий, включил в их число и комедию Георгия Макарова "До скорого свидания" (снятую в Госкинопроме, в Тбилиси), но кто-то там из технического персонала перепутал железные коробки и вместо "До скорого свидания" в Кремль была отправлена картина "Последний маскарад", снятая на том же Госкинопроме Михаилом Чиаурели. Это была сатира на меньшевистскую Грузию, то есть на ее меньшевистских правителей и на Антанту, но в фильме была и романтически-революционная линия с героем, простым грузинским парнем, любившим петь песню "Сулико". В результате, Сталин просмотрел не "До скорого свидания", а "Последний маскарад" (Георгий Макаров хотел по этому поводу вызвать Чиаурели на дуэль и говорил всем: "Мишка меня ограбил!"). Картина Сталину понравилась и очень понравилась ему песня

”Сулико”, которая, позднее, стала одной из наиболее популярных во всей стране. Вот Сталин и решил после этого пригласить к себе на дачу, на ужин, Чиаурели. Так встретились вождь народов и обыкновенный грузинский кинорежиссер. Последний покорила первого своими остроумными шутками, редким даром имитации, песнями, танцами и, вообще, живым нравом. С этого началось восхождение Михаила Чиаурели, вскоре прославившегося эпохальными фильмами о самом Сталине. Он снял их пять или шесть и за каждый, конечно, получил сталинскую премию и ”благодарность” всего советского народа.

— Мишенька, генацвале, но как... дошло до Свердловска? — спросил Тузик и погладил Михаила Эдишеровича по руке.

— Как? Первым сигналом явился подлец Берия. Видишь ли, Тузик, после смерти вождя... Сталина... теперь уже лучше не называть его вождем... так вот после его смерти я написал сценарий о последнем периоде его жизни (вместе с драматургом Семеновым Нагорным). Ну, и послал сценарий Лаврентию для утверждения. Представь себе, через три дня раздался телефонный звонок, да, да, вот затрезвонил этот самый телефон, который вот стоит на тумбочке в углу. И Берия, сам Берия, сказал мне: ”Слушай, забудь о Сталине раз и навсегда. Чем раньше ты это сделаешь, тем лучше. Он был кровопийцем и преступником, этот великий вождь. Мы скоро объявим об этом публично”. Я вырвал трубку и онемел. Верико, моя жена, она была тогда в Москве, спросила: ”Миша, что с тобой?” Когда я пришел в себя, я сказал ей: ”Мои дни сочтены...” Как видишь, Тузик, я не ошибся. Да, Тузик, это был первый сигнал. А потом ухлопали Берия, Хрушев выступил на съезде КПСС с ”разоблачением” Сталина и Сталин вышел из моды, мягко говоря. Немедленно в ЦК посыпались письма, письма с жалобами на меня. Сотни писем. Все те, которых я, так сказать, ”ушемлял”, с которыми я не соглашался, что будет вернее, воспользовались подходящим моментом и начали лить мне на голову нечистоты; все мне припомнили, ух, в чем только ни обвинили. Кончилось тем, что меня вызвал товарищ Шверник, член Политбюро и председатель КПК, ты знаешь что это такое? Комиссия партийного контроля; ну вот, этот самый Шверник, между прочим, в прошлом,

при Сталине всегда наговаривавший мне уйму комплиментов, заявил на этот раз, что КПК решило открыть "персональное дело Михаила Чиаурели". Я же член КПСС. Вслед за тем, меня отстранили от работы на Мосфильме и отобрали у меня все те привилегии, которыми я пользовался как депутат, лауреат, герой и Народный артист СССР. В завершение, товарищ Лаханкин в течение целого года допрашивал меня так, как допрашивают в КГБ.

Вай-ме, а кто этот товарищ Лаханкин? — осторожно спросил Тузик.

— Ответственный товарищ из КПК. Ему было поручено мое "дело". Да, да, Тузик, эта инквизиция тянулась год. Я потерял четырнадцать килограммов. Мои, так называемые, друзья разбежались кто куда. Со мной даже перестали здороваться. И еще раздавались анонимные телефонные звонки: меня называли "временщиком", "лизоблюдом", "сталинистом" и так далее.

— Бедный Мишенька... — Тузик сокрушенно покачал головой. — Я слышал об этом в Тбилиси, но я не верил...

— Вот, Тузик, дзмао, я тебе дам почитать протокол заседания КПК и постановление КПК. Вот я тебе дам почитать этот исторический папирус, эту комедию дель арте.

Чиаурели встал, прошел к небольшому дамскому бюро, стоявшему в нише, открыл верхний ящик и извлек из него папку с бумагами: в ней было по меньшей мере страниц двадцать-тридцать с напечатанным на машинке текстом.

— Вот, чмур, насладись... — сказал Михаил Эдишерович, вручив папку Тузику.

Сам же, сняв пиджак, купленный в последнюю поездку в США, в Нью Йорк, выпив еще стакан вина, он опустился в мягкое бархатное кресло.

Тузик, прежде чем взяться за чтение, задал Чиаурели вопрос, который все время вертелся у него в голове, но казался опасным и слишком прямолинейным:

— Скажи мне, Чиа, между нами... клянусь это будет только между нами... ты же мне доверяешь, я надеюсь... Скажи мне, это правда, что Сталин был... великим человеком, гением? Ведь ты его знал лично...

Михаил Эдишерович посмотрел на Тузика так, как смотрят

на чудных невинных детей. Он ухмыльнулся, но потом в его глазах вспыхнул зловещий огонек и, понизив голос, он ответил:

— Старик был... сукиным сыном, таким же, как и все остальные, только покруче заваренным. Понял, Тузик? А Берия был негодяем! И вообще, чмур, как на исповеди скажу: я всегда всех их терпеть не мог и считал пауками, ядовитыми пауками... Но мне приходилось улыбаться... среди волков жить, Тузик, по-волчьи выть.

— Чиа, да но ведь это длилось годами, годами...

— Эх, Тузик, все наше бытие это волчий вой.

Вай-ме. Как же ты мог так жить?

А ты?

Видишь ли, в балете идеологии ведь почти нет, хотя...

Хотя, хотя, перебил Михаил Эдишерович.

Идеология есть везде, амис дедац моугткам...⁵ И везде сидят пауки. Все мы, Тузик, одинаковые, только один размером побольше, другой — поменьше. Хочешь я тебе открою душу? Хочешь скажу *правду*? — в глазах Чиаурели опять заиграл зловещий огонек. — С того момента, как я забрался на вышку, стал "другом" Сталина, я играл роль графа Монте-Кристо. Да, да, я упивался мезтью. Я платил долг! Да, да, чмур, я им выдал сполна!

— Кому... им?

— Грузинской интеллигенции, аристократической по крови, недобитой, традиционной... Не знаю, помнишь ли ты это или нет, Тузик, но в середине двадцатых годов, когда я занимался скульптурой, я вылепил фигуру Ленина. Она была отлита в бронзе и поставлена в Тбилиси, в Александровском саду. Так вот эта аристократическая интеллигенция, высший грузинский свет, подняли меня на смех, заявив, что мой Ленин с накиннутым на плечи пальто выглядит так, точно он только что вышел из уборной.

— Как же, как же, я помню это... — проговорил Тузик.

— Эстеты! Они вынудили меня бросить скульптуру. И я пошел в кино. Им на беду, — Чиаурели рассмеялся. — А потом они публично осудили актрису Верико Анджапаридзе за то, что она вышла замуж за проходимца, дилетанта, простолюдина,

---

5. Неприличное грузинское ругательство.

кинтошку, Михаила Чиаурели...

— Вай-ме, вай-ме.

— Мечь, Тузик, великая страсть! Мы об этом не говорим, но в каждом из нас сидит граф Монте-Кристо. Это самая сильная человеческая эмоция. И Сталин был графом Монте-Кристо.

— Неужели?

— Ах, чмур, ты же Христос... А Сталин, подвыпив, однажды сказал мне: "Засунул я этим интеллигентам-теоретикам клинджи!"⁶ Он имел в виду то, что до Октябрьской революции Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев и другие путешествовали по Европе и, сидя в кафе Женевы, пописывали свои статейки, называя Сталина, практика и подпольщика, сидевшего в царских тюрьмах, "азиатом" и неучем. Они же и после Октябрьской революции смотрели на него сверху вниз. Вот он, влезши на трон, и показал им каким "азиатом" он был, и отправил всех их к прадедам, амис дедац моугткам...

Выговорив все это на нервной голосовой интонации, возбужденно размахивая руками, Чиаурели закрыл глаза и опустил свою сократову голову на грудь. Тузика, который действительно был наивным (некоторые называли его человеком "не от мира сего"), слова Михаила Эдишеровича поразили; он же ухитрился прожить жизнь почти вне политики, хотя любил всякие слухи и сплетни.

— Мой бедный Мишико... — он опять сложил губы трубочкой и поцеловал Чиаурели в щеку.

— Читай, читай папирус, чмур, — сказал тот и добавил: — Имей в виду, что меня на это заключительное заседание КПК не пригласили.

Тузик погрузился было в чтение протокола, удобно расположившись на диване, как вдруг раздался странный и явно неприличный звук.

— Извини... это лобио, конечно... — произнес Чиаурели.

И он запел вполголоса "Сулико", для того чтобы песней заглушить дальнейшее пукание. Однако, немного спустя, Михаил Эдишерович, оборвав пение и улыбнувшись, сказал:

— Знаешь, Тузик, как-то на даче Сталина мы тоже наелись

---

6. Очень неприличное грузинское слово.

лобио с орехами и великий вождь первый начал... пердеть. Но он, при этом, не извинялся. Я вот думаю, если бы я написал мемуары и изобразил бы в них эту картину: пукающего Сталина, что бы было? А? Ха-ха-ха-ха...

Минут через пять краем глаза Тузик заметил, что Чиаурели, сидя в кресле, уснул, продолжая и во сне издавать непристойные звуки.

Многое из того, что Тузик узнал, читая протокол КПК, было ему, между прочим, известно. Так, например, товарищ Лаханкин доложил КПК о том, что-де Чиаурели поставлял маршалу Берия молодых и красивых женщин. Но ведь об этом говорилось на каждом перекрестке в Тбилиси, правда, шепотом. И всем в Тбилиси было хорошо известно о том, что Чиаурели не расставался со сталинской книгой "Вопросы ленинизма" и каждому показывал надпись на титульном листе: "Другу Мише от Сосо". Тузик сам видел эту книгу. По этому поводу ему вспомнилась такая, популярная в Тбилиси, историйка: для строительства собственного дома Чиаурели понадобилось три тонны цемента, который в те времена был дефицитным — достать его было невозможно. Михаил Эдишерович решил поехать к какому-то высокому начальнику. Поехал. Попросил о помощи. Тот пожал плечами и сказал, что цемента у него, увы, нет. Чиаурели молча показал "Вопросы ленинизма" со сталинским автографом. Высокий начальник ахнул и немедленно позвонил кому надо. На следующий день Чиаурели получил три тонны цемента. (Говорили, что таким же образом Михаил Эдишерович достал и стекла для окон и замазку, которую хозяйственники, в основном, покупали на черном рынке).

Не было для Тузика новостью и сообщение товарища Лаханкина о том, что Сталин лично правил сценарии Чиаурели, посвященные революционной деятельности Сталина. Кстати, тут приводился разговор между Сталиным и Чиаурели (цитировалось показание Чиаурели), который имел место при обсуждении сценария фильма "Клятва".

Текст был следующий:

"СТАЛИН: Я думаю, Михо, что в этом эпизоде надо усилить линию Ленина.

ЧИАУРЕЛИ: А Сталина?

СТАЛИН: Линию Сталина мы усилим в следующем эпизоде. И надо показать обоих как соратников по революционному мастерству.

ЧИАУРЕЛИ: Да, конечно.

СТАЛИН: А Троцкого вот в этом эпизоде надо смешать с... говном.

ЧИАУРЕЛИ: Разве я не смешал?

СТАЛИН: Я рекомендую подбавить еще немного говнца.

ЧИАУРЕЛИ: Хорошо, подбавим”.

При обсуждении же сценария фильма ”Падение Берлина”, оказывается, произошел следующий обмен фразами:

”СТАЛИН: Я думаю, Михако, что маршала Жукова следует уронить и уронить *основательно*. Вам это ясно?

ЧИАУРЕЛИ: Ясно, Иосиф Виссарионович, батоно. Уроним *основательно*”.

Тузик улыбнулся и невольно произнес свое ”Вай-ме”, когда прочитал в протоколе о том, что, по признанию Михаила Эдишеровича, он предложил Сталину соавторство по сценарию ”Великое зарево”, на что великий вождь ответил отказом, сказав: ”Это будет не солидно...”

Товарищ Лаханкин, судя по протоколу заседания КПК, сообщил ее членам (их было восемь человек, плюс председатель и секретарь) о том, что Чиаурели постоянно действовал как ”представитель Сталина”, что он повсеместно употреблял выражение: ”Вождь сказал, что...” А так как руководящие товарищи знали, что он бывал у Сталина на даче и бывал там часто, все предложения Чиаурели, все его идеи и вообще — мнение — тотчас же утверждались или принимались к сведению, как идущие от самого Сталина. Товарищ Лаханкин назвал это ”политическим авантюризмом”. Прочитав об этом, Тузик на секунду взглянул на спящего Чиаурели, как-то особенно на его сильный нос и выпуклый лоб, и подумал: ”А ведь Миша это конечно же делал. И выражение ’Вождь сказал, что...’ конечно же было лейтмотивом всей его карьеры”. Кто-то рассказывал Тузику, что когда Чиаурели входил в кабинет министра Кинематографии СССР, Большакова, тот вскакивал и жал ему руку обеими руками и заискивающе смотрел ему в глаза, как бы стараясь угадать —

был он вчера у Сталина на даче или не был, и во всех случаях говоря: "Сделаем, товарищи, так, как советует наш дорогой Михаил Эдишерович..."

Занятой оказалась Тузику и дискуссия, записанная в протоколе, о маске Ленина и слепке с его правой руки. Об этом Тузик так же слышал кое-что в Грузии, но картина была ему не ясной. Дело заключалось в том, что Сталин подарил Чиаурели маску покойного Ленина и слепок с его правой руки. И, по заявлению Михаила Эдишеровича, на которое ссылался товарищ Лаханкин, это были маска и слепок номер два, то есть вторая по счету маска, снятая с лица покойного Ильича (и слепок с правой руки). По свидетельству Чиаурели, он хранил этот подарок у себя дома в Тбилиси. Однако тут члены КПК на время забыли о "подследственном" и заинтересовались совсем другим.

Вот как это все было запечатлено в протоколе:

"ЛАХАНКИН: Повторяю, Михаил Чиаурели утверждает, что эта маска и слепок номер два.

САШКОВ: Позвольте, товарищи, а где же номер один?

ШВЕРНИК: Я лично не знаю.

ЛАХАНКИН: Михаил Чиаурели сказал мне, что номер один был у вдовы Орджоникидзе. Но я проверял. Тут странная история. Следы потеряны. У вдовы ничего нет.

ШВЕРНИК: Но, может быть, номер один в музее Ленина.

ЛАХАНКИН: Я проверял. Там номер восемь.

ЧИЖА: Восемь? Неужели с умершего снимали маску восемь раз? Это изуверство.

ПЛЯТ: Какая разница? Мертвые ничего не чувствуют.

ЧИЖА: То есть как это? Значит, снимать маску хоть сто раз? Ведь мы о Ленине говорим, о Ленине.

ШВЕРНИК: Да, это важный вопрос. И политический. Надо выяснить где номер один? А номер два мы у Михаила Чиаурели отберем".

Заинтересовало Тузика и место о других подарках Сталина. С ссылкой на Чиаурели, в протоколе приводился их точный список. Читая его, Тузик не смог сдержать свой тонкий женский смех.

В списке значилось: "Подтяжки шелковые, голубого цвета; патефон; фотоаппарат ФЭД; шесть пар фельдеперсовых носков;

три фотографии с надписями; банка орехового варенья; охотничье ружье Тульского завода; папаха каракулевая, коричневого цвета; часы-ходики с кукушкой, столовая ложка...”

Товарищ Лаханкин почему-то назвал все эти подарки “инструментами культстроительства”. Из протокола Тузик также узнал о том, что этот Лаханкин потребовал от Чиаурели, во время одного из допросов, чтобы он вспомнил — сколько бутылок вина было выпито вместе со Сталиным. И Михаил Эдишевич вспомнил: шестьсот семьдесят восемь с половиной. Лаханкин привел в протоколе эту цифру. Он получил ответ и на второй вопрос: “Сколько раз вы спали на даче у Сталина?” Чиаурели подсчитал по пальцам. Оказалось только шесть раз.

Тузик возмутился и про себя сказал: “Да что они там, в этом КПК идиоты что ли!? Зачем же влезать в бытовые подробности? Какая разница выпил ли Чиаурели со Сталиным шестьсот семьдесят восемь с половиной бутылок или на бутылку больше? А почему же тогда товарищ Лаханкин не поинтересовался названиями вина? Вероятно, они были различными. Ох, как выразался отец Тузика (он был наполовину русским), заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет.

Приведенное в протоколе письмо актера Госкинпрома, Спартака Багашвили, ошеломило Тузика. Спартак, красавец, с необыкновенно импозантной внешностью, взятый Чиаурели с улицы, снявшийся в его шести боевиках, обязанный ему почетом и славой (кроме психиатрического дома, в котором он недавно оказался), обвинил Чиаурели во всех смертных грехах. В письме, например, была такая фраза: “Ублюдок Чиаурели на песенке ‘Сулико’ заработал миллионы рублей, которые тайком зарыл на берегу Куры у селения Квишхети”. Это удивило Тузика. Однако, по товарищу Лаханкину, специальные люди ездили в Грузию, искали эти миллионы на берегу Куры у селения Квишхети, но вместо них нашли клад серебряных монет времен царицы Тамары.

Товарищ Лаханкин, конечно, перечисляя факты, подтверждающие морально-бытовое разложение Михаила Чиаурели, упомянул о том, что он сожительствовал с сестрой своей жены Мери Джапаридзе, которая была у него ассистентом по режиссуре, а также устраивал оргии у себя в квартире, сово-

купляясь с монтажницей Мосфильма на подоконниках. (Приводилось показание монтажницы Сони Сахаровой).

Читая об этом, Тузик невольно взглянул на подоконники всех пяти окон и подумал: "Они же узкие, как он умудрялся?!" Между прочим, в протоколе КПК член комиссии, товарищ Аргутинский, также в этом месте спросил: "Как он умудрялся?", на что Шверник ответил: "Товарищи, не будем углубляться в половые детали".

Разумеется, затаив дыхание, Тузик прочитал и обвинение по адресу Чиаурели в гомосексуализме, хотя они и не подкреплялись фактами и именами. Тузик вспотел от такого уместного и душевного напряжения. Никогда прежде ему не приходилось иметь дело с подобного рода "документом". Комедия дель арте? Нет, это было кое-что почище!

Правда, Тузик не нашел в протоколе одного — упоминания о том, что в конце двадцатых годов или начале тридцатых Михаил Чиаурели, завербованный ГПУ, был послан в Берлин для того, чтобы убить грузинского поэта-эмигранта Григола Робакидзе. Об этом в общих чертах знали многие в Грузии, но так как на эту тему было опасно говорить и так как фактических данных не было — история эта годами продолжала оставаться загадкой. Тузик, очень любопытный от рождения, надеялся, что в протоколе будет что-либо новое на эту тему. Разумеется, Робакидзе убит не был. Кажется, Чиаурели не справился с поручением и вернулся домой с пустыми руками. И, кажется, его после этого из списков агентов ГПУ вычеркнули. (А может быть, и нет!)

Ах, Тузику вдруг так захотелось разбудить Михаила Эдишевича и сказать ему: "Чиа, во-первых, перестань пукать, это же некрасиво. А во-вторых, сознайся: ты собирался убить Робакидзе или нет? Был ли ты агентом ГПУ или нет?" Но он не решился сделать это.

Постановление КПК гласило: конфисковать маску и слепок с правой руки Ленина, все подарки Сталина, книгу "Вопросы ленинизма", объявить Чиаурели строгий выговор с последним предупреждением и с занесением в личное дело, запретить сроком на два года работу в центральных студиях страны, отказать в просьбе послать на работу в Тбилиси на студию

Грузия-фильм, вместо того направить очередным режиссером на студию документальных фильмов в Свердловск.

В протоколе были записаны заключительные слова товарища Шверника: "Наказание, которое мы выносим кинорежиссеру Михаилу Чиаурели, автору монументальных *культурных* фильмов, должно быть поучительным и для других. Мы, товарищи, должны выкорчевывать все ячейки, все корни, породившие в нашей стране и в нашей партии культ Сталина!"

Тузик отложил папку в сторону, откинул голову на спинку дивана и сказал самому себе: "Гмерто! В какое время мы живем? Это же всё ужасно! Ужасно!", а потом, посмотрев на спящего Чиаурели, он, мысленно, добавил: "Но ведь Миша тоже не ангел и, конечно же, он лизал Сталину зад..."

— Вай-ме, вай-ме... — вслух произнес Тузик.

Спустя немного, он встал с дивана, на цыпочках приблизился к Михаилу Эдишеровичу, наклонился к нему, поцеловал его в щеку и так же, на цыпочках, направился в переднюю, к выходу.

Спустившись по лестнице вниз и оказавшись на улице, он подумал о том, что упоминание в протоколе КПК о гомосексуализме, касательно Чиаурели (кроме оргий с монтажницами на подоконниках), было справедливым. Тут свидетелем ведь мог выступить сам Тузик. В молодости он и Миша были "любовниками". И об этом в Тбилиси знали.

И еще Тузик подумал: "И все же что-то у нас меняется и улучшается. Ведь Мишу Чиаурели не арестовали, не посадили, не сослали в Сибирь. И он позволял себе даже высказывать вот с Тузиком достаточно крамольные суждения, критиковать власти..."

Собственно, об этом уже не раз думал и сам Михаил Эдишерович. В конце концов, хотя Свердловск и город провинциальный, но это не Колыма, а без маски Ленина и слепка с его правой руки он может и обойтись. Да и квартиру в Москве оставили за Чиаурели, на нее наложили правительственную броню, и дом в Тбилиси не опечатан, и дачи сохранили, и, главное, его не исключили из КПСС. Два же года в Свердловске пройдут как один день. А там видно будет... кто знает, может быть, позовут обратно и опять начнут прославлять великого Сталина. Правда,

на пороге уже проклятая старость, так что второй жизни впереди не предвидится...

На следующий день, вечером, Тузик смотрел в Большом театре балет "Нивы Заполярья" с Алой Трисецкой в заглавной роли эскимоски-парторга.

А Михаил Эдищерович Чиаурели на следующий день, утром, уехал в Свердловск.

Юрий Кротков

*

Нейтронная бомба не тронет меня.
— Не тронь меня, бомба, — я тихо скажу. —
Мой Ангел стоит, от печали храня.
К тому же, я занят: я рыбу ужу. —

А впрочем, кончаются годы мои.
На дереве жизни последний листок
Трепещет над холодом темной струи.
Прощай, моя рыбка! Прощай, червячок!

Но мне говорят, что конец не конец
И ждет меня встреча в небесной стране.
Там душу простят, поведут под венец
И это, наверно, понравится мне.

Не надо бояться. Там вечность и рай.
Я смело вступлю на таинственный мост.
— О, ехать так ехать, — сказал попугай,
Когда его кошка — из клетки — за хвост.

Игорь Чиннов

*

Уйти? Остаться? Сердце мается.
"Свобода воли" ...Полно врать:
Свободой воли называется
Необходимость выбирать.

А выбирать — не знаю, стоит ли.
Пусть лучше выберете Вы.
Ах, две охапки сена стоили
Ослу ослиной головы.

Две одинаковых (Нелепица!
Ну, хоть бы спор добра и зла!)
И между ними всё колеблется
Тень Буриданова осла:

Какой охапке предпочтение
Отдать? Какую первой съесть?
Стоял осел в недоумении,
Пока его не съела смерть.

Игорь Чиннов

*

Моей России больше нет,
Россия может только сниться,
Как благотворный, тихий свет,
Который перестал струиться.
Советским людям будет жаль
Навеки сгинувшего света,
Россия станет, как Грааль
Иль Атлантида для поэта.
Мы проиграли не войну,
Мы не сраженье проиграли,
А ту чудесную страну,
Что мы Россией называли.

Октябрь 1980 г.

*

Я вижу мокрую крышу,
Серого неба кусок,
По лестнице нашей, слышу,
Поднимается ветерок.
Скучно! Некуда деться.
Четыре стены, окно...
Утром надо одеться,
Раздеться, когда темно.
Осень. Без молний, без грома,
Осень — как тяжесть ярма.
Я не в тюрьме, я дома,
Но старость та же тюрьма.

Ноябрь 1980 г.

Анатолий Величковский

Я УНЕС РОССИЮ

Т. II. *"РОССИЯ ВО ФРАНЦИИ"*

И. Г. Церетели и А. Ф. Керенский

С воспоминаниями об А. Ф. Керенском у меня невольно сплетается И. Г. Церетели. Потому ли, что оба были главными "действующими лицами" трагедии — "Февраль-Октябрь 1917 года"? Потому ли, что И. Г. часто говорил о Керенском (всегда резко-отрицательно)? Не знаю. Но я чувствую (писательски), что должен сейчас дать очерк об Ираклии Георгиевиче (после Керенского). И нарушая вновь хронологию "России во Франции", дам, что помню о Церетели (и во Франции, и в Америке).*

В "России в Германии" я писал о встрече с И. Г. Церетели в Берлине у Станкевичей в 1920 годах. Дал некий набросок его внешности и производимого им впечатления. Высокий, скромно, всегда аккуратно одетый (темно-синий костюм, темно-красный галстук), красивый, с правильно-грузинскими чертами лица, говор с легким (приятным) кавказским акцентом, Ираклий Георгиевич был немного из тех, о ком Верховенский говорил Ставрогину: "аристократ, когда идет в демократию, обаятелен". В Церетели обаяние было, хоть он и не был большим аристократом. И. Г. происходил из небогатого, старинного грузинского дворянского рода. Но "хорошее рождение" и хорошее воспитание в нем чувствовалось сразу. В противоположность "бесу" Ставрогину, "к добру и злу постыдно равнодушному", И. Г. добро от зла отличал и этически и эстетически, он был каким-то

---

*Но сейчас дам только те разговоры, которые так или иначе были "политическими", а всё "человеческое" об И. Г. Церетели пойдет в III части трилогии (в "России в Америке").

”цельным”, не приемлющим никаких компромиссов. В этом смысле, по-моему, И. Г. был даже как-то труден, чрезмерно ригористичен, что политикам обычно не свойственно.

Может быть именно поэтому в своей зарубежной жизни (около 30 лет) эмигрантской политикой, ни русской, ни грузинской, И. Г. не занимался. В самом начале еще выступал, как представитель независимой Грузии, но скоро оборвалось. Уже этой политической ”отстраненностью” Церетели был своеобразен. В конце 20-х гг. он поступил студентом на юридический факультет Парижского Университета и в 1932 году его окончил. Ему было тогда 50 лет.

В Париже с И. Г. встречался в 1946-48 гг. Первый раз он пришел к нам в квартиру (из одной комнаты) на 253 рю Лекурб, на 5-м этаже, без лифта. Пришел по какой-то просьбе Б. И. Николаевского из Америки. С Николаевским я был в постоянной переписке. А Церетели и Николаевский были давние друзья. Но их дружба, по-моему, была неравная. Церетели хорошо, дружески относился к Б. И., как к верному другу. Николаевский же необычайно заботливо и трогательно любил ”Ираклия” (как его всегда называл). Это была высокая дружба. Как рыдал Б. И., когда в Нью Йорке Ираклий Георгиевич умер!

На рю Лекурб Церетели заходил к нам довольно часто. Мы сошлись. Ираклий Георгиевич особенно хорошо относился к Олечке, вероятно, чувствуя схожую с ним прямолинейность характера (”в одну краску”). В те годы я и Олечка, как могли, помогали советским, послевоенным эмигрантам: и материально и морально, кой-кому даже помогли бежать из Европы. Помощь шла из Америки через Николаевского и Зензинова: одежда, кое-какие деньги. И часто наша однокомнатная квартира (и крохотная кухня) были полны этими новыми людьми. И. Г. знал это, но никак этому не сочувствовал. — ”Ну, что вы, Р. Б., с этими новыми возитесь? Я уверен, что из них половина провокаторов, я и Б. И. об этом писал”, — не то серьезно, не то в полушутку говорил И. Г. Но ни я, ни Б. И. с ним согласны тут не были.

В эти приходы к нам — за чаем — И. Г. рассказывал иногда очень интересно. Как-то он рассказал, как его всячески обхаживали, чтоб он вместе с Маклаковым пошел на прием (”на

поклон”) к советскому послу Богомолу. Известно, что тогда — после победы — русскую парижскую эмиграцию охватил восторг патриотизма. И, естественно, советское посольство бесовски эти русские чувства пыталось использовать (я думаю, по линии КГБ, главным образом). На Ираклия Георгиевича шла особая атака всяких советских патриотов. Это было и понятно. Уговорить пойти на прием к советскому послу И. Г., известного лидера русских и грузинских социалистов, члена II Интернационала, друга Каутского, Реноделя, Рамадзе, Блюма, было куда заманчивей, чем приход правого кадета Маклакова или главы РОВСа, монархиста адмирала Кедрова, которые эту “Каноссу” проделали в феврале 1945 года.

Лобовую атаку на И. Г. Церетели, атаку уговоров, так сказать, сдать свою прямолинейную, ригористическую антибольшевицкую позицию и переступить порог советского посольства Николаевский в письме ко мне считал проводимой “по личному указанию товарища Сталина”. Предположение вполне допустимое. Но Церетели был тверд, как камень. Как-то я спросил его:

— Ираклий Георгиевич, это правда, что пойти на прием к Богомолу вас уговаривал сам Маклаков?

— Правда, — чуть улыбаясь, сказал И. Г., — Но так как я никуда ехать на разговоры не хотел, Маклаков приехал ко мне. И развернул все свои красноречивые доводы, чтобы я вместе с ним отправился на рю де Гренель. Но успеха он, к сожалению, у меня не имел, — улыбался И. Г. — Я спросил его: — Кого же вы будете представлять? Маклаков ответил: — Самого себя. На это я сказал, что представлять Богомолу “самого себя” я не собираюсь...

— И все-таки на вас и после страшно наседали. Мне говорили, будто из СССР приезжал даже какой-то грузин, ваш бывший знакомый?

— Верно. Приезжал. Но успеха тоже не имел...

Тут я заметил, что о визите этого грузина И. Г. не хочет рассказывать. Но именно этот “грузинский визит” и дал Николаевскому повод предположить, что в дело вмешался “лично товарищ Сталин”.

— А вы знаете, кто ко мне еще приезжал по этому делу? — с какой-то улыбкой и смеха и полупрезренья сказал И. Г.,

— Георгий Адамович...

Я обмер: — Георгий Адамович?

— Да, да, вот этот самый литературный критик...

Обмер я потому, что такой "глупости" никак не ожидал ни от Адамовича (человека весьма неглупого), ни от тех, кто его подталкивал ехать к совершенно незнакомому И. Г. Церетели с какими-то доводами о "примирении с Россией". Известно, именно в те годы Адамович был советским патриотом, сотрудничал в просоветских парижских газетах, издал весьма просоветскую книгу по-французски "Д'отр патри". Все это так. Но чтобы Адамович, по самой природе своей человек совершенно не политический, решился на роль давателя политических советов — кому? — И. Г. Церетели, известному, опытному политическому деятелю, это могло восприниматься только как комизм. Так это и было воспринято И. Г. На мое крайнее удивление И. Г. продолжал полуиронически, полупрезрительно: — "Да, да, литературный критик Адамович, которого я никогда в жизни не видал, приехал — представьте себе — ко мне с теми же доводами о необходимости 'примирения с Россией' "...

— Не убедил? — спросил я, смеясь.

— Увы, нет, — засмеялся и И. Г.

И. Г. любил остроумие. И сам был остроумен. Верхи французской социалистической партии его хорошо знали, и как лидера русских социал-демократов в 1917 году, и как кратковременного представителя Независимой Грузии. И вот как-то на съезд французской социалистической партии И. Г. пригласили как гостя. Считая его, вероятно, гостем почетным, председатель объявил, что среди нас присутствует "наш друг, известный русский и грузинский социалист Ираклий Церетели", и предложил И. Г. выступить с приветствием съезду. Раздались аплодисменты. Для И. Г. предложение было неожиданно. Но председатель жестом предлагает ему выйти на трибуну. Делать нечего. И. Г. поднялся на трибуну. Аплодисменты сильнее. А когда наконец стихли, И. Г. сказал (он хорошо говорил по-французски):

— Дорогие товарищи, я очень польщен (и т. д.)... Но я уже погубил две страны — Россию и Грузию, неужели вы хотите,

чтоб я погубил еще третью — Францию...

Говорят, зал буквально взорвался от бури хохота и аплодисментов (французы любят остроумие и умеют его ценить). Под шум всеобщего "восторга", смешанного из смеха и аплодисментов, Ираклий Георгиевич и сошел с трибуны. (Сейчас "шутку" Церетели взялся выполнять президент-социалист Миттеран. И, как Бог свят, выполнит.)

Конечно, И. Г. был и оставался социалистом ("безработным"). Этого мундира не снимал, сам от себя не отрекался, но в выступлении на съезде было, по-моему, не только "остроумие". Как мне кажется, под остроумием лежало глубокое разочарование и в революции и в революционерах. Помню, как при Николаевском И. Г. как-то мне говорил: — "Роман Борисович, да не слушайте, ради Бога, вы этих меньшевиков! Ведь всех меньшевиков нянька в детстве на голову уронила..."

И Николаевский, и я смеялись. Но и под этой шуткой я чувствовал нечто тоже не совсем шуточное. Недаром И. Г. не сотрудничал в меньшевицком "Социалистическом вестнике", а о некоторых меньшевиках, как например, о Дане отзывался весьма неодобрительно. С Даном у И. Г. дело дошло до разрыва отношений и опубликования открытого письма в "Воле России" (орган эс-эров), ибо "Соц. Вестник" письмо Церетели отказывался напечатать.

Известно, что в июльские дни 1917 года резолюцию о возможности вооруженного подавления большевицкого выступления "Совет Рабочих Депутатов" принял под давлением главного из лидеров — И. Г. Церетели. Как-то мы говорили об этом. И. Г. рассказал, как психологически трудно было провести такую резолюцию.

— "Ведь в Совете многие еще считали большевиков товарищами, пусть "заблуждающимися", но товарищами. И вот когда мы (небольшое число членов Совета) убедили принять эту резолюцию, Либер тоже выступил за эту резолюцию, но после с ним произошла истерика, настоящий истерический припадок, он рыдал, как ребенок, говоря, что никогда не мог себе представить, чтоб ему, социалисту, пришлось вооруженной силой подавлять выступление своих же товарищей-социалистов и

рабочих...”*

Какова же судьба этого хрупкого (и честного) социалиста Либера при диктатуре его “все-таки товарищей”? Сначала Сталин сослал Либера в Сибирь, а потом — *без всякой истерики!* — расстрелял. Тем “социализм” Либера и кончился. Его судьба (и его истерика) характерны для многих русских и нерусских (иностраных) социалистов. Это их почти религиозная слепота. И их судьба быть расстрелянными “своими же товарищами”.

В эти годы в Париже я дружил и с Николаем Владиславовичем Вольским (Валентиновым). Н. В. был очень интересным человеком и блестящим писателем. Его книги: “Встречи с Лениным”, “Малознакомый Ленин” и др. О нем я буду говорить особо. Но Вольский не любил Церетели, а И. Г. не любил Вольского, отзываясь о нем не иначе, как “человек с нечистой совестью”. Почему? Не знаю. Говорят, когда-то, на собеседовании у Бунакова-Фондаминского, между ними произошла какая-то острая стычка. И вот однажды, когда я был у Вольских, он дал мне прочесть свою запись бесед с Плехановым в 1917 году в Москве, когда Плеханов приехал на Государственное Собрание и жил у Вольских. В записи были резкие отзывы Плеханова о Церетели**. Приведу их. Вольский писал: “Говоря о меньшевиках, Плеханов с особенной резкостью относился к Церетели. Он делал это с таким раздражением, что меня, хотя

---

*В своих “Воспоминаниях о февральской революции” (которые И. Г. так и не окончил) об истерике Либера И. Г., разумеется, не пишет. Но пишет, что во время речи Либера Ю. О. Мартов с места крикнул Либера: “версалец!”. Это было 64 года тому назад! И теперь такой выкрик (характерный в Совете 1917 г.) представляется совершенно юмористическим. Приклеить социалисту-бундовцу Либера кличку “версалец” 1871 года, которые под командой генерала Гастона де Галлиффе подавили (слава Богу!) Парижскую Коммуну, было “немножко несоразмерно”. Впрочем, когда несколько позже Ленин просто выбросил из Совета Рабочих Депутатов всех меньшевиков с Ю. О. Мартовым во главе, Мартов тоже кричал какие-то “исторические” слова, но они у большевиков истерики не вызвали.

**Эта запись, с пометкой Н. В. Вольского: “Сугубо конфиденциально. Опубликованию не подлежит”, долго лежала у меня. Но когда и Вольский, и Церетели, и все видные меньшевики умерли, я опубликовал ее в кн. 119 “Нового журнала”. Р. Г.

Церетели совсем не был моим героем, — просто коробило. У меня даже мысль промелькнула, уж не завидует ли Плеханов славе Церетели, в то время притягивавшего к себе внимание несомненно больше чем Плеханов. После одной из резких фраз Плеханова по адресу Церетели, я не выдержал и заметил:

— Георгий Валентинович, к Церетели вы очень несправедливы!

Это замечание прямо вздернуло Плеханова на дыбы.

— Обижать Церетели не входит в мои задачи. Его называют талантливым выразителем взглядов меньшевиков, и я, делая *уступку* общественному мнению, тоже называю его талантливым деятелем. Пусть будет так. Prestиж Церетели, как видите, внешне поддерживаю. Это очень хорошо, когда нас, стариков, заменяют молодые товарищи. Но я все-таки не вижу, в чем талантливость Церетели? Достаточно ли он образован, чтобы в наше ответственное время играть роль, которую видимо он себе отводит. Я интересовался узнать, в чем и когда Церетели проявил свои теоретические познания — никто не мог на это мне ничего указать. За всю жизнь он не написал, кажется, даже малюсенькой статьи. Никакой теоретической серьезной марксистской подготовки у него по-видимому нет. Можно ли теперь без теоретического компаса плавать на российском океане? *А Церетели плавает и паруса его корабля раздувают только Циммервальд-Кинтальский ветер и большие аплодисменты, которыми награждает его невзыскательная аудитория.* На Государственном Совещании мы видели эффектную сцену — выразитель торгово-промышленных кругов Бубликов, под гром аплодисментов, пожимал руку Церетели, выразителю взглядов меньшевиков. Я с Бубликовым после этого говорил, он ясно отдает себе отчет в смысле и значении этой политической сцены. Но понимал ли ее Церетели — в том имею все основания сомневаться. Продуманности у Церетели нет. Есть только *кавказская декламация*, а с ней одной нельзя понимать ход исторических событий и ими управлять. Если из молодых общественных деятелей, выдвинувшихся в последнее время, взять, например, Савинкова и Церетели, то скажу вам: — за одного Савинкова, понимающего, что Россия гибнет и что нужно для ее спасения, — я *десять Церетели отдам.* Понимания того,

что нужно делать, у него нет". (Весь абзац о Церетели отчеркнут Вольским и его рукой написано: "Самая точная передача"! Р. Г.)

Дальше Н. В. Вольский писал: — "Будучи у нас Плеханов написал три статьи — одну на тему — Россия гибнет, другую о значении московского совещания и третью о Церетели. У меня под руками нет сейчас ни одной из них, не помню и их названий, но хорошо помню, что в появившейся в "Единстве" статье о Церетели не было и *сотой доли* тех язвительных суждений, которыми Плеханов его осыпал. Особая злоба, с которой он о нем отзывался, для меня и по сей день непонятна. Не было ли в ней какого-то личного момента? Было бы полезно (для истории) спросить об этом Церетели".

Зная эту запись Николая Владиславовича, я как-то и спросил Церетели, было ли что-нибудь личное в неприязни, с которой иногда выступал против него Плеханов? — "Ну, конечно, было", сказал И. Г. И рассказал следующее (после ухода Церетели я, как всегда, его рассказ записал. Р. Г.): — "Плеханов ко мне относился до 1917 года необычайно хорошо. И так он обо мне и писал в книге "Тернии без роз". Там он писал обо мне чрезвычайно лестно и высказывал личные симпатии, что у Плеханова было редко. Встретились мы в 1917 году очень дружески. Я к нему часто заходил. Плеханов сам заговорил со мной о том, что он бы хотел быть введен в Исполнительное Бюро Совета, как и другие известные социалисты, с правом совещательного голоса. Сказал об этом Плеханов мне после моего доклада о войне в апреле месяце, когда была принята моя резолюция о необходимости продолжения войны. Я сказал Плеханову, что, конечно, его вступление в Совет чрезвычайно желательно. Но Плеханов тут же мне сказал, что он только не хочет быть оторванным от товарищей, с которыми работал во время войны за границей, и просит также о введении на тех же основаниях Григория Алексинского. Я ему ответил, что лично у меня к Алексинскому сердце не лежит, объяснил почему и сказал сразу, что это, вероятно, встретит большие затруднения. Но Плеханов стоял на своем очень твердо. Я сказал — хорошо, я передам ваше предложение и ничего не сделаю сам против него, но все-таки думаю, что оно вряд ли пройдет. Когда я об этом сказал в Совете — поднялась целая буря. Дан, Гоц, Чхеидзе и

другие и слышать не хотели о вводе Алексинского и его ввод был категорически отклонен. Несколько дней я не звонил Плеханову, он мне позвонил сам. Мы встретились. Я ему сказал, как дело было. И вот тут он обиделся насмерть и обвинил меня в том, что я не хотел этого, он говорил: — "Если б вы поставили вопрос об Алексинском ультимативно, он прошел бы, а вы этого не хотели сделать". Это было началом большой обиды, ибо Плеханов из-за этого не вошел в Совет. После этого Плеханов прекратил мне звонить. Вторым фактом, осложнившим наши отношения, была история с Робертом Гриммом. Плеханов был резко против всех циммервальдцев. Когда Гримм был разоблачен, как грязная личность, я потребовал от правительства его высылки из России. Плеханов это очень приветствовал, но обвинил меня в том, что я не воспользовался историей с Гриммом и не ударил по циммервальдцам вообще. Тут Плеханов написал свою резкую статью обо мне. Но основной обидой был факт неввода Плеханова в Исполнительное Бюро Совета, причем Плеханов приписывал это 'нежеланию Церетели'".

Отмечу, кстати, что в этой же записи Н. В. Вольский пишет о Плеханове так: "Плеханов несомненно был человеком злопамятным..." Думаю, эта злопамятность была и в отношении к И. Г. Церетели. Когда И. Г. кончил свой рассказ, я сказал:

— А все-таки очень жаль, что так вышло с Плехановым. Ведь его имя, как "отца русской социал-демократии", его широкие связи в социалистических кругах Запада поддержали бы в Совете разумное, оборонческое крыло.

— Конечно жаль. Но Плеханов сам виноват в этом... — ответил И. Г.

Скажу несколько слов о "ненависти" социалистов к Алексинскому. Ее я наблюдал сам при общении и с эс-деками и с эс-эрами. Например, такой, казалось бы, мирный и благожелательный к людям человек, как С. М. Шварц, один из "столпов" "Социалистического Вестника" приходил в совершенный раж при разговоре об Алексинском. Такой, казалось бы, принципиальнейший антибольшевик "при всех обстоятельствах", как М. В. Вишняк, приходил в такое же состояние, когда я говорил с ним об Алексинском. Почему же почти у всех русских социалистов имя Г. А. Алексинского вызывало такую тотальную

неприятнь? Я думаю, потому, что Алексинский один из первых обнарудовал связь Ленина с Парвусом и с деньгами немецкого генерального штаба. И эта неприятнь к Алексинскому, по-моему, говорила о том, что где-то в самой глубине глубин *социалистам* было неприятно и компрометантно эдакое чудовищное разоблачение *социалиста* Ленина, как получение им денег от кайзера. Странно? Для меня это было странно. Но у социалистов тут обнаруживалась (несмотря на их непримиримость к большевизму, на их идейную борьбу, на расстрелы, на кровь) какая-то *подсознательная социалистическая* круговая порука. "А все-таки наш". Разумеется, не у 100%. У Плеханова, Потресо-ва, Чайковского, Бурцева, Брешковской этого не было.

Помню, И. Г. интересно рассказывал о его пути из Сибири, из ссылки — в Петроград, когда началась революция 1917 года. Известно, что революция для всех была неожиданностью. Не только для эмигранта Ленина, но и для россиян внутри страны. Конечно, многие видели, чувствовали всякие неладности в России, ощущали разложение, бессилие власти. И все ж революция была, как снег на голову. Особенно для ссыльно-поселенцев, каким был Церетели в Сибири, оторванных от нормальной жизни.

И вот в один день сногшибательная весть — в Петрограде переворот... революция... И из столицы от революционного министра юстиции Керенского в Сибирь летят телеграммы, освобождая политических заключенных и ссыльных, а многих именитых из них, как Церетели, Брешковская и др., превращая в героев. Вчерашние власти (исправники, прокуроры, губернаторы) обязываются оказывать им всяческое содействие в спешном приезде в революционную столицу — в Петроград.

И. Г. Церетели говорил, что путь был длинен и утомителен, ибо на каждой большой станции их встречали революционные толпы, красные знамена, цветы, приветственные речи, на которые надо было отвечать речью. Не помню точно где, кажется, в Томске ссыльных встретила несметная радостная революционная толпа и какой-то прапорщик, местный лидер, зная, что Церетели противник войны, доложил ему, что они тоже "против войны", и давно уже задержали отправку целого поезда с снарядами для фронта. Прапорщик просил у Церетели его одобрения-

распоряжения.

— Это был первый случай, когда я был поставлен лицом к лицу с реальной жизнью. И понял, что обязан взять на себя ответственность. Конечно, верно, я как социалист, был против войны, но я понимал, что произойдет на фронте, если на каждой российской станции начнут останавливать поезда с снарядами. Пришлось выступить перед толпой и перед ее делегацией, сказав, что такие самовольные задержки поездов с снарядами — вещь невозможная. А вы подумали, товарищи, о том, что может произойти на фронте с нашими братьями в окопах, если мы лишим их снарядов? Ведь немцы этим воспользуются.

И делегация и толпа поняли. И революционный прапорщик "отрапортовал" Церетели, что поезд с снарядами будет немедленно отправлен по назначению*.

— Вообще наше положение социалистов, членов Совета, психологически оказалось очень трудным, — говорил И. Г. — Ведь вся наша жизнь была борьбой с правительством, с существующим государственным строем, с государственной властью и вдруг в один день революция поставила нас почти что на место правителей государства. Но правители государства обычно люди совершенно иной природы и иной психологии. В среде революционеров было всегда естественное отталкивание от "государства", от "власти". И среди нас не было людей с психологией "государственных деятелей". Этим и объясняется, что Керенский, изображавший из себя "государственника", плавал на поверхности, на этом и играл, не будучи вовсе годным для подлинно государственной работы. К тому же наше положение в Совете было психологически трудно и тем, что — помните, какая вырвалась тогда из народных глубин страшная стихия ненависти, мести, разрушения. Мы — большинство Совета — были, разумеется, против нее и пытались ввести ее в какие-то берега революционной законности и порядка. А вот Ленин, наоборот, всячески разнуздывал эту стихию, чтобы на ее волнах прийти к власти. Разумеется, его путь был не труден, но это был не наш путь.

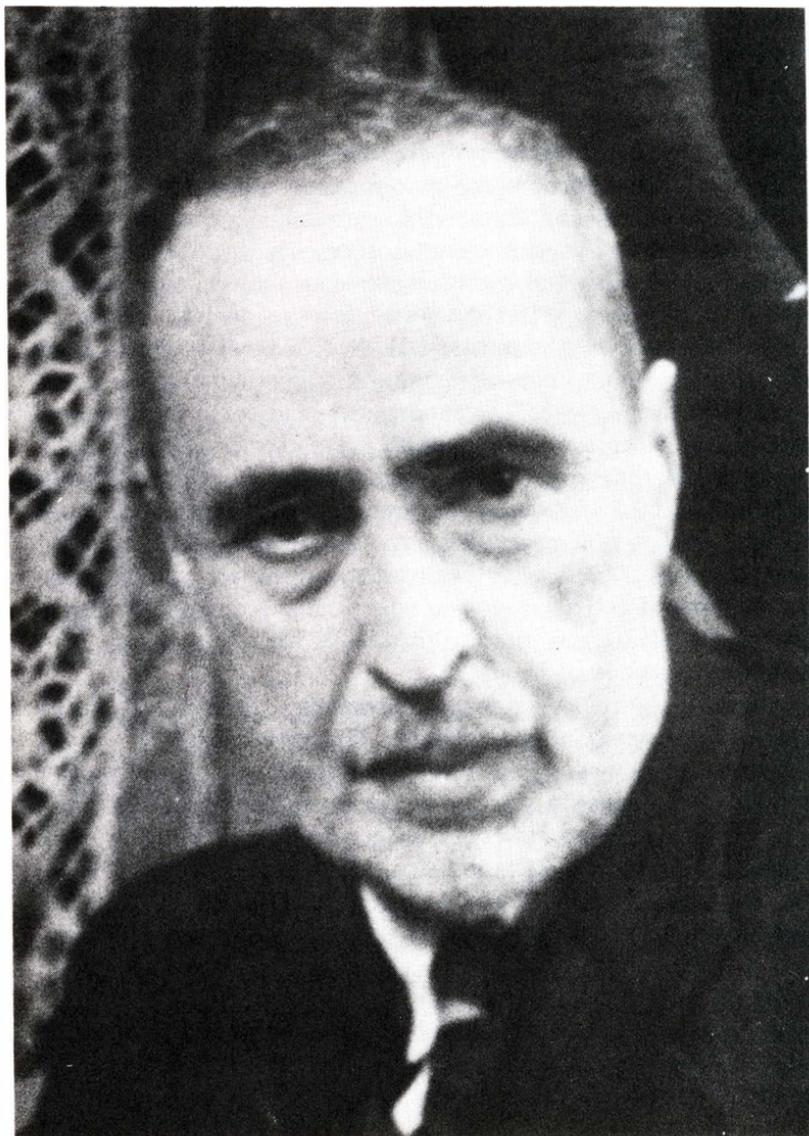
*В своих "Воспоминаниях о Февральской революции" И. Г. рассказывает о подобном же случае в Иркутске.

И. Г. рассказывал, как, приехав из Сибири в Петроград, он вскоре был у Керенского: — "В этом разговоре Керенский рассказал мне следующее. Знаете, говорил он, меня всегда губили друзья. Когда начались волнения в Петрограде, у меня была *интуиция* (И. Г. подчеркивает это слово, действительно характерное для Керенского, часто его употреблявшего. Р. Г.), что петроградские волнения перейдут в революцию и солдаты обязательно придут к Государственной Думе. И я хотел пойти в казармы, чтоб *самому* вывести солдат на улицу и привести их к Думе. Но друзья (Керенский был близок тогда с Н. Н. Сухановым /Гиммером/, с Н. Д. Соколовым, Р. Г.) меня от этого отговорили, они не верили в революцию. А вы понимаете, ведь было бы совершенно иное дело, если бы я *лично* (подчеркнуто в рассказе Церетели, Р. Г.) привел солдат к Думе!"

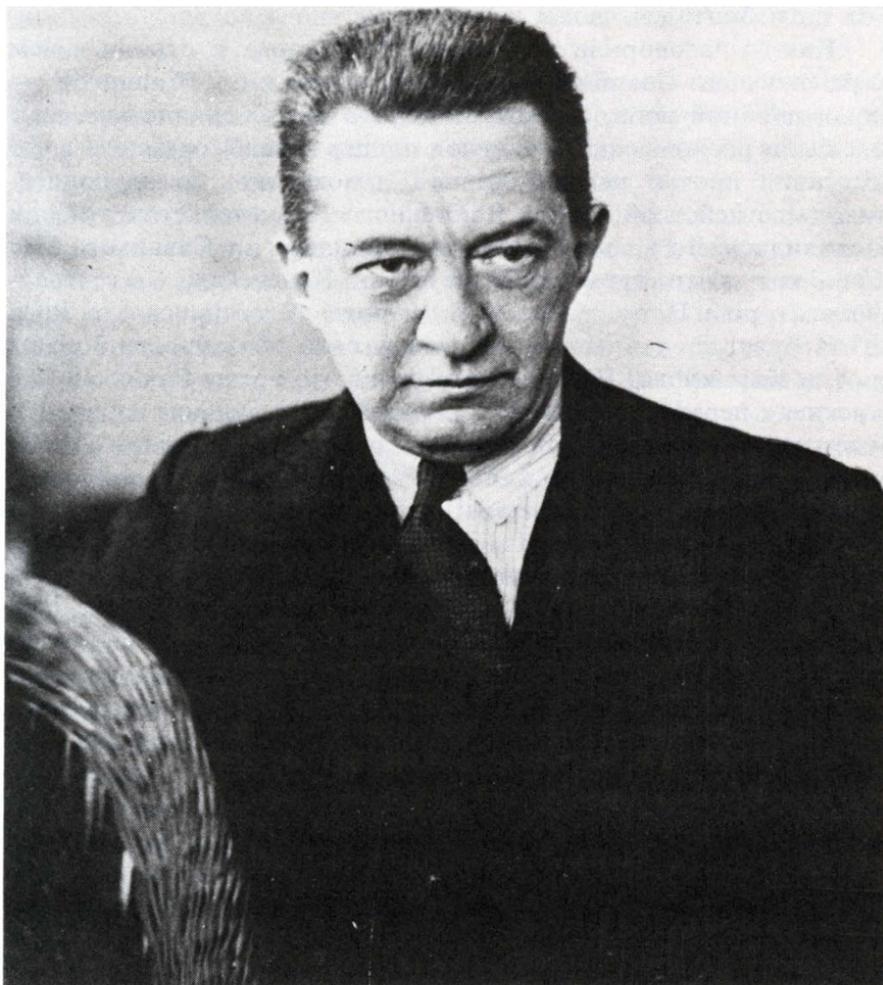
Церетели говорил, что в первую встречу этим рассказом Керенский вызвал в нем чувство "презрения" (буквальные слова Церетели, Р. Г.), ибо он увидел, что "у него *всё* вертится вокруг него самого". — "Ведь у него за душой ничего нет, гроша ломаного, — говорил Церетели. — Он — и ничего больше. Вот у Корнилова была идея, была Россия, за нее он и погиб. А у Керенского — ничего. Паяц".

Известно, что Милюков, Плеханов, Гучков, Набоков (управляющий делами Временного Правительства) и многие политики относились к Керенскому отрицательно. И все же мне казалось, что Церетели как-то уж слишком "нажимает педаль", столь уничтожительно трактуя Керенского. Когда он назвал его "паяцом", я сказал: — "Стало-быть, вы согласны с стихотворением Зинаиды Гиппиус?" — "А я его не знаю". — Я привел: "Проклятой памяти безвольник/ И не герой, и не злодей/ Пьеро, болтун, порочный школьник/ Провинциальный лицедей". — "Вполне", — ответил Церетели.

Гораздо больше разговоров о Керенском у нас было в Нью Йорке, в скромной квартире И. Г. Церетели на Бродвее 3605 (около 148 улицы). Приходя домой, я записывал рассказы, так же как и в Париже. Как-то я спросил И. Г. об отношении Совета Рабочих Депутатов к Керенскому. Церетели сказал: — "Там у него не было никакого влияния, там его, в сущности, *все* презирали, а поддерживали только потому, что никого другого на

*И. Г. Церетели в последние годы жизни (1881-1959).
За предоставление фотографии сердечно благодарю А. М. Бургицу.*

А. Ф. Керенский (1881-1970)

За предоставление фотографии благодарю Hoover Institution.

роль "заложника" во Временном Правительстве найти было нельзя. Поэтому Керенского и терпели. И со стороны кадетов к нему было такое же отношение (особенно у Набокова и Милюкова), но им Керенский был тоже нужен по той же причине, другого "заложника" и у них не было. Приходилось его терпеть. Вот он и болтался, делая свои "жесты".

Как-то заговорили о заговоре Корнилова и о роли в нем Керенского и Савинкова. Цертели сказал: — "Савинков не играл двойной роли, все мы знали, что он с Корниловым, но у них были расхождения. Савинков поддерживал Корнилова в его восстании против революционной демократии, но не поддерживал его действий против Временного Правительства, тут они расходились. Во время восстания Корнилова я у Савинкова был (Савинков в то время был назначен Керенским — генерал-губернатором Петрограда. Р. Г.) и прямо его спросил: за кого он? И будет ли он честно выполнять свои обязанности борьбы против Корнилова? Надо сказать, что в это время Савинков уже заискивал перед большинством Совета, и он дал мне слово, что будет действовать *честно*. У Керенского же, — продолжал Цертели, — была подлинно двойная игра. Он вел с Корниловым переговоры, но хотел сам возглавить восстание. Корнилов же этой роли ему не давал. Из-за первой роли произошел разрыв. Когда Керенский увидел, что Корнилов первой роли ему никогда не даст, а может быть и расправится в конце концов с ним самим, Керенский и переметнулся к революционной демократии. Я виделся с Керенским во время восстания Корнилова. На него было жалко и противно смотреть. Это был совершенно потерянный человек. Он мне сказал: — Некрасова и Терешенко я уже не вижу два дня. Меня все покинули. Все. — И вдруг он отодвигает ящик письменного стола, вынимает револьвер и прикладывает к виску с какой-то жалкой, глупой и деланной улыбкой. Он, вероятно, думал, что этот плохой актерский жест произведет на меня впечатление. Но на меня это не произвело решительно никакого впечатления, кроме чувства презрения и гадливости. Он мне тогда был просто противен. И, вероятно, почувствовав это, он как-то неловко отнял револьвер от виска и спрятал его в стол. Зато, когда Корниловское выступление было подавлено, Керенский распушил хвост и вел себя так, будто это

он подавил. Он вел себя опять, как "вождь". На самом же деле во время выступления Корнилова Керенский был совершенно жалок. И после Корниловского выступления и правые (кадеты) и левые (Совет) настолько презирали Керенского, что встал вопрос о его смещении. Для этой цели начались переговоры (негласные). От кадетов в них участвовали Набоков и Аджемов, а от Совета — я".

Церетели говорит, что об этом Набоков пишет в своих мемуарах, но не пишет об одном разговоре, самом интересном. У Церетели была мысль вместо Керенского выдвинуть В. В. Руднева* или ген. Верховского или же, как он сказал, "на худой конец" Авксентьева. Но при переговорах с Набоковым все это провалилось, ибо Набоков, выслушав Церетели, сказал: — "Одним словом вы хотите вести вашу политику через человека более сильного, более подходящего, дабы ваша политика была более удачной. Но мы этого не хотим. Ведь вы же не согласитесь на наших кандидатов? Например, на Милюкова?". — Церетели сказал: — "Конечно, нет". — "На Алексеева?". — "Тоже нет". — "Так, как же? Вы знаете, как я отношусь к Керенскому. (Набоков относился к Керенскому с полным презрением, — буквальные слова Церетели. Р. Г.). Но пусть уж он остается, мы предпочитаем, чтоб он как-нибудь дотянул до Учредительного Собрания. Лучших руководителей мы не хотим". — "Так все и осталось", — говорил И. Г.

Церетели говорил даже, что в возможности подавления восстания большевиков это отталкивание от Керенского сыграло "некоторую роль". "Поддерживать Керенского" не хотели ни правые, ни левые, а этим пользовались большевики. Правильно писал один мемуарист, что победой над Корниловым "Керенский наголову разбил самого себя и тем похоронил 'Февраль'".

Помню, Н. В. Вольский (под своим псевдонимом "Юрьевский") напечатал в "Соц. Вестнике" (окт. 1953) статью о московском Государственном Совещании и об известной речи на нем А. Ф. Керенского. По-моему, не желая портить личных

---

*В. В. Руднев в 1917 г. был избран городским головой Москвы, а в эмиграции — редактор "Современных Записок". Я Вадима Викторовича хорошо знал и буду о нем писать в этом томе. Р. Г.

отношений с Керенским, Вольский завуалировал многое из этой речи, представив Керенского в образе "Алеши Карамазова". Н. В. писал, что во время речи в заседании царило "страшное напряжение": съезд увидел перед собой "Алешу Карамазова". Церетели этой статьей возмущился и сказал: — "Статья Юрьевского просто глупая, "страшное напряжение" было, но вовсе не оттого, что съезд увидел перед собой Алешу Карамазова, а оттого, что все видели в Керенском — дешевого актера, Гамлета Щигровского уезда, от этого все себя так и чувствовали".

Когда я спросил И. Г., неужто в речи Керенского действительно было всё это: — "я растопчу цветы души моей", "я замкну сердце и брошу ключ в море", Церетели махнул рукой, сказав: — "Ну, конечно, все это было. И еще худшее было. Я правил стенограмму речей для печати. Из его речи я выбросил множество этих ужасающих глупостей, но всех выбросить, конечно, не мог и то, что появилось в печати — точно и верно. Эта его речь была убийственна не только для него, как политического деятеля, но и для всего Временного Правительства, ибо все увидели, кто стоит во главе страны..."

В упоминавшейся записи Н. В. Вольского о его разговоре с Плехановым в августе 1917 года есть отзыв Плеханова и об этой речи Керенского: — "Плеханов мне мрачно заявил, что никогда он не мог предположить, что Керенский захочет поставить себя в такое смешное и жалкое положение. — "Что такое Керенский? Ведь он не только русский министр, а глава власти, созданной революцией. Слезливый Ламартин был всегда мне противен, но Керенский даже не Ламартин, а Ламартинка, он не лицо мужского пола, а скорее женского пола. Его речь достойна какой-нибудь Сарры Бернар из Царевококшайска. Керенский это девица, которая в первую брачную ночь так боится лишиться невинности, что истерически кричит: мама, не уходи, я боюсь с ним остаться!" (Весь абзац подчеркнут Вольским и его рукой написано: "абсолютно точная передача!" Р. Г.).

Признаюсь, мне неприятно приводить эти жестокие отзывы об А. Ф. Керенском потому, что Керенский, как политический деятель (несмотря на все недостатки), никогда не был "человеком Зла". "Людьми Зла" были Ленин, Троцкий, Зиновьев, Сталин, которым было "наплевать на Россию", "плевать на народ".

Керенский был, конечно, "человеком Добра". Он любил Россию, любил народ и хотел ему добра. Но я привожу цитаты потому, что это — *история*. И от нее никуда не уйти.

Сейчас я нарочно возьму отзыв друга Керенского, Федора Августовича Степуна, который до конца жизни относился к Керенскому дружественно, а в 1917 г. был у Керенского начальником политического отдела военного министерства. Вот что пишет Ф. А. о той же речи Керенского на Государственном Совещании: — "...Керенский угрожал темным силам, с которыми всё время боролся и от которых искал защиты у собравшихся в Большом Театре. Заговорив со своими невидимыми врагами, Керенский, и без того замученный и затравленный, вдруг потерял всякое самообладание. Его сильный, выносливый голос стал то и дело срываться, переходя минутами в какой-то зловещий шопот. Чувство меры и точность слов, которые никогда не были сильными сторонами ораторского дарования Керенского, начали изменять ему. С каждой фразой объективный смысл его речи всё больше и больше поглощался беспредельным личным волнением. Зал слушал с напряженным вниманием, но и с недоумением. Я сидел на эстраде совсем близко от стола президиума. По лицу Керенского было видно, до чего он замучен и, тем не менее, в его позе и в стиле его речи чувствовалась некоторая нарочитость; несколько театрально прозвучали слова о цветах, которые он вырвет из своей души и о камне, в который он превратит свое сердце... Но вдруг тон Керенского снова изменился и до меня донеслись на всю мою жизнь запомнившиеся слова: "Какая мука всё видеть, всё понимать, знать, что надо делать и сделать этого не сметь!" Более точно определить раздвоенную душу "Февраля" невозможно. Керенский говорил долго, гораздо дольше чем то было нужно и возможно. К самому концу в его речи слышалась не только агония воли, но и его личности. Словно желая прекратить его муку, зал на какой-то случайной точке оборвал оратора бурными аплодисментами. Керенский почти замертво упал в кресло".

Уже это описание речи Керенского Ф. А. Степуном подтверждает, что отзывы И. Г. Церетели были объективно правдивы.

Однажды в Нью Йорке Керенский, (я думаю) зная об отношении к нему Церетели, и зная, что я хорош с И. Г. и встречаюсь с ним, как бы обронил в разговоре: — "Не понимаю, почему мои отношения с Ираклием в Нью Йорке как-то испортились, в Париже у нас были дружеские отношения". Я понял, это говорится для того, чтоб я передал Церетели. Я передал. На что И. Г. ответил: — "Всё он по обыкновению врёт. Никогда у меня с ним хороших личных отношений не было. В Париже он передо мной заискивал потому, что у меня были дружеские отношения с видными французскими социалистами — Пьером Реноделем, Рамадье и другими. А у него никакой связи с ними не было. Вот он и хотел, чтобы я его с ними свел".

В 1951 году в Нью Йорк из Германии приехал Николай Владимирович Воронович. Воронович — военный, с красочной биографией. В прошлом — камер-паж вдовствующей императрицы Марии Федоровны*. В 1917 году (можно сказать) — "камер-паж" Александра Федоровича Керенского. Примкнув к эс-эрам в революцию, Воронович остался верен Керенскому (и близок) до смерти: и в революцию и в эмиграции. В гражданской войне Воронович был ни красным, ни белым, а "зеленым" ("зеленая армия, кустарный батальон") и командовал "зелеными" где-то в горах Крыма. Это он интересно описал ("Меж двух огней", "Архив русской революции", № 7).

И вот как-то у нас на 113 улице в Нью Йорке Н. В. рассказал мне историю, в которую я спервоначала не очень поверил. Воронович говорил, что когда государь с семьей был отправлен из Царского в Тобольск, в Петрограде создалась группа офицеров, поставившая задачей организацию побега царской семьи из Тобольска. У Вороновича с этой группой была связь. И он сказал мне, что на подготовку побега государя с семьей он (Воронович) передал этой группе офицеров два миллиона рублей, полученных им (Вороновичем) от А. Ф. Керенского из "секретных фондов".

Несколько ошеломленный рассказом, я спросил Николая Владимировича: — "Ну, а почему ж эта попытка не удалась?" — "Почему? Да потому, что офицеры разворовали деньги и

---

*См. книгу Вороновича "Записки камер-пажа императрицы". Н. И. 1952.

пропили". И добавил: — "Если б я это только мог предвидеть, я сам бы взялся за это дело". Одну фамилию из офицерской группы он называл — ротмистр Марков.

Тому, что деньги "разворовали и пропили" я не удивился. Революция ведь разложила вовсе не только солдат, но и офицеров (и даже генералов!). На эту тему можно было бы написать документально-исторический труд. К сожалению, он не написан. О таком же разворовании денег рассказывает монархист полковник Ф. В. Винберг* (член Рейхенгальского монархического съезда) в книге "В плену у обезьян. Записки контрреволюционера". Оказывается, суммы, полученные группой офицеров на поднятие восстания в Петрограде в дни корниловского мятежа, были растрчены и пропиты. Глава заговора Гейман решающую ночь пьянствовал в "Вилла Родэ", а главные заговорщики полк. Сидорин и де Симитьер оказались "в нетях".

Через несколько дней после рассказа Вороновича я завтракал с А. Ф. Керенским на Ист Сайд в его любимом скромном ресторане. Я сказал ему о рассказе Вороновича и спросил: правда ли это? Керенский недовольно насупился и отрывисто пробормотал: "Не знаю, не знаю, ничего не могу сказать... После моей смерти мой архив будет опубликован", — и быстро перешел к другим темам. Про себя я подумал: Керенский не опроверг? А то, что не хочет мне говорить — понятно. Я решил спросить Церетели. И. Г. мог и слышать об этом, и во всяком случае знал тогдашнюю обстановку.

Вскоре, сидя у Церетели, я рассказал ему и о рассказе мне Вороновича, и об ответе Керенского на мой вопрос. — "Как вы думаете, И. Г., это могло быть?", — спросил я. Я ждал, что И. Г. засмеется, махнет рукой и скажет: "Какая болтовня! Какая чепуха!". Но этого не последовало. И. Г. задумался, у него иногда это бывало: прежде чем ответить на к. н. вопрос, он довольно долго молчал. Потом И. Г. спокойно и серьезно сказал, подчеркивая каждое слово: — "Это вполне могло быть, это вполне в духе Керенского, в его стиле". По ответу Керенского и

---

*С полковником Ф. В. Винбергом я вместе сидел в Киевском Педагогическом Музее под арестом у петлюровцев в декабре 1918 года. Должен сказать, что при переговорах с петлюровцами в музее Ф. В. Винберг держал себя с исключительным достоинством.

по ответу Церетели я понял, что Воронович сказал мне правду.

Роман Гуль

(Продолжение следует)

17. XI. 46.

Дорогой Роман Борисович,

Получил Ваш вестик, который
оказался в недавне доставленном
мне письме Бориса Ивановича.
Я благодарен ему, что с Вами
догадываюсь о том, что Вы
и передали мне Ваше письмо
по Вашему совету. Писал ли
он Вам о чем? Если да, то
то сообщите ему о моему
и не забудьте Вашим именем,
что и я пишу Вам.

Дорогой Роман Борисович,
адам у Васича писателем - дураком

и провизитом

Ир. Воронович

Письмо И. Г. Церетели к Р. Б. Гулю

О ЛИРИКЕ ЕВГЕНА ПЛУЖНИКА

(К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

По случаю восьмидесятилетия со дня рождения украинского поэта Евгена Плужника киевское радио передало две программы, а газета "Литературная Украина" поместила статью, посвященную его творчеству. Однако есть основания полагать, что представление о Евгене Плужнике у его читателей и почитателей на Украине сложилось не совсем правильное. Например, в справочнике "Письменники Радянської України" ("Писатели Советской Украины") сказано, что Плужник родился в крестьянской семье, на самом же деле это была семья мелкокупеческая (в двадцатые годы, к которым относится творчество Плужника, каждый придумывал себе рабоче-крестьянское происхождение). У меня в руках фотография: будущий поэт, еще гимназист, в кругу старших членов семьи. И одежда, и лица у всех — отнюдь не крестьянские.

Биография Евгена Плужника типична для первого поколения пооктябрьских писателей Украины: происхождение не из высших социальных слоев, незаконченное и несистематическое образование (после гимназии Плужник учился в двух высших учебных заведениях, но оба оставил), яркий и довольно ранний дебют, литературный успех в двадцатых годах — и невозможность печататься в тридцатых, принадлежность к писательским организациям, которые вынуждены были самоликвидироваться, наконец — арест и смертный приговор, замененный десятью годами заключения. Но проявленная органами "милость" по отношению к поэту оказалась весьма относительной: у поэта

была открытая форма туберкулеза, и судьи знали, что он долго не протянет. Так и случилось: через тринадцать месяцев после ареста Плужник скончался в больнице Соловецкого Кремля. Было это в феврале 1936 года (а не 1938-го, как сказано в справочнике).

Стихи Евгена Плужника, написанные в тюрьме и в лагере, погибли. Написанные до ареста — уцелели. Они появились еще во время войны, сначала в журнале, потом отдельной книжкой.

Всего Евген Плужник оставил нам три сборника стихов: "Дни", "Ранняя осень" и "Равновесье" (посмертный сборник). Каждый из них имеет собственное лицо и соответствует определенному этапу творчества поэта. Первый сборник — "Дни" — это непосредственная, импрессионистская фиксация жизненных (а вернее бы сказать — смертоносных) впечатлений периода гражданской войны и разрухи:

"За лесом пулю встретил,
Там, где посеял рожь.
Для чего же ты жил на свете,
Для чего ж?.."

Или: — "На расстрел его забрали ночью..." — И еще: — "Человека притиснул к стенке, из кармана вынул наган..." — А вот небольшое стихотворение в моем переводе:

"Ни словечка ему не сказал отец,
Молча вывел коня за ворота.
Опускалась в тиши, как осенний венец,
На поля позолота.

А когда в октябре заметал буран
Пожелтевшие листья и травы,
За грядущее
спать — головою в бурьян
Лег у сточной канавы...

К лошадям... По хозяйству... А день за днем...
Снова дворик порос травкою.
Сердце, сердце! С твоим огнем —
И в бурьян головою!"

Критик из "Литературной Украины" упрекает Плужника в абстрактности его гуманизма, в излишней лаконичности, которая будто бы мешает понять, за что же "на жертвенник смерти ложатся человеческие жизни..." По-моему, никакой абстрактности и непонятности у Плужника нет: он орудует обладающими чудовищной вешевой конкретностью символами эпохи, когда триадою "красной смерти" были: — стенка, наган, кожанка. Несколько примеров из стихов того времени: У Макса Волошина: — "Брали на мушку, ставили к стенке, списывали в расход..." У Есенина: — "Бьют и бьют людей/ В куртках кожаных..." У Тихонова, описывающего победу большевиков над махновцами: — "Но все глуше маузеры лают (маузеры Махно, И. К.) — Затрещали скворцами наганы..." У украинского поэта, в прошлом чекиста, Фалькивского: — "А там — наган разбудит петухов/ Земля в крови и тело бездыханное..."

Поэтому, когда Плужник писал: — "Наган дал осечку два раза" — ему не нужно было объяснять, в чьих руках было это оружие, чей звук стал "первой нотой новой гаммы". И еще пример: — "Еще пленных не брали тогда..." Но русская Добровольческая армия пленных брала, армия Украинской Народной Республики — тоже. Кто же не брал? Большевики и махновцы... Какая же тут абстракция!?

В эти годы — муза Евгена Плужника — родная сестра музыки раннего Павла Тычины и Дмитра Фалькивского, и трудно сказать, кому из трех следует отдать предпочтение, как мастеру поэтического слова. Кстати, один из парадоксов в истории украинской литературы: певец национального возрождения Украины Тычина кончил жизнь как сталинский вельможа, а чекист Фалькивский был расстрелян в Киеве в тридцать четвертом году (после убийства Кирова) как "террорист-белогвардеец"... Как параллельное явление к творчеству Плужника, Фалькивского и Тычины, в русской литературе могут быть названы "Стихи о терроре" Макса Волошина и отчасти "Белая стая" Марины Цветаевой. А теперь — еще одно стихотворение Плужника из сборника "Дни". Стихотворение может быть названо ключевым для этого сборника, но его, как ни странно, мы тщетно искали бы в "реабилитационной" (советского издания) книге стихов погибшего поэта:

”Дни начинаются с шести утра, гудками,
Пока на травах держится роса,
И стаи голубиные над нами
Уходят, розовея, в небеса.

И тротуар еще под влажной тенью,
И слышно ржанье где-то позади,
И хочешь крикнуть каждому мгновенью:
”Не уходи!”

Но над базаром встала пыль густая,
И синеглазый день как бы ослеп.
И закипит, я знаю, нарастая,
Торговля, суета, борьба за хлеб.

Я от вчера усталый, меж лабазов
Бреду: продать бы мускулы живей!
И гаснут, блекнут отблески топазов
На крыльях голубей...”

Розовые крылья голубей, с гаснущими отблесками топазов на них, а внизу — покрытые тенью тротуары — это напоминает мне Ренуара, Клода Монэ. И это, безусловно, один из незабываемых визуальных образов украинской лирики. Второй сборник Евгена Плужника — ”Ранняя осень”. По большей части это неподдельно-искренние стихи тоскующего, брошенного в осеннюю глушь интеллигента, реже — реминисценции недавнего прошлого. Например:

”Мужик, косивший у опушки жито,
О желтый череп зазубрил косу.
Чей это труп валялся незарытый,
Кто и за что сражался здесь в лесу,

Ему и дела нет. На месте боя
Добротная, густая вышла рожь.
А кто-то жертвовал на перегной собою? —
Так что ж!..

Насупившись над вещью дорогою,
Он осмотрел серебряный металл,

И люто череп отшвырнув ногою, —
"Ишь, раскидало вас!" — пробормотал".

Здесь ненужность и напрасность высшей жертвы — юной жизни, положенной на алтарь идеи, — "Сердце, сердце! С твоим огнем — и в бурьян головою!" — подчеркнута неблагодарностью того, за кого принесена эта жертва: "И люто череп отшвырнув ногою/"Ишь, раскидало вас!" — пробормотал"...

В двадцатых годах Плужник принадлежал к литературной группе "Ланка" (что означает "Звено"), которая впоследствии, почти в том же составе, стала называться "Марс" (что якобы должно было означать "Майстерня революційного слова" — мастерская революционного слова). Группа считалась попутчицкой, и почти все ее члены в тридцатых годах были репрессированы: Ивченко — сослан, Косынка и Фалькивский — расстреляны, Плужник и Антоненко-Давыдович приговорены к расстрелу, замененному заключением (Плужник, как мы знаем, умер в Соловецком лагере, Антоненко-Давыдович дождался реабилитации), Борис Тенета покончил с собой в тюрьме, один из крупнейших украинских прозаиков Пидмогильный погиб в заключении, не известно ни где, ни когда. Осьмачка симулировал сумасшествие (и вынес из больницы манию преследования...), самый младший член группы Иван Багрный бежал из лагеря, скитался, снова сидел, выдержал все пытки и перед войной вышел на волю (он умер в эмиграции).

Арестам предшествовали годы травли и невозможности печататься. Плужник и его друг Пидмогильный перебивались составлением словарей и переводческой работой. А писали — в стол. Поэтому третий сборник стихов Евгена Плужника "Рівновага", т. е. "Равновесие" был напечатан только посмертно. Общий колорит сборника — это безысходный пессимизм с примесью горькой иронии, вроде этого:

"Ну что ж? Пускай. Лежи, глотай микстуру
Да грей термометры — твой целодневный труд.
Да утешай себя — с тоски иль просто сдуру,
Что все изменится — вот только бок натрут..."

(Напомню читателям, что у поэта был туберкулез — наслед-

ственная болезнь в его семье). Но страшнее болезни была действительность. И в посвященном уже упомянутому нами Пидмогильному восьмистишии Плужник писал:

”Над горами вечер. Ширь потока
Тихо гаснет. Замерла вода.
В небе, высока и одинока,
Показалась бледная звезда.
Час покоя... Но душа в тревоге,
Как ребенок слабый и больной.
В тишине, что стала на пороге,
Страшно ей внимать себе самой...”

Поэт видит на всем печать обреченности и безысходности:

”Здесь возвышался древний храм. А ныне
Среди песком завейных руин
Лениво дремлет старый бедуин
В шатре дырявом.

Небеса пустыни
В узоре облаков. Ни рош, ни гор.
Глядят верблюды в тишину безлюдья.
Склонясь к ребенку высохшею грудью,
Запела женщина, тоскливый взор
Уставя на безмолвные пейзажи,
На небо, что оставил ей гяур,
И на пески, где не осталось даже
Следа держав, народов и культур”.

Между прочим, Плужник никогда за границу не ездил, бедуинов знал только по книгам, а это его стихотворение — плод эскапизма, бегства поэта от советской действительности в мир воображаемых путешествий. В других стихах он сам рассказывает о своих путешествиях... по страницам дорожных путеводителей. Иногда, впрочем, поэту удается уйти в мир литературных образов, где писатель и его персонажи имеют ”право на ошибку”:

”Упитанного Санчо тень худая,
(Заметьте: Панса, но отнюдь не Панча)

Ошибся он, гидальго из Ламанчи,
Действительностью вымысел считая.
Но на своей же доказал он шкуре,
Что среди многих истин есть такая:
Ошибки — например, в литературе
Прекраснее, чем истина любая”.

Иногда это мир какой-то чистой и светлой эротики, совершенно несовместимой с модной в те времена проповедью свободной любви “без черемухи” и теорией “стакана воды”.

”Она спустилась к морю. Кто она —
Ей и самой отныне безразлично...
...Ведь в нас во всех — мелодия одна,
В извечной смене, праздной и обычной.

Ленивый взмах... и ей под ноги лёг
Прозрачным венчиком халатик яркий,
И на стебле высоком стройных ног
Возник цветок — такой махрово-жаркий
Спокойный торс, нетронута-нагой!

Спадает вал... Но вот спешит другой.
И снова всплеск... И затихает снова:
Она, чуть тронув розовой ногой,
Смиряет кипень бездны бирюзовой.

Ее зовет в объятья глубина,
Морская ширь, что всем ветрам открыта...
И кажется: уходит Афродита
В тот белый шум, которым рождена!”

Но от этой классической бесстрастности эстетического созерцания, как ни странно, один шаг до чувственной любви. А любовь приносит не то чтобы разочарование, а вдруг оборачивается неожиданной стороной:

”В утреющем неясно-сером свете —
Твои чужие, странные черты.
И этот бледный профиль, щеки эти —
Взаправду ты?

Усталость, сон, мелькнувшей страсти пламя
Из черт твоих как будто стерли те,
Что я при встречах познавал годами
В житейской суете.

И вот теперь как бы впервые вижу
Чужую, незнакомую тебя.
Так чей же сон, во сне улыбки чьи же
Я у постели берегу, любя?"

В первом стихе — очевидная реминисценция из Блока: — "Утреет. Серым силуэтом...". Но это совпадение не помешало Плужнику показать предметы совсем в ином, не блоковском ракурсе. А вообще, если не считать этого единственного случая, стихи Плужника совершенно свободны от литературных заимствований и подражаний, так же как чуждо ему и стремление во что бы то ни стало казаться оригинальным (оба эти явления одинаково мешают стихам быть поэзией).

Что же остается поэту? Горько констатировать: "Ваша карта бита", сознавать, что "все давно свершилось" и простирается ниц перед отчаяньем: "отчаянье! Победа за тобой!"...

И. Качуровский

СУДЬБА ИСКУССТВА ЮРИЯ ОЛЕШИ

ЕГО ЖИЗНЬ В МЕТАФОРАХ

Мы получили для отзыва из Японии (Токио) сборник статей японских русистов о русской литературе. Содержание: Кэико Танигаки "Из Платоновского мира" (об Андрее Платонове), Юра Тэрао "Белый, 1922", Хироси Нисинакамура "Евг. Замятин и его литературная критика", Акира Мацубара "Поэт в зеркальном мире (образы зеркала в романе "Мы" Евг. Замятина)", Чизуру Сакакура "Осип Мандельштам; 'Четвертая проза' и два стихотворения на иудейскую тему", Мицүёси Нумано "Судьба искусства Юрия Олеши. Его жизнь в метафорах". Дата издания: 25 апреля, 1981 г. Тираж 300 экз. Сборник напечатан по-японски. Но одна статья — Мицүёси Нумано дана по-русски. Мы перепечатываем ее полностью, дабы ознакомить наших читателей с работами японских русистов. РЕД.

Если нельзя искать правду писателя в повседневной жизненной суеде, которую он презирал и ненавидел (впрочем, как правило, именно такая суеда составляет большую часть жизни людей, в том числе и писателей), то нужно искать ее исключительно в написанных писателем словах, которым он посвятил свою жизнь. Правда, такой подход приложим далеко не ко всем писателям, и мы часто рассматриваем жизнь и творчество одного писателя параллельно, не зная, как свести эти параллельные линии. Однако даже среди писателей, которые пережили ожесточенный "политический период" (не говоря уже о том, что некоторым не удалось его пережить), есть такие, чье творчество означает для них абсолютно всё и в чьем творчестве намечаются все существенные черты их жизни. К таким писателям принадле-

жал, несомненно, Юрий Олеша, жизнь которого нам еще мало известна и окружена легендами.

Одной из легенд является для нас сегодня блестящий дебют Юрия Олеша. Опубликовав свой первый роман "Зависть" в "толстом" литературном журнале "Красная новь" (1927), Олеша стал известным писателем, как говорится, "за ночь", и его роману, довольно небольшому по размеру, было посвящено большое количество рецензий и статей. Ровно десять лет спустя, критик Виктор Перцов пишет:

Читатель вероятно помнит, какую критическую вакханалию вызвала в свое время книга Олеша: объем написанного о ней едва ли не в десять раз превышает объем самой книги.¹

Многочисленные статьи о романе Олеша, написанные с конца 20-х годов до середины 30-х годов основываются, в сущности говоря, лишь на политических рассуждениях с определенных идеологических позиций, и почти нет ни одной статьи, в которой была бы обстоятельно изучена "формальная" сторона романа. Тем не менее многие критики, хоть и мимоходом, упоминали о блестящем и остроумном новаторстве стиля Олеша. Иными словами, выразительность новаторской прозы Олеша была достаточно мощна, чтобы вынудить даже идеологических критиков к признанию значительности стиля романа. Итак, даже критики, относящиеся к "философии" романа критически, считали, что если оставить "содержание" романа в стороне, то незаурядная выразительность стиля Олеша достойна похвалы. Впрочем, такой дуалистический подход к "форме" и "содержанию" мы

---

1. Виктор Перцов. Личность и социалистическое дело. "Октябрь". 1937, №7, с. 175. Кстати сказать, в этой статье В. Перцов критиковал Олешу резко, называя его защитником вредного буржуазного индивидуализма, потом переросшего в идеологию контрреволюции, то есть "троцкизм". Лет двадцать спустя тот же самый Перцов написал вступительную статью к изданию избранных сочинений Олеша и "реабилитировал" его. Но тут нет ничего удивительного, потому что, по ироническому выражению Аркадия Белинкова, "мнение человека может меняться, и человек в различные годы об одних и тех же людях может думать неодинаково. Может меняться мнение даже самых авторитетных источников, и это тоже вполне понятно". Нас интересует только удивительное постоянное совпадение мнений критика и авторитетных источников. См.: Аркадий Белинков. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. Мадрид, 1976, с. 473-4.

находим не только у тогдашних советских критиков, смущенных новаторством Олеси, но и вообще в литературоведении, особенно в области изучения современной советской литературы. Например, в своей оригинальной статье по поводу прототипа Ивана Бабичева, одного из главных действующих лиц в "Зависти", современный литературовед Рейнгард Лауер определяет свой интерес исследователя к предмету так:

Bemerkenswert an Olešas Roman sind ausser seinen Thematik und Ideologie die formalen und kompositionellen Mittel, "die Frische der Form und des Stils", wie G. Struve sagt.²

Чтобы ответить на вопрос, в чем заключается такая выразительная сила прозы Олеси, прежде всего нужно рассмотреть многочисленные сравнения и метафоры, которые Олеса охотно употребляет в своей прозе. Именно, эти новаторские, неожиданные сравнения, рассыпанные по всему роману, составляют один из главных литературных приемов, давших Олесе известность, и многие современники в один голос это подчеркивали. К примеру, в большой статье об Олесе, помещенной в "Новом мире", критик Вячеслав Полонский пишет так:

Если оставим в стороне "философию" романа, о которой будем говорить ниже, а взглянем на "Зависть" со стороны ее "заразительности", — то увидим, что сила романа в его исключительной образности. Юрий Олеса образно видит мир. Эта способность не делает человека мастером искусства. Но Олеса в превосходной степени владеет способностью мир образно построить. А это переводит его в разряд художников. (Разрядка Полонского.)³

Один из теоретиков литературной группы "Перевал", Дмитрий Горбов отзывался об Олесе следующим образом: — "Он художник, владеющий образным видением мира!"⁴ А Яков

---

2. Reinhard Lauer, "Zur Gestalt Ivan Babičevs in Olešas 'Zavist'", Die Welt der Slaven, 1962, Heft 1, S. 45.

3. Вячеслав Полонский. Преодоление "Зависти". "Новый мир", 1929, №5, с. 189.

4. Дмитрий Горбов. Оправдание зависти. "Новый мир", 1928, № 11, с. 228. Тоже в кн.: Он же. Поиски Галатеи. М., 1929, с. 144. Об этой статье Виктор Перцов пишет так: "Напомним название одной только критической статьи о романе Олеси троцкиста Д. Горбова, равной по откровенному цинизму самому ро-

Эльсберг (псевдоним: Ж. Эльсберг) пишет: "Для него (главного героя "Зависти" Кавалерова) чрезвычайно важно оформление — метафорическое, образное того, что он видит".⁵

Такие замечания критиков были справедливы: сам Олеша высоко ценил роль образных выражений в литературе и употреблял их в своих произведениях сознательно и эффективно. Однажды Олеша назвал мир творчества В. Маяковского "целым театром метафор"⁶, но мир творчества Олеша был, по-видимому, еще более последователен, недаром И. Рахтанов назвал прозу Олеша "целым с т а д и о н о м метафор"⁷.

Действительно, Олеша питал необычайное пристрастие к сравнениям и метафорам, и сегодня многие его друзья и знакомые вспоминают, что он поражал их своеобразными сравнениями не только в литературном творчестве, но и в повседневной жизни, и что, короче говоря, "он говорил, как писал, и писал, как говорил".⁸

В первую очередь приведем к примеру его известное сравнение.

Пример 1. — Вы прошумели мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев ("Зависть").⁹

Это лирическое выражение, которое в романе "Зависть" Кавалеров посвящает красивой девушке Варе, особенно полюбилось многим читателям и самому автору, и недавно Валентин Катаев написал в своеобразных воспоминаниях:

Что же касается к л а с с и ч е с к о й ветки, полной цветов и листьев,

---

ману. Статья называлась — «Оправдание зависти». См.: В. Перцов. Указ. соч., с. 175-6.

5. Ж. Эльсберг. Кризис попутчиков и настроения интеллигенции. Л., 1930, с. 70.

6. Юрий Олеша. Ни дня без строчки. В кн.: Юрий Олеша. Избранное. М., 1974, с. 442.

7. И. Рахтанов. Рассказы по памяти. М., 1966, с. 121.

8. Борис Бобович. В сб.: Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975, с. 22.

9. Юрий Олеша. Избранное. М., 1974, с. 29. Можно предположить, что это выражение написано под влиянием реминисценции стихотворения Александра Блока "Превратила все в шутку сначала...". Об этом см.: Нумано Мицуёси. Юрий Олеша "Сэнбо"-но сзирису. — "Росия-го росия-бунгаку кэнкю" (Бюллетень Японской ассоциации русистов), № 12 (Октябрь 1980 г.), с. 78.

то она нашла место в одном из самых популярных сочинений ключика. (Разрядка моя — М. Н.)¹⁰

Юрий Олеша отнюдь не был приверженцем реализма, который якобы "изображает действительность так, как она есть на самом деле"¹¹, а считал, что работа художника заключается в том, чтобы "видеть мир по-новому", то есть преобразовать пошлую, суетливую действительность в радостное, праздничное "зрелище". Об этом сам Олеша отчетливо объявляет:

Нужно видеть мир по-новому.

Чрезвычайно полезно для писателя заниматься такой волшебной фотографией. И притом — это не выверт, никакой не экспрессионизм! Напротив: самый чистый, самый здоровый реализм.¹²

Однако в повседневной жизни чувства человека неизбежно подвергаются "автоматизации восприятия"¹³, и чтобы видеть мир по-новому, нужна соответствующая чисто литературная техника. Для Олеша сравнение и метафора представляют собой ни что иное, как "искусство видеть мир".¹⁴

Проза Олеша, созданная на основе такого искусства, своим новаторством приятно поражает чувства читателя, тупеющие в суетливой жизни. Однако это новаторство происходит не из самодовлеющих воззрений Олеша на литературу, а из современной ему атмосферы 20-х годов, и до известной степени из традиции русской литературы. Предшественника вышеприведенного воззрения Олеша на реализм мы можем видеть в Достоевском¹⁵; и современники Олеша, которые были несколько

---

10. Валентин Катаев. Алмазный мой венец. "Новый мир", 1978, № 6, с. 95. В этих воспоминаниях Катаев прозывает Олешу "ключиком".

11. По выражению Дмитрия Чижевского. Dmitrij Čiževskij, History of Nineteenth-Century Russian Literature, Vol. II, translated by R. N. Porter (Nashville, 1974), pp. 3-4.

12. Юрий Олеша. В мире. В кн.: Юрий Олеша. Избранное. М., 1974, с. 239.

13. Выражение Виктора Шкловского. См.: Искусство, как прием. В кн.: Поэтика. Сборники по теории поэтического языка, т. 3. Петроград, 1919.

14. Выражение Александра Воронского. См.: А. К. Воронский. Искусство видеть мир. Сборник статей. М., 1928.

15. Как замечает Nils Åke Nilsson, вышеприведенное место из рассказа "В мире" напоминает нам следующие строки из письма Достоевского.

Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем

старше его, — такие, как Евгений Замятин, Александр Воронский, Виктор Шкловский — несмотря на разницу их позиций, параллельно с Олешей развивали похожую в целом теорию отношений между действительностью и искусством, и о том, как художник должен видеть мир. Олеша по-своему "видел мир" — притом не просто видел, а "видел по-новому", пользуясь в качестве литературной техники сравнениями. О таком методе Олеси видеть мир, польский исследователь Анджей Дравич метко сказал:

"Зависть" тоже уверена в своем методе видения. Это метод сконцентрированной атаки на сознание читателя. (...) Открывается необыкновенное в обыкновенном, чтобы оторвать читателя от автоматизма видения, открыть перед ним красоту действительности, воздействовать на его чувства, изумить и удивить. (Перевод с польского Нумано.)¹⁶

Прежде чем приступить к рассмотрению сравнений Олеси, надо определить термины. У Олеси подавляющее большинство образных выражений принадлежит к "simile", хотя он сам называет их то "метафорой", то "сравнением", пренебрегая риторической классификацией.¹⁷ Во всяком случае, для Олеси сущность сравнения и метафоры состоит в "переносе" наименования, то есть в том, что слово, традиционно называющее один предмет, используется для обозначения другого предмета, но он не обращал внимания на то, как этот "перенос" называется, метафорой или сравнением. (И мы тоже будем употреблять эти термины в их широком смысле.) Вот что пишет сам Олеша об этой работе писателя над "переносом" наименования (или, по выраже-

---

наши реалисты и критики. Мой реализм — реальнее ихнего. Господи! Порассказать толково то, что мы все, русские пережили в последние 10 лет в нашем духовном развитии — да разве не закричат реалисты, что это фантазия! Между тем это исконный, настоящий реализм! Это-то и есть реализм, только глубже, а у них мелко плавает. (Ф. М. Достоевский. Письма, т. 2, М.-Л., 1930, с. 150.)

Nils Åke Nilsson, "Through the Wrong End of Binoculars," in Edward J. Brown ed., *Major Soviet Writers* (New York, 1973), p. 265.

16. Andrzej Drawicz. "Szkofa zawiści (Jurij Olesza)," in Andrzej Drawicz, *Zaproszenie do podróży* (Kraków, 1974).

17. Elizabeth K. Beaujour, *The Invisible Land: A Study of the Artistic Imagination of Iurii Olesha* (New York and London, 1970), p. 30.

нию Маризетты Чудаковой, "переименованием вещей"¹⁸) в своих автобиографических воспоминаниях "Ни дня без строчки":

Я твердо знаю о себе, что у меня есть дар называть вещи по-иному. Иногда удается лучше, иногда хуже. Зачем этот дар — не знаю. Почему-то он нужен людям. Ребенок, услышав метафору, даже мимоходом, даже краем уха, выходит на мгновение из игры, слушает и потом одобрительно смеется. Значит, это нужно.

Мне кажется, что я только называтель вещей. Даже не художник, а просто какой-то аптекарь, завертыватель порошков, скатыватель пилюль.¹⁹

Несмотря на то, что здесь ощущается ненужное самоуничужение писателя, переживающего тяжелые последние годы своей жизни, это замечание касается сущности искусства Олеша, и надо полагать, что тут Олеша отчетливо сознает важность "переименования вещей" в своей литературе.

Теперь рассмотрим, хоть бы бегло, каковы олешинские сравнения и в чем их новаторство.²⁰

Во-первых, Олешинские сравнения редко основываются на сходстве внутренних функций сравниваемых вещей. Они сделаны скорее по внешнему сходству. Приведем несколько примеров этого типа:

Пример 2. Подошла цыганская девочка величиной с веник ("Альдебаран").²¹

Пример 3. Издали казалось, что человек вытирает лицо белой салфеткой ("Три толстяка").²²

Пример 4. Ливень ходит столбами за окнами, прямо-таки столбами! Похоже на орган ("Ни дня без строчки").²³

Пример 5. Факелы развивались, как огненные бороды ("Три толстяка").²⁴

Пример 6. Мускулы у него ходили под кожей, точно кролики,

---

18. М. О. Чудакова. Мастерство Юрия Олеша. М., 1972, с. 34-40.

19. Юрий Олеша. Избранное. М., 1974, с. 521.

20. В этом рассмотрении автор многим обязан американской исследовательнице Э. К. Божур. См.: Э. К. Божур. Указ. соч., с. 30-37.

21. Юрий Олеша. Избранное. М., 1974, с. 241.

22. Там же, с. 127.

23. Там же, с. 541.

24. Там же, с. 103

проглоченные удавом ("Три толстяка").²⁵

Пример 7. Раны от пуль гвардейцев цвели на ее шкуре розами ("Три толстяка").²⁶

В примере 2, который очень нравился самому Олеше, сходство двух сравниваемых вещей не ограничивается только величиной. Тут с внешней формой веника сравнивается очень быстро ходящая цыганка в широкой, расходящейся треугольником до пят юбке.²⁷ А в примере 3, без контекста совсем не понятно, что делает этот человек, и Олеша заранее объясняет эту сцену так:

Расклейщик афиш никак не мог справиться с листом, приготовленным для наклейки. Ветер рвал его и бросал в лицо расклейщику.²⁸

До Олеша многие относились к таким сравнениям, основанным только на внешнем сходстве, как к простой выдумке, но именно эта выдумка служит для Олеша стержнем творчества, и в "Зависти" он даже метафорично заявляет:

Но если это и выдумка — то что же! Выдумка — это возлюбленная разума.²⁹

Олеша любил и уважал таких писателей, как Джек Лондон, Эдгар По, Амброз Бирс, Герберт Уэллс, Александр Грин, потому что у этих "писателей-уников" есть, по мнению Олеша, необыкновенное свойство, "перед которым действительно останавливаешься с восхищением" — то есть, у них есть "выдумка".³⁰

Во-вторых, олешинские сравнения часто связывают две вещи лишь формальным сходством. Эти вещи, несмотря на сходство в форме, резко различаются содержанием или сущностью, в результате чего увеличивается неожиданность и свежесть сравнения и усиливается выразительность. Такой эффект позво-

25. Там же, с. 129.

26. Там же, с. 172.

27. Так объясняет сам Олеша. См.: Юрий Олеша. Литературная техника. В кн.: Юрий Олеша. Повести и рассказы. М., 1965, с. 417.

28. Юрий Олеша. Избранное. М., 1974, с. 127.

29. Там же, с. 54.

30. См.: Юрий Олеша. Литературная техника. В кн.: Юрий Олеша. Повести и рассказы. М., 1965, с. 422.

ляет получить Олеше не метафору, а скорее "simile", которое характеризуется большей гибкостью в употреблении, чем метафора. Используя свободно технику "simile", Олеша создает искусственное, "остраненное" сочетание двух вещей и поражает чувства читателя приятным ударом открытия. Согласно традиционному мнению Аристотеля, сущность сравнения (тропа) заключается в том, чтобы "быстро усмотреть существенную общность в двух различных по внешности вещах", но олешинские сравнения, наоборот, насильно связывают две вещи лишь внешним сходством и намеренно подчеркивают различие между ними. Таким образом возникает своего рода эффект "остранения", оставляющего две сравниваемые вещи не слитыми, Олеша нередко достигает впечатления "столкновения".³¹ Приведем несколько примеров этого типа:

Пример 8. Переулок суставчат. Я тягостным ревматизмом двигаюсь из сустава в сустав. Меня не любят вещи. Переулок болеет мной ("Зависть").³²

Пример 9. Велосипед был рогат ("Цепь").³³

Пример 10. Воспоминания детства разлетаются, как одуванчик ("Список благодетелей").³⁴

Пример 11. ...в зеленой лапше травы ("Зависть").³⁵

Пример 12. ...пенсне переезжает переносицу, как велосипед ("Зависть").³⁶

Пример 13. Он опустил подушку на землю, — и села подушка рядом, как свинья ("Зависть").³⁷

Пример 14. Солнечный свет скользнул по плечу ее, она качнулась, и ключицы вспыхнули, как кинжалы ("Зависть").³⁸

Пример 15. Женщина уронила толстую кошку. Кошка шлепнулась, как сырое тесто ("Три толстяка").³⁹

---

31. Надо иметь в виду, что в разных тенденциях того времени тоже подчеркнуто впечатление столкновения, например, в теории монтажа Эйзенштейна и во французском сюрреализме.

32. Юрий Олеша. Избранное. М., 1974, с. 26.

33. Там же, с. 203.

34. Юрий Олеша. Пьесы. Статьи о театре и драматургии. М., 1968, с. 94.

35. Юрий Олеша. Избранное. М., 1974, с. 35.

36. Там же, с. 15.

37. Там же, с. 76.

38. Там же, с. 88.

39. Там же, с. 99.

Пример 16. Доктор схватился за сердце, которое прыгало, как яйцо в кипятке ("Три толстяка").⁴⁰

Пример 17. Сердце его прыгало, как копейка в копилке ("Три толстяка").⁴¹

В-третьих, концентрируясь на внешности сравниваемых вещей и пренебрегая их внутренними функциями, олешинское сравнение получает силу отрываться от серой повседневной жизни, находящейся под властью практической мотивировки. Пренебрежение функцией вещей иногда действует в качестве разрушительной силы и становится резкой критикой по отношению к действительности. Это видно из следующих примеров:

Пример 18. Летательные машины перестали быть похожими на птиц. Легкие, просвечивающие желтизной крылья заменились ластами. Можно подумать, что они бьются по земле при подъеме. Во всяком случае, при подъеме вздымается пыль. Летательная машина похожа теперь на тяжелую рыбу. Как быстро авиация стала промышленностью! ("Зависть").⁴²

Пример 19. В целом она (голова Андрея Бабичева) похожа на глиняную крашеную копилку ("Зависть").⁴³

Но в иных случаях пренебрежение функцией вещей ведет к праздничной перспективе. Приведем такой пример:

Пример 20. Издали люди казались разноцветными флажками ("Три толстяка").⁴⁴

Из этого предложения без контекста совсем непонятно, о чем идет речь, но в действительности оно представляет собой описание того, как народ, восставший против самодержавия, падает, разогнанный гвардейцами "Трех толстяков". Таким образом событие, которое первоначально содержит в себе трагический смысл, с помощью сравнения вдруг вступает в новую фазу. Такое переосмысливание действительности особенно часто наблюдается в романе "Три толстяка", написанном в 1924 году

---

40. Там же, с. 107.

41. Там же, с. 114.

42. Там же, с. 33-34.

43. Там же, с. 23.

44. Там же, с. 100.

(то есть раньше "Зависти"). В этом романе-сказке, благодаря таким сравнениям, разворачивается радостный нереальный мир воображения, хотя в нем нет ничего сказочного, необъяснимого рационально. Среди многих сравнений в "Трех толстяках" Виктор Шкловский особенно похвалил следующее, как одно из самых смелых:⁴⁵

Пример 21. Он ехал мостами, изогнутыми в виде арок. Снизу или с другого берега они казались кошками, выгибающимися перед прыжком железные спины ("Три толстяка").⁴⁶

В редкий и счастливый миг, когда мир поставлен под контроль литературного воображения, олешинское сравнение появляется в виде зрительной "реализации сравнения".⁴⁷ Например, в рассказе "Любовь" влюбленный герой Шувалов буквально летит "на крыльях любви". Впрочем, надо заметить, что у Олеси реализация сравнения всегда ограничена, и олешинский герой не может летать всегда так свободно, как герой романа Александра Грина "Блистающий мир".⁴⁸

В-четвертых, олешинское сравнение не ставит целью облегчать мышление и часто функционирует как уклонение от кратчайшего курса рационального и научного мышления. Хорошим примером этой функции служит следующее:

---

45. См.: Виктор Шкловский. Глубокое бурение. В кн.: Юрий Олеши. Избранное. М., 1974, с. 9.

46. Юрий Олеши. Избранное. М., 1974, с. 104.

47. Термин Романа Якобсона. См.: Роман Якобсон. Новейшая русская поэзия. набросок первый. Прага, 1921, с. 20.

48. В автобиографических воспоминаниях "Ни дня без строчки" Олеши пишет по поводу романа Александра Грина "Блистающий мир", герой которого по природе умеет летать всегда свободно:

И вот, когда я выразил Грину свое восхищение по поводу того, какая поистине превосходная тема для фантастического романа пришла ему в голову (летающий человек!), он почти оскорбился.

— Как это для фантастического романа? Это символический роман, а не фантастический! Это вовсе не человек летает; это парение духа! (Юрий Олеши. Избранное. М., 1974, с. 504.)

Несогласие между двумя писателями, сказавшееся в вышеприведенном отрывке, говорит о качественной разнице их воображения.

Пример 22. Выглаженное полотняное платье пахнет левкоем ("Наташа").⁴⁹

Как замечает Аркадий Белинков⁵⁰, здесь более знакомое (запах полотняного платья) сравнивается с менее знакомым (запахом левкоя), и тем самым процесс мышления удлиняется. Можно сказать, что такой прием Олеси служит хорошим примером "острашения".

Из того, что мы рассмотрели выше, ясно, что сравнения у Олеси представляют собой не простую риторику или стилистические краски, а сам творческий процесс познания, и что, они касаются того, как видеть мир, то есть, мировоззрения. Если социалистический реализм ставит своей целью изображать единственный мир так, как он есть, то олешинская "волшебная фотография" видит одну действительность двойной, кладет нереальность на реальность, отрывается и уклоняется от действительности и пытается преобразовать ее в такое праздничное зрелище, как цирк.

К несчастью, с первой половины 30-х годов такой литературный прием Олеси начал подвергаться резкой критике, и идя навстречу этой критической тенденции, сам Олеша стал отрицать достоинство своих сравнений. В "Заметках писателя", помещенных в "Известиях" от 18 февраля 1934 года, Олеша критиковал свои прежние "болезненные" сравнения, основанные лишь на формальном сходстве предметов, и настаивал на том, что сравнения всегда должны основываться на сущности или функции сравниваемых предметов. Сошлемся на слова самого писателя:

Коммунизм объяснил мне мир. До того я жил в необъяснимом мире. Я получал главным образом впечатления формы. Еще недавно мне хотелось сравнивать экскаватор с жирафом. Он действительно похож на жирафа. Но это только зрительное впечатление, впечатление формы. И такая метафора — экскаватор, как жираф — есть метафора, говорящая о том, что поэт видит только форму, а не сущность. Экскаватор нужно сравнивать с рукой. Это вовсе не жираф, — это удлинивша-

---

49. Юрий Олеша. Избранное. М., 1974, с. 263.

50. Аркадий Белинков. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. Мадрид, 1976, с. 36.

яся рука человека (а у жирафа — удлинившаяся шея). Экскаватор исполняет функции выгребавшей руки. Это одна из рук гиганта, называющегося труд.

Или например — мост.

Не понимая, можно сравнить мост с бровью. И в самом деле, видимый издали мост похож на бровь.

Но мост есть не бровь, а прыжок.

Фантастически увеличенный человеческий прыжок.

Тот же гигант прыгает через реку.

О форме и сущности. В прошлом году я болел неврозом сердца. Болезнь сильнее всего проявлялась ночью. Ночь. Я сплю, болезненное состояние уже началось, но я еще сплю. И мне снится сон, в котором я прихожу в комиссионный магазин.

Один и тот же сон.

Я рассматриваю шкатулки.

Я хочу открыть шкатулку, но это невозможно, потому что крышка оказывается нарисованной, фальшивой. Открыть шкатулку нельзя. Потом передо мной возникают двери. Я подхожу. Они тоже нарисованы, как на кулисе. Я просыпаюсь.

Таким образом неправильная деятельность сердца вызывает сон, в котором вещь, чье главное свойство — быть открываемой, — оказывается подчеркнуто лишенной этого свойства. Я не могу войти в середину вещи, а как раз эта вещь и создана ради середины. Нарушена деятельность сердца, происходит изменение кровообращения, колеблется жизнь — и вместо сущности вещи я вижу только ее нарисованность, форму. Я не могу войти в середину. Я болен. Правильность мира — соединение формы с сущностью — меня не принимает. Я вижу только форму.⁵¹

Еще за год до этой статьи Валентин Катаев безжалостно критиковал сравнения Олеши:

Говорю не без оснований, ибо у нас нарождается целое течение, представляемое группой писателей (между собой не связанных), которые идут — разными путями, правда, — к изыску, украшательству и которых я называю советскими декадентами. Некоторые следы декадентства — у Леонова. Весь в декадентстве — Олеша, весь Вишневский. (Как! И Вишневский?). Проза Мандельштама — проза декадентства. Я хочу сказать об Олеше, потому что часто думаю об этом талантливом, но — пусть будет резко! — малокультурном писателе. Смотрите: Олеша нигде не переведен. Разве только случайно кто полюбопытствовал.

---

51. Юрий Олеша. Заметки писателя. — "Известия", 1934. 18 февраля.

Это писатель, который не выйдет за пределы одного языка. Олешу не переведут, ибо в Париже — к примеру, в Париже — он выглядел бы провинциалом. Там дети говорят метафорами Олеша, и часто говорят лучше Олеша. Там рядовые журналисты приносят в газету десяти-франковые заметки с метафорами Олеша.⁵²

Если даже Валентин Катаев, который был, судя по его воспоминаниям, лучшим другом Олеша, клеветает на Олешу так резко, то можно сделать вывод, что течение времени шло тогда прямо против литературного метода Олеша.⁵³

В 1935 году, критикуя свой роман, опубликованный 8 лет тому назад, Олеша говорил:

В "Зависти" есть все достоинства и все недостатки молодости. Теперь мне кажется, что фактура этой вещи слишком "жирна". Слишком много сравнений, метафор... Распределение красок беспорядочно. Писать надо суше, проще, скупей.⁵⁴

В следующем году Олеша произносит речь по поводу помещенной в "Правде" статьи "Сумбур вместо музыки", которая критикует Шостаковича как "формалиста". В этой речи Олеша упрекает и Шостаковича, лично знакомого "настоящего артиста", и самого себя в "формализме". Критикуя свои формальные сравнения, Олеша доходит до того, что хвалит Сталина за его "метафорическую речь":

Статьи "Правды" многими были поняты как отрицание художественности, как удар по художественности. Но ведь человек не может не мыслить образно. Все песни и поговорки образны, а не формалистичны. За этим образом всегда стоят идея и чувство.

Можно без конца приводить примеры. Метафоричен язык у Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. "Экспорт революции — это чепуха", — так сказал Сталин, и это есть метафорическая речь.

Разница между художественностью и формализмом в том, что формализм рождается из пустоты. Художественность приходит тогда,

52. Цитата по статье: Вл. Соболев. Изгнание метафоры. Беседа с В. Катаевым. "Литературная газета", 1933, 17 мая.

53. К чести Катаева надо сказать, что большая часть его несколько смешных, но очень трогательных воспоминаний "Алмазный мой венец" посвящается памяти Олеша, и что здесь Катаев снова восхищается сравнениями Олеша.

54. Юрий Олеша. Беседа с читателями. "Литературный критик", 1935, № 12, с. 161.

когда идея — могущественная, но голая, требует одежды.⁵⁵

Итак, Олеша настаивал на том, что сравнение должно ограничиваться "одеждой" для идеи, и тем самым изменял себе и своему искусству. В 1935 году он говорил о метафоре в литературе так:

Марсель Пруст сказал, что для вечности от искусства останется только метафора. С этим крайним мнением согласиться нельзя...⁵⁶

Однако в автобиографических воспоминаниях "Ни дня без строчки", которые Олеша писал, так сказать, для самого себя в последние годы без определенной перспективы издания, мы находим место, где выражается почти противоположное мнение:

Кто-то сказал, что от искусства для вечности останется только метафора. Так оно, конечно, и есть. В этом плане мне приятно думать, что я делаю кое-что, что могло бы остаться для вечности.⁵⁷

Как надо понять эти противоположные замечания одного и того же писателя? Может быть, в тяжелые тридцатые годы согласно требованиям к литературе со стороны политического руководства Олеша старался насильно "перестроить" самого себя и поменять свои воззрения на искусство, но такая насильственная перестройка, конечно, не удалась Олеше, и, следовательно, с середины 30-х годов он, как художник, только и делал, что отступал. В доказательство его отступления мы приведем только один пример:

Стадион над морем.

Его не было. Это новый стадион в Одессе. На фоне моря.

Нельзя представить себе более чудесного зрелища.

Сноровка к сравнениям оказывается бессильной. На что это похоже? Не знаю. Я этого никогда не видел. Это картина будущего.⁵⁸

---

55. Юрий Олеша. Великое народное искусство. Из речи тов. Олеша. "Литературная газета", 1936, 20 марта.

56. Юрий Олеша. Беседа с читателями. "Литературный критик", 1935, № 12, с. 158.

57. Юрий Олеша. Избранное. М., 1974, с. 521.

58. Юрий Олеша. Стадион в Одессе. В кн.: Юрий Олеша. Избранное. М., 1974, с. 258.

Можно даже сказать, что эти строки служат объявлением поражения олешинского сравнения, то есть поражения его искусства в условиях тяжелого политического периода.

Чтобы узнать судьбу сравнения художника и судьбу самого художника, лучше всего прочитать рассказ как бы без всяких претензий, вошедший в его автобиографические воспоминания "Ни дня без строчки". В заключение мы процитируем этот эпизод полностью:

На старости лет я открыл лавку метафор.

Знакомый художник сделал для меня вывеску. На квадратной доске размером в поверхность небольшого стола, покрытой голубой масляной краской, карминовыми буквами он написал это название, и так как в голубой масляной краске и в карминовых буквах, если посмотреть сбоку, отражался, убегая, свет дня, то вывеска казалась очень красивой. Если посмотреть сильно сбоку, то создавалось впечатление, как будто кто-то в голубом платье ест вишни.

Я был убежден, что я разбогатею. В самом деле, у меня был запас великолепных метафор. Однажды даже чуть не произошел в лавке пожар от одной из них. Это была метафора о луже в осенний день под деревом. Лужа, было сказано, лежала под деревом, как цыганка. Я возвращался откуда-то и увидел, что из окна лавки валит дым. Я залил водой из ведра угол, где вился язык пламени, и потом оказалось, что именно из этой метафоры появился огонь.

Был также другой случай, когда я с трудом отбил от воробьев. Это было связано как раз с вишнями. У меня имелась метафора о том, что когда ешь вишни, то кажется, что идет дождь. Метафора оказалась настолько правильной, что эти мои вишни привлекли воробьев, намеревавшихся их клевать. Я однажды проснулся от того, что лавка трещала. Когда я открыл глаза, то оказалось, что это воробьи. Они прыгали, быстро поворачивались на подоконнике, на полу, на мне. Я стал размахивать руками, и они улетели плоской, но быстрой тучкой. Они порядочно истребовали моих вишен, но я не сердился на них, потому что вишня, истребованная воробьем, еще больше похожа на вишню, — так сказать, идеальная вишня.

Итак, я предполагал, что разбогатею на моих метафорах.

Однако покупатели не покупали дорогих; главным образом, покупались метафоры "бледный, как смерть" или "томительно шло время", а такие образы, как "стройная, как тополь", прямо-таки расхватывались. Но это был дешевый товар, и я даже не сводил концов с концами. Когда я заметил, что уже сам прибегаю к таким выражениям, как

”сводить концы с концами”, я решил закрыть лавку. В один прекрасный день я ее и закрыл, сняв вывеску, и с вывеской под мышкой пошел к художнику жаловаться на жизнь.⁵⁹

К сожалению, мы вправе отождествить судьбу этой лавки метафор с судьбой писателя.

Если Олеша перестал создавать новые оригинальные сравнения, то это означало смерть его как писателя, потому что вначале он придавал сравнениям существенное значение, без чего все его творчество сошло бы на нет. На самом деле, в последние годы своей жизни он опасался: ”Есть ли еще во мне сила, способная рождать метафоры?”⁶⁰ И, наконец, это опасение стало действительностью. Незадолго перед своей смертью Олеша сказал И. Глану:

Жизнь подходит к концу. Я сделал немного. Я просто назвал несколько вещей иначе. И вот пришла смерть с косой и садится напротив. И говорит: ”А назови меня как-нибудь иначе...” И я мучаюсь — и не могу назвать ее иначе...⁶¹

Итак, у Олеша, писателя на редкость чистого типа, смерть тела и смерть души художника совпали. Впрочем, согласно воспоминаниям Валентина Катаева, в которых иногда наблюдается литературное приукрашивание — как это свойственно сочинениям такого рода⁶², — уже тяжело больной, на пороге смерти Олеша сказал врачам, переворачивавшим его на другой бок:

Вы переворачиваете меня как л о д к у. (Разрядка Катаева.)⁶³

---

59. Юрий Олеша. Избранное. М., 1974, с. 522.

60. Там же, с. 520.

61. Цитата по И. Глану. В сб.: Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975, с. 291.

62. В этих своеобразных воспоминаниях, где почти все лица называются лишь прозвищами, сам Катаев оговаривается:

Вообще в этом сочинении я не ручаюсь за детали. Умоляю читателей не воспринимать мою работу как мемуары. Терпеть не могу мемуаров. Это свободный полет моей фантазии, основанный на истинных происшествиях, быть может, и не совсем точно сохранившихся в моей памяти. В силу этого я избегаю подлинных имен, избегаю даже выдуманных фамилий. (Валентин Катаев, Указ. соч., с. 44)

63. Валентин Катаев. Указ. соч., с. 94.

Если поверить свидетельству Катаева, в Олеше даже во время телесного умирания продолжала жить душа художника. Подводя итоги всей жизни Олеси, Катаев пишет: "В жизни он был так же метафоричен, как в своих произведениях".⁶⁴ И даже Аркадий Белинков, беспощадно критиковавший отступление и "сдачу" Олеси, смело утверждает, что "единицей измерения искусства Юрия Олеси является метафора".⁶⁵ Теперь мы можем заключить, что оба замечания совершенно справедливы, и они хорошо резюмируют литературную жизнь Юрия Олеси, состоявшую из блестящих метафор.

Мицуюэси Нумано

---

64. Там же.

65. Аркадий Белинков. Указ. соч., с. 40.

ТЕАТРАЛЬНАЯ СУДЬБА РОМАНА "БЕСЫ"

Театральная судьба романа Достоевского "Бесы" так же сложна, как и судьба романа. Роман "Бесы" — произведение настолько многогранное, охватывающее важнейшие философские, этические, идеологические и исторические проблемы, что оно не было правильно понято современниками Достоевского. Философский, этический и исторический подтексты романа не раскрыты полностью и до наших дней. Теперь, через сто десять лет после написания романа, человечество, прошедшее страшный путь кровопролитных войн, междоусобиц, столкновения противоположных идеологий, может убедиться, что взгляды и идеи, воплощенные Достоевским в романе, приобретают всё большую значимость.

Уже первая журнальная публикация романа в "Русском Вестнике" в 1871 году, законченная в конце 1872 года (№№ 11 и 12), вызвала живой интерес читателей и бурную реакцию критиков. Читатели быстро раскупали роман, вышедший отдельным изданием в начале 1873-го года; большинство же, так называемых, "прогрессивных" критиков были настроены враждебно и их рецензии на роман поражают своей предвзятостью. Как отметила Анна Григорьевна Достоевская в своих воспоминаниях: "Надо сказать, что роман 'Бесы' имел большой успех среди читающей публики, но вместе с тем доставил мужу массу врагов в литературном мире".

У нас нет возможности подробно останавливаться на несправедливых нападках на писателя, основанных скорее на предвзятости политических взглядов критиков, чем на объективном прочтении романа. Попытки рецензентов М. А. Загуляева и

В. Г. Авсеенко объективно оценить достоинства романа, который Загуляев назвал "лучшим романом года", были заглушены, получившими широкую известность, отзывами Д. И. Минаева, Петра Н. Ткачева ("Больные люди", "Дело", 1873 г.), Н. К. Михайловского ("Литературные и журнальные заметки", 1873 г. и "Жестокий талант", 1882 г., — обе статьи в "Отечественных Записках"), не говоря уже об анонимных, резко отрицательных отзывах в журналах и газетах "Биржевые Ведомости" (1872), "Новое Время" (1873), "Голос" (1873) и др. Напомним, например, что, по мнению П. Ткачева, идеи Кириллова и Шатова "бредни — плот от плоти, кровь от крови самого автора" и т. п. К сожалению, в критике, вплоть до самых последних лет, утвердились именно подобные взгляды, с обвинениями Достоевского в "тенденциозности", "клевете", в "банкротстве" таланта, с характеристикой романа, как "слабого", "нехудожественного". Еще более резкие отзывы Михайловского появились в 1882 году, уже после кончины Достоевского, — о "сладострастии злобы и жестокости" и о "чудищах", переполняющих романы "Преступление и наказание", "Идиот", "Бесы" и т. д.

Все эти критики рассматривали роман — произведение искусства — как прямое отражение политических и социальных проблем своего времени. Упрекая писателя в "реакционных тенденциях" и в "клевете на революционеров", критики лишали писателя его искусства и творческого воображения, сводя художественное произведение до степени памфлета журналиста. Критики семидесятых — восьмидесятых годов игнорировали подлинное значение романа Достоевского, его этическую и эстетическую ценность.

Павел Евдокимов, посвятивший большой труд проблеме зла у Достоевского, вышедший в 1942 году в Париже на французском языке, писал в другой своей книге "Гоголь и Достоевский или сходжение в ад" (опубликованной в Бельгии, в 1961 году также на французском языке), что считать "Бесы" только политическим памфлетом значит игнорировать самую глубокую мысль Достоевского. В этом произведении, продолжает Евдокимов, речь идет не о критике русского нигилизма 19-го века, а о феноменологии Нигилизма и Атеизма вообще путем анализа его "социальной формулы".

Роман "Бесы", заключающий в себе два основных образа — бесов, ввергающих людей во зло, и людей, одержимых бесовской волей ко злу, представляет собой сложную герменевтическую проблему. Объективное обсуждение огромного мира идей и образов этого многогранного произведения началось по существу лишь спустя столетие со дня его опубликования. Однако, отрицательные суждения Ткачева, Михайловского и Салтыкова-Щедрина, доминировавшие на протяжении нескольких десятилетий, оказали пагубное влияние и на первые попытки перевоплотить роман в пьесу и показать его на подмостках театра.

Широко известно отрицательное отношение Достоевского к первым попыткам инсценировок его романов. Казалось, что после двух своих попыток писать драмы — в начале сороковых годов в Петербурге и затем в 1856 году в Сибири, Достоевский, вынужденный обстоятельствами отказаться от своей мечты стать драматургом, раз и навсегда избрал для себя эпическую форму, а не драматическую. О различии этих форм искусства и о "тайне искусства" он писал в письме к княжне Варваре Дм. Оболенской в декабре 1871 года. Тем не менее, Достоевский продолжал мыслить как драматург, предпочитая часто "представлять сценами" вместо описаний и объяснений. Этим и объясняется огромный интерес, проявляемый любителями театра, актерами и театральными деятелями к Достоевскому. Как бы спорен ни был вопрос о правомочности трансформации эпического произведения в драматическое, в настоящее время почти все произведения Достоевского были показаны на сцене.

Роман "Бесы" с его глубоким философским и религиозным подтекстом, пожалуй, наиболее труден для сценического воплощения. В настоящее время имеется более десяти инсценировок этого романа. В этой работе мы остановимся подробнее лишь на четырех спектаклях, поставленных в театрах в России, Италии, Франции и Польше, и ставших событиями в театральной жизни этих стран.

В России "Бесы" впервые появились на сцене 15 февраля 1907 года в Петербурге, в Театре Литературно-Художественного Общества, известном также под именем Суворинского Театра, в инсценировке М. А. Суворина и В. П. Буренина. Спектакль шел

в постановке режиссеров Виктора П. Буренина и Гавриила В. Гловацкого под названием " 'Бесы'. Сцены из романа Ф. М. Достоевского в пяти действиях".

В I-ом действии было представлено собрание почти всех основных действующих лиц романа в гостиной дома Ставругиных. Во II-ом — было две картины: в первой, в палисаднике у флигеля Кириллова, происходят разговоры Ставругина с Кирилловым и Шатовым об их идеях; во второй, у моста через реку, объединены обе встречи Ставругина с Федькой Каторжным. В III-ем — в первой картине представлялось собрание нигилистов в доме Виргинских, где Шигалев излагает свою теорию. Во второй картине было показано литературное утро в доме предводителя. Картина заканчивалась всеобщей суматохой и криками о пожаре в Заречье. В IV-ом действии первая картина начиналась на террасе загородного дома Ставругиных разговором Лизы с Ставругиным, включала встречу Лизы и Маврикия Николаевича в саду со Степаном Трофимовичем Верховенским и заканчивалась самосудом толпы над Лизой. Во второй картине, у грота в Ставругинском парке, было показано убийство Шатова Петром Верховенским и членами его "пятерки". Первая картина V-го действия воспроизводила разговор Кириллова с Петром Верховенским перед его самоубийством. Сцена самоубийства Кириллова, происшедшего во второй комнате его флигеля, была дана как пантомима. Во второй картине были представлены последние моменты жизни Степана Трофимовича и его разговоры с Варварой Петровной и со священником. Смертью Степана Трофимовича на постоялом дворе заканчивался спектакль.

Главные роли исполняли: Ставругина — П. Г. Баратов, Степана Трофимовича — Э. Д. Бастунов, Лизы — известная артистка Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова, и Кириллова — В. А. Блюменталь-Тамарин. Несмотря на некоторые удачные сцены и эпизоды, постановка страдала существенными недостатками. Не говоря уже о рискованной затее показать самоубийство Кириллова на сцене, весь трагический конец Ставругина был попросту опущен. Тем не менее, спектакль возбудил большой интерес и оживленные отклики в печати.

Но главный театральный успех "Бесов" в России пришел

позже — в 1913 году, когда спектакль "Николай Ставрогин" был показан Московским Художественным Театром. Сценическая история крупнейших произведений Достоевского последних лет его жизни — романов "Бесы" и "Братья Карамазовы" — тесно связана с деятельностью Московского Художественного Театра. Еще в 1910-ом году, во время обсуждения с артистами исключительных драматургических особенностей произведений Достоевского, В. И. Немирович-Данченко высказал давно привлекавшую его мысль инсценировать роман "Бесы". Мысль эта была встречена артистами с большим сочувствием, они считали, что именно этот роман особенно богат сценическим материалом. Но всё же было решено сначала инсценировать "Братьев Карамазовых". Во время работы над этой постановкой, отвечая на вопрос одного журналиста — имел ли право Художественный Театр инсценировать Достоевского, — Немирович-Данченко ответил утвердительно, указав, что Достоевский "писал как романист, но чувствовал как драматург", и что "многое в его романах так и рвется в театр, на сцену, и так легко, так естественно укладывается в ее рамки, сочетается со сценическими требованиями и условиями. Целые главы — настоящие и замечательные куски драмы".

Естественно, что после огромного успеха спектакля "Братья Карамазовы", разделенного на два вечера, премьеры которого состоялась 12 и 13 октября 1910 года и вписала одну из блестящих страниц в историю Художественного Театра, коллектив театра вновь обращается к Достоевскому и одобряет предложение Немировича-Данченко осуществить его давнишнее намерение инсценировать "Бесы".

Работу над инсценировкой Немирович-Данченко начинает в августе 1912 года; тогда же он намечает исполнителей. Через год, в начале августа 1913 года, он просит замечательных художников Александра Бенуа и Мстислава Добужинского приехать в Москву для работы над декорациями к "Бесам". Александр Бенуа горячо приветствует желание Немировича-Данченко поставить "Бесы". Еще 25 июля Немирович-Данченко писал из-за границы Станиславскому, что он различает в романе две пьесы: первая — "Николай Ставрогин". Это, как пишет Немирович-Данченко, "самая романтическая и, пожалуй, самая сценичная,

но не самая глубокая часть романа. Другая пьеса "Шатов и Кириллов". ...Эта глубже, но менее сценична. И очень мрачная. ...Убийство Шатова и самоубийство Кириллова. Вторую сладить по тексту труднее, в цензурном отношении оно рискованнее, но постановка смелее и интереснее. ...Степан Трофимович во второй части важное лицо (как поборник *красоты*)". Из этих слов и из заметок в Записной тетради видно, что вначале Немирович-Данченко предполагал уделить значительно большее внимание этому роману и одновременно разрабатывал схемы двух спектаклей.

К сожалению, Немировичу-Данченко не пришлось осуществить свой замысел: помешала кампания протеста, начатая Максимом Горьким, выступившим против намерения Художественного Театра. Еще до премьеры, Горький пишет Немировичу-Данченко с острова Капри в августе 1913 года: "Инсценировку произведений Достоевского я считаю делом общественно вредным и если бы я был в России, то непременно попытался бы возбудить в обществе протест против Ваших опытов, будучи убежден, что они способствуют разрушению и без того не очень здоровой общественной психики. Может быть, я попробую сделать это отсюда". В знак протеста Горький отдал Свободному Театру свою пьесу "Зыковы", которую предполагал ставить Художественный Театр. Ответ Немировича-Данченко был очень вежлив и мягок: "...Я, разумеется, не прошу Вас воздержаться от протеста — это было бы нелепо. Но искренне сожалею, что такой большой вопрос (как я считаю — между мною и Вами) придется решать заочно". Но и это не смягчило ожесточения Горького против готовящегося спектакля; как он писал И. П. Ладыжникову, он был рад не дать свою пьесу Художественному Театру: "...мне противна затея Немировича с "Бесами", буду печатно протестовать против этой 'пропаганды садизма'".

Действительно, 22 сентября 1913 года Горький выступил в газете "Русское Слово" со статьей "О 'карамазовщине' ". Об этом протесте Горького писали и другие газеты. По существу, Горький повторял то, что было сказано Михайловским и Салтыковым-Щедриным. Обвинения Горького и его нападки на роман Достоевского и на Художественный Театр вызвали ожесточен-

ную полемику, которую один журналист охарактеризовал в газете "Новости сезона" как "Скандал вокруг 'Бесов'". Статья Горького, так же как и последовавшее 27 октября "Открытое письмо" (известное под названием "Еще о 'карамазовщине'"), широко известны и здесь нет надобности повторять то, что уже много раз перепечатывалось. Значительно менее известна реакция Немировича-Данченко и актеров Художественного Театра на статью Горького. Упреки Горького ошеломили актеров: как пишет Немирович-Данченко в своих Воспоминаниях, "Это было впечатление разорвавшейся бомбы. Весь театр взволновался... Надо было ответить... состоялись общие собрания..." Актеры театра ответили Горькому коллективным открытым письмом, в котором защищали свое право следовать высшим запросам духа и не подчинять творческую деятельность художников политическим соображениям. В письме говорилось: "В разгар нашей трудной и радостной работы над постановкой второго романа Достоевского Ваше выступление нам особенно чувствительно". Мхатовцы далее писали, что несправедливые обвинения Горького не подорвут репутацию театра, установленную их самоотверженной пятнадцатилетней работой. "Но нам тяжело было узнать, — писали они, — что Максим Горький в образах Достоевского не видит ничего, кроме садизма, истерии и эпилепсии, что весь интерес "Братьев Карамазовых" в Ваших глазах исчерпывается Федором Павловичем, а "Бесы" для Вас не что иное, как пасквиль временно-политического характера, и что великому богоискателю и глубочайшему художнику, Достоевскому, Вы предъявляете обвинение в растлении общества". Актеры заканчивали свое письмо Горькому заявлением, что свою обязанность корпорации художников они видят в служении запросам духа и что отказ от Достоевского означал бы для них отказ от всего лучшего в русской литературе. Письмо артистов Художественного Театра опубликовали 26 и 27 сентября 1913 года многие газеты, в том числе "Русское Слово", "Русские Ведомости", "Биржевые Ведомости", "Речь".

В создавшейся напряженной обстановке уже не могло быть и речи о работе над вторым спектаклем по роману: полемика, возбужденная Горьким, заставила театр исключить "политический элемент" блестящей сатиры Достоевского. Театр оставил

в стороне важнейшие этические и идеологические проблемы, поднятые в романе. Из спектакля выпала вся трагедия Кириллова, идея которого доказать свою страшную свободу, атрибутом которой он объявил своеволие, и поставить человека на место Бога, была внушена ему в значительной степени Ставрогиным. Без теории Кириллова становилась неясной драма раздвоенности и духовной опустошенности Ставрогина и зла, несомого им окружающим его людям. Такие сцены, как собрание тайной группы нигилистов, созванное Петром Верховенским, трагическое убийство Шатова, смерть его жены, донос Кириллова на самого себя, продиктованный ему Верховенским и ускоривший его страшное самоуничтожение, — всё это оказалось выпущенным из инсценировки Немировича-Данченко. До минимума было сведено и участие Степана Трофимовича Верховенского, который в романе играет чрезвычайно важную роль. Были инсценированы только те эпизоды, в которых главное действующее лицо Николай Ставрогин, по имени которого и был назван спектакль.

Для участия в спектакле были приглашены ведущие артисты труппы Художественного Театра: Качалов, Лилина, Лужский, Грибунин, Коренева, Берснев, Стахович. Несмотря на волнуемую обстановку, интенсивно идут репетиции, захватившие всех актеров. В конце сентября Немирович-Данченко пишет жене о работе Марии Петровны Лилиной над ролью Хромоножки — Марьи Тимофеевны Лебядкиной: "25 лет она на сцене и не было не только ни одного спектакля, но и ни одной репетиции, чтоб она так заливалась горячими слезами, как в этой роли! ...Вот что делает Достоевский!"

Наконец, двадцать третьего октября 1913 года состоялась премьера спектакля "Николай Ставрогин" по роману "Бесы". Спектакль состоял из четырех отделений; в окончательном сценическом варианте число картин с 12-и было сокращено до десяти. Спектакль открывался красочной сценой на паперти перед собором, при выходе из которого первая дама города, Варвара Петровна Ставрогина, роль которой превосходно исполняла Надежда Сергеевна Бутова, впервые встречается с юривой Марьей Тимофеевной, ставшей перед ней на колени, и решает везти ее к себе в дом. Когда Марья Тимофеевна встает и

идет к карете Ставрогиной, та вскрикивает в испуге: "Как! Вы хромаете!", вспомнив анонимные письма, уведомлявшие ее, что ее единственный сын, красавец Николай, будто бы женат на какой-то "хромоножке". Превосходные декорации М. В. Добужинского и замечательная постановка полностью воссоздали колорит этой живописной сцены воскресного утра в большом городе: в этой сцене уже заключено начало трагической развязки.

Вторая картина — знаменитая массовая сцена "конклав", в которой все действующие лица собираются в салоне Варвары Петровны Ставрогиной. В этой сцене, самой сильной из всего спектакля по сгущению драматических переживаний, особенно ярко проявилась замечательная игра артистов. Мария Петровна Лилина создала незабываемый образ полупомешанной Марьи Лебядкиной, всерьез принявшей злую выходку Ставрогина, заключившего с нею тайный брак, и неустанно ожидающей своего "князя" — "ясного сокола". Путаные и сбивчивые объяснения Лебядкина, в котором актер Владимир Федорович Грибунин дал удивительное смешение наглости и трусости, не разъясняют странных отношений между его сестрой и Николаем Ставрогиным, а лишь усиливают тревогу, охватившую присутствующих. Неожиданный приезд Петра Верховенского и Ставрогина, который, казалось бы, должен был разрядить напряженную атмосферу, делает положение еще запутаннее, надвигается что-то страшное. В центре внимания здесь артист Иван Николаевич Берсенев: "Трудно представить себе лучшее сценическое воплощение Петра Верховенского, чем то, которое дает Берсенев, — писал театральный критик Вольский. — Он вошел мелкими, частыми шагами, суетясь и волнуясь, и заговорил быстро, сыпля слова... Он вился между людьми, как холодная, быстрая ящерица, успевая сразу отвечать на все вопросы... в нем всё время чувствуется что-то беспокойно-зловещее, какая-то ползучая, хищная сила ...в нем что-то вечно кипит, без конца зарождаются сатанинские разрушительные планы..." В короткое время он успевает полностью скомпрометировать своего отца, старого либерала-идеалиста Степана Трофимовича, и вносит еще больше сомнений и тревог в душу Варвары Петровны. Картина заканчивается неожиданным поступком Ивана Шатова, давшего поще-

чину Ставрогину, своему прежнему обожаемому приятелю. Василий Иванович Качалов с большим мастерством провел чрезвычайно трудную сцену молчаливого поединка Ставрогина с Шатовым, поединка, в котором победила железная воля Ставрогина и его невероятное самообладание. Качалову выпала сложнейшая задача воплотить на сцене образ Ставрогина с его маскообразным лицом и странной красотой, с его громадной, подчиняющей всех себе силой, и с его отталкивающей нежизненностью и высокомерной отчужденностью.

В центре второго действия — знаменитые ночные посещения Ставрогина и распад его моральной личности. В третьей картине, в кабинете Ставрогина, происходит его беседа с проникшим к нему Петром Верховенским, описавшим ему настроение в городе и намекнувшим, что "здесь в городе и около бродит теперь один Федька-каторжный, беглый из Сибири... На всё готовая личность, на всё; за деньги, разумеется..." Перед уходом Ставрогина из дома, его камердинер, Алексей Егорыч, напутствует его два раза повторенными словами: "Благослови вас Бог, сударь, но при начинании лишь добрых дел".

Четвертая картина точно воспроизводит посещение Ставрогиным Шатова: Иван Шатов страстно излагает Ставрогину необходимость веры в народ, в Россию, в православие, желая, чтобы Ставрогин снова поверил в свою же теорию, которую он когда-то излагал Шатову, открыв ему новый мир. Но в романе эта сцена следует за разговором у Кириллова, ум которого Ставрогин пленил теорией уничтожения Бога и перспективой абсолютной свободы и своеволия человека. Опустив этот важнейший разговор Ставрогина с Кирилловым, Немирович-Данченко обеднил этическую идею Достоевского и односторонне показал образ Ставрогина. В романе, после посещения Шатова, происходит сцена встречи Ставрогиным на мосту Федьки Каторжного. Эта сцена имеется в тексте инсценировки Немировича-Данченко, но была, к сожалению, выпущена из спектакля.

В пятой картине сцена посещения Ставрогиным Марьи Лебядкиной была с большим искусством проведена актрисой Лилиной. Марья Тимофеевна не узнала в Ставрогине своего "князя", она угадала его презрение и ненависть к ней и предала

его проклятию. Следующая за этим посещением в романе вторая сцена на мосту также была выпущена в спектакле Художественного Театра, хотя она чрезвычайно важна для морального падения Ставрогина. Взбешенный проклятием Марьи Лебядкиной, Ставрогин полностью предается одержимости злом: встретив беглого каторжника во второй раз на мосту, Ставрогин с хохотом бросает ему свой кошелек, поощряя этим убийство Лебядкиных. О встрече с каторжником — "расчетливым бесом" Ставрогин говорит Даше в следующем действии — в шестой картине, в своем кабинете. Сюда к нему вбегает Петр Степанович Верховенский и уговаривает Ставрогина взять на себя номинально роль верховного вождя анархистского движения. Верховенский развивает свою идею разрушения всех основ существующего общества, дополняя теорию Шигалева.

В седьмой картине, в сцене бала, устроенного губернаторшей фон Лембке, Немирович-Данченко сохранил частично сатирическую часть романа. Бал не удался, гости скучают. Во время "кадрилы литературы" — сатиры на полемику между враждующей прессой — усиливается ропот гостей, слышны окрики губернатора фон Лембке. Злорадство по поводу неудавшейся затеи губернаторши, разговоры о побеге Лизы к Ставрогину в его загородный дом, нарастающее недовольство заканчиваются паникой, когда кто-то крикнул, что горит Заречье: в стеклах окон отразилось кроваво-красное зарево пожара.

Всё последнее — четвертое действие посвящено трагедии Лизы и Ставрогина. В восьмой картине, в Скворешниках, вся обстановка раннего холодного мутного утра полна тоскливого беспросветного уныния, выражающего состояние Лизы. В эту ночь она поставила на карту всё, решила погубить себя из-за одного яркого мгновения. Но вместо гордого и сильного демона, которого она ожидала найти в Ставрогине, она встретила опустошенного человека с выжженной душой, утратившего всякое чувство любви и чести.

Исключительным достижением театрального искусства были две последние картины спектакля: бегство Лизы из Скворешников и поиски Ставрогина его матерью. В девятой картине замечательные стилизованные декорации Добужинского воссоздавали атмосферу отчаяния: поле, рассвет дождливого дня, на

переднем плане черный силуэт сухого дерева. Лиза в тревоге, предчувствуя свою смерть и ища ее бессознательно, бежит в Заречье взглянуть на труп убитой Марьи Лебядкиной. Лизу убивает разгневанная толпа, считающая, что убийство Лебядкиных совершено из-за неё.

Ни одна из последующих западных постановок по роману "Бесы" не воплотила трагедию отсутствия с таким искусством, как это было сделано в спектакле Художественного Театра. В последней, десятой, картине сцена представляла огромный пустой мезонин большого дома в Скворешниках; с правой стороны узкая лестница, ведущая в светелку под самой крышей. Издали слышны голоса — все ищут Николая Всеволодовича, замечают, что дверь в светелку приотворена. "Уж не туда ли пошли?", робко спрашивает один из слуг. "Я не пойду туда. С какой стати он полезет туда", говорит Варвара Петровна Ставрогина, предчувствуя что-то ужасное. Но она всё же поднимается по лестнице, за ней идет Даша. Когда дверь открывается шире, раздаётся крик Ставрогиной — сверху на сцену падает тень повесившегося за дверь Николая Ставрогина. (Составлено по тексту режиссерского экземпляра инсценировки "Николай Ставрогин", хранящегося в Музее Московского Художественного Театра.)

После премьеры, Юрий Васильевич Соболев, театровед и автор Летописи Московского Художественного Театра, писал: "И когда 'Николай Ставрогин' был сыгран, когда были показаны результаты большой и трудной работы, в которой кипел весь театр долгие месяцы, — тогда еще очевиднее стало, какое огромное значение имеет Достоевский для актеров... Ибо это был один из самых замечательнейших в истории Художественного Театра спектаклей — это была настоящая победа актерского творчества".

Спектакль "Николай Ставрогин" прошел на сцене Художественного Театра сорок шесть раз. Он вызвал огромное количество рецензий и статей: почти все рецензенты отмечали прекрасную игру актеров, создавших яркие образы и сумевших воплотить в них замысел Достоевского, а также замечательную постановку многих сцен и превосходные декорации Добужинского. Большое значение имеют статьи Б. Вольского, Сергея

Бронштейна, Юрия Соболева, Николая Бердяева, Николая Эфроса. Спектакль побудил также богослова Сергия Булгакова выступить в Московском Религиозно-Философском Обществе с лекцией "Русская трагедия. О 'Бесах' Достоевского". Булгаков отметил, что "Роман 'Бесы', как и все вообще творчество Достоевского, принадлежит к искусству символическому, только внешне прикрытому бытовой оболочкой, и реалистичен лишь в смысле реалистического символизма (по терминологии Вячеслава Ивановича Иванова), здесь символизм восхождение а геалиbus ad realioга, постижение высших реальностей в символах низшего мира". Далее Булгаков говорил, что "Этот символический характер творчества Достоевского с удивительной прозрачностью просвечивает при постановке 'Бесов' на сцене Художественного Театра, и в этом следует видеть еще одну его заслугу в художественном трактовании Достоевского".

В то же время, после премьеры, полемика по поводу 'Бесов', начатая Максимом Горьким, возобновилась с еще большей силой. Перечисление статей, появившихся во время этой полемики в 1913-14 годах, занимает десять страниц в "Библиографическом Указателе: Достоевский и Театр", составленном Сергеем Владимировичем Беловым и опубликованном в Ленинграде, в 1980 году, Государственным Институтом Театра, Музыки и Кинематографии.

После постановки Художественного Театра, спектакль по роману "Бесы" никогда более не возобновлялся на московской сцене. В 1914 году "Николай Ставрогин" был поставлен в Нижнем Новгороде; в 1922 году два отрывка из спектакля Художественного Театра были включены в "Сцены из Достоевского", поставленные драматической студией им. А. Грибоедова в Москве. Несмотря на большое число постановок по произведениям Достоевского, показанных в театрах Советского Союза в последние десятилетия — начиная с 1956 года, когда отмечалась 75-летняя годовщина смерти писателя, — среди них нет спектакля по роману "Бесы", хотя и имеется несколько инсценировок, написанных советскими литераторами. Следует также отметить, что в своей статье "Театральная судьба Достоевского", написанной к 150-летию со дня рождения писателя (журнал "Театр", 1971, № 11), Я. Билинкис вспоминает, наряду с другими

спектаклями по произведениям Достоевского, постановку 1910 года "Братьев Карамазовых" в Московском Художественном Театре, но ни единым словом не упоминает о "Николае Ставрогине", поставленном по роману "Бесы" в том же театре.

Но в то же время с большим успехом спектакли по роману "Бесы" шли на сценах многих западных театров.

В *Италии*, через сорок с лишним лет после премьеры Художественного Театра, "Бесы" были инсценированы известным драматургом Диего Фаббри (1911-1980), который также сделал пьесу по роману "Братья Карамазовы" под названием "Процесс Карамазова или Легенда о Великом Инквизиторе" (1957-60). Премьера этого спектакля состоялась 22 декабря 1960 года в Риме, в "Театро делла Комета", а 23 декабря того же года труппа Ля Компаниа Стабиле показала "Процесс Карамазов" в Неаполе, в "Театро Меркаданте".

В центре произведений Диего Фаббри, католического писателя, борьба между Добром и Злом. Основной тезис Фаббри заключается в том, что человек, теряющий чувство любви к другим людям и к миру, лишается Божественного света и отдает себя во власть Зла, если он не найдет в себе силы сопротивляться этой власти. Поэтому, в своей инсценировке романа "Бесы", которую он писал в Риме в 1947-57 годах, Фаббри особенно выделяет главную этическую проблему — конечную судьбу Николая Ставрогина: будет ли он способен вырваться из-под власти Зла, всё сильнее захватывающего его, найдет ли он в себе силы освободиться от своего бесовского беспокойства? Откроется ли для Ставрогина путь к спасению? — Этот вопрос был самым важным для Диего Фаббри в романе Достоевского. Фаббри пришел к выводу, как он писал в предисловии к своей драме "И демони" ("Бесы"), что в романе, а также, как он надеется, и в его драме становится ясно, что тоска и беспокойство, мучавшие Ставрогина, не прекратятся до конца его дней и его судьба найдет завершение лишь в ином мире — в мире Дьявола или в мире Бога.

В соответствии со своей главной мыслью, что "Достоевский не может быть понят без Христа" и что без религиозной идеи он "просто не существует", Диего Фаббри уделил много места в своей инсценировке беседе Ставрогина с архиереем Тихоном.

Пьеса Фаббри, состоящая из трех действий, включающих 24 картины, открывается сценой в монастыре, когда Николай Ставрогин говорит архиерею Тихону о своих галлюцинациях и бесовских привидениях, о том, что он "видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо" и что он "верует в беса". Этот разговор вначале следует тексту главы Достоевского "У Тихона", но затем Фаббри вставляет куски от себя, как, например, перечисление Ставрогиным, кого он считает "бесами" в человеческом облике, а также его рассказ о его пребывании в Швейцарии. Затем, после сцены самоубийства Кириллова, Фаббри опять вводит — в восьмой картине третьего действия — сцену в монастыре, в келье Тихона. Здесь разговор Тихона со Ставрогиным и "исповедь" Ставрогина воспроизведены почти полностью по тексту романа.

Переставляя и переделывая многие эпизоды романа, Диого Фаббри пошел в своей инсценировке "Бесов" скорее по пути Жака Копо, адаптировавшего, в соавторстве с режиссером Жаком Круз, "Братьев Карамазовых" в 1911 году и в том же году поставленных на сцене "Театра дез Ар" в Париже. Например, в инсценировке Фаббри, во второй сцене первого действия, в гостиной Варвары Петровны, она сама рассказывает о том, что произошло в соборе. Затем Марью Лебядкину в гостиную вводит Лиза. Увидев Шатова, Лиза тут же говорит о своем проекте книги, в которой отразилась бы "вся наша эпоха". Следующий эпизод — неожиданный приезд Петра Верховенского и Николая Ставрогина и события, связанные с их появлением в гостиной, близки к тексту романа.

Премьера драмы Фаббри "Бесы" состоялась 27 февраля 1957 года в Генуе; она была поставлена под руководством Иво Кьеза в Театре Стабиле. Пьеса пользовалась большим успехом. Однако, несмотря на большое число прекрасных сцен и на сохранение сущности многих важнейших диалогов — в особенности с участием Кириллова, Шатова и архиерея Тихона, — инсценировка Фаббри не свободна от многих недостатков. Это прежде всего чрезвычайная длина пьесы (она занимает 236 страниц текста), а также введение фраз, не существующих в романе Достоевского, и произвольных изменений и перестановок событий, что нарушает единство идеи Достоевского и искажает

его творческий замысел.

Следует отметить, что, в связи с празднованием столетия со дня рождения Достоевского, в 1970-ом и 1971-ом годах итальянское радио дважды передавало, на протяжении одиннадцати вечеров, инсценировку Диго Фаббри по "Бесам" Достоевского. В 1972 году итальянское телевидение передавало на протяжении пяти вечеров сокращенную версию "Бесов", подготовленную Фаббри по его театральной инсценировке. Перед началом первой передачи, Диго Фаббри выступил перед телезрителями и объяснил причину своего интереса к русскому писателю. По мнению Фаббри, никто не понял в такой мере человека и никто не показал его во всей сложности его проблем и переживаний, как это сделал Достоевский. Именно это, сказал Фаббри, делает произведения Достоевского вечными и в то же время неизменно актуальными.

В 1957 году инсценировку Фаббри намеревались поставить в Париже, но, как пишет Фаббри в предисловии к своей драме "Процесс Карамазова" (или, вернее, "Суд над Карамазовым"), Альбер Камю передал ему через их общего друга Жака Эберто, директора Театра Эберто, что инсценировка Фаббри не будет поставлена в Париже, т. к. Камю сам работает над собственной театральной версией романа "Бесы". Несколько позже, при встрече в театре Эберто (который готовил к постановке пьесу Фаббри "Суд над Иисусом"), Камю сказал Фаббри, что между их инсценировками "Бесов" есть большая разница: Фаббри выделил главным образом метафизическую и религиозную мысль Достоевского, в то время как Камю поставил в центре своей инсценировки политико-социальную сторону романа. Это удивило Фаббри, по мнению которого оставить в стороне религиозный аспект романа значило исказить его сущность. На это Камю с грустью ответил ему, что он был атеистом. Фаббри считал, что атеист может видеть только одну сторону "медали Достоевского".

Во *Франции*, еще до инсценировки Альбера Камю, спектакль по роману "Бесы", под названием "Одержимые", был поставлен в Парижском "Театр дё л'Ёвр" в сезоне 1950-51 годов в инсценировке Николая Батай и Акакия Виала. Премьера состоялась 14 ноября 1950 года. Актеры были загримированы по

макетам Е. Грекова. Роль Петра Верховенского исполнял известный французский актер, он же и руководитель труппы, Николай Батай, а роль либерала-идеалиста Степана Трофимовича Верховенского исполнял Ёжен Ионеско. В этой инсценировке была опущена вся история губернатора фон Лембке, но введена сцена посещения Ставрогиним архиерея Тихона.

В октябре 1958 года, в предисловии к печатному тексту этой инсценировки, Ёжен Ионеско писал, что предсказания Достоевского о ходе событий были оправданы нашей современной историей. Теперь все знают, писал Ионеско, что в душе персонажей Достоевского идет напряженная борьба добра со злом. Но даже и после частой победы зла, Достоевский оставляет людям надежду на возможное торжество добра. И именно на этой надежде основана инсценировка, сделанная Акакием Виала и Николаем Батай. Далее Ионеско вспоминает, что пьеса была трудной, и актеры тяжело переживали драму, воплощаемую ими на сцене. Зрители в зале следили за игрой артистов с величайшим вниманием и были глубоко захвачены происходящим на сцене. Ионеско замечает, что никогда еще он не ощущал такого тесного единения с людьми, как во время этих спектаклей.

Но крупным событием театральной жизни Франции "Бесы" Достоевского стали почти десять лет спустя, появившись на сцене под названием "Одержимые" в инсценировке и постановке Альбера Камю. Можно смело утверждать, что, после постановки Московского Художественного Театра, эта инсценировка снискала самую широкую известность и привлекла внимание лучших режиссеров и актеров крупнейших театров европейских стран.

В интервью, данном в 1959 году, Камю говорил о русской литературе девятнадцатого века, как об одном из источников своего художественного творчества. В романах Достоевского он нашел корни смятения и метафизической тревоги современного человечества: в Достоевском Камю ценил мыслителя и человека, как бы уже пережившего на своем опыте историческую судьбу людей двадцатого века.

Два произведения Достоевского имели особое значение в творчестве Альбера Камю: "Братья Карамазовы" и "Бесы". Роман "Бесы" был для Камю одним из самых выдающихся

произведений, созданных человеческим гением. В 1955 году, в своем выступлении по радио, посвященном семидесятипятилетней годовщине со дня смерти Достоевского, Камю сказал, что в романе "Бесы" он нашел всё, что соответствовало его концепции театрального искусства и трагедии нового типа, которую он долго искал.

Творческое знакомство Камю с Достоевским произошло в самом начале его художественной деятельности — в 1936 году в Алжире, когда Камю поставил "Братьев Карамазовых" в инсценировке Жака Копо на сцене маленького театра для рабочих. Камю был одновременно и директором этого театра, и режиссером, и актером: он сам исполнял роль Ивана Карамазова. Уже тогда у Камю зародилась мысль самому инсценировать и поставить "Бесы". Но лишь в 1959 году, незадолго до своей трагической кончины, Альбер Камю осуществил долголетнюю мечту и поставил на сцене Парижского театра "Антуан" спектакль под названием "Одержимые". Роман Достоевского давал Камю богатый материал для выражения своего понимания трагичности нашей эпохи.

В центре внимания Альбера Камю находились основные проблемы сороковых и пятидесятих годов нашего века: проблемы тоталитарной власти, политического убийства и ответственности убийц за их действия. К этим проблемам Камю обращался уже в своих пьесах "Праведные", "Калигула" и в других произведениях. Камю понял мучительные духовные поиски Достоевского, старавшегося найти выход из тупика, в который заводит человечество дух отрицания и разрушения. В двух своих философских работах — "Миф о Сизифе" и "Человек бунтарь" — Камю уже обращался к образам, созданным Достоевским в романе "Бесы". Особое внимание Камю привлекали Кириллов с его идеей "логического самоубийства", теория Шигалева и проблема политического убийства.

Трагическая и профетическая сущность романа "Бесы" была перенесена Камю в дни, которые уже были предсказаны Достоевским три четверти века тому назад. Послевоенные зрители не считали более теории, развиваемой Петром Верховенским, простым фантазированием властолюбивого нигилиста, одержимого страстью к разрушению. Современные зрители восприни-

мали его неистовую речь о будущем устройстве общества как программу, осуществляемую диктаторами наших дней.

Следуя высказываниям Достоевского о невозможности перенесения на сцену романа, так как "есть какая-то тайна искусства, по которой эпическая форма никогда не найдет себе соответствия в драматической", Камю сделал некоторые изменения в тексте своей инсценировки, руководясь законами сцены и творческим замыслом и сохраняя основной текст романа. Из сложного, многослойного произведения Достоевского Камю выделил две главные темы — тему духовного крушения и самоуничтожения Ставрогина и тему политического убийства, ставшего столь важным фактором борьбы за власть в двадцатом веке. Камю выпустил всю историю губернатора фон Лембке и его супруги, заигрывающей с нигилистами, сократив таким образом сатирическую часть романа. Но, подобно Диэго Фаббри, Камю восстановил выпущенную главу "У Тихона", введя в свой спектакль сцену посещения Ставрогиным Тихона и сделав из нее метафизический и структурный центр инсценировки. Камю ясно показал этой сценой, что Ставрогин — носитель онтологического зла, в то время как Петр Верховенский воплощает эмпирическое зло в действии, как это выявляется в сцене заседания тайной организации и в убийстве Шатова. Камю усилил драматический и сценический эффект "исповеди" Ставрогина и его окончательного морального падения, закончив его посещение Тихона раздраженным жестом Ставрогина, сломавшего и бросившего на стол разбитое мраморное распятие.

Сцена посещения Тихона в монастыре, заканчивающая второе действие пьесы, следует за сценой тайного заседания нигилистов, в которой должное место уделено теории Шигалева, что достижение полного равенства невозможно при сохранении свободы человека: "выходя из безграничной свободы я заключаю безграничным деспотизмом", так определил Шигалев закон насильственного нивелирования людей. Эта теория развивается далее Петром Верховенским, мечтающим быть во главе десятой доли человечества, которая, по теории Шигалева, получает свободу личности и безграничное право повелевать остальными девятью десятками.

В событийном центре пьесы Камю — ночное посещение

Ставрогиным Кириллова, Шатова и его тайной жены Марьи Лебядкиной. В Кириллове и Шатове воплощены две противоположные теории — отрицание Бога одним и признание другим необходимости веры в высший этический идеал, без которого не может быть гармоничной жизни на земле, не может быть уничтожено зло. Камю полностью сохранил смысл монолога Шатова в защиту веры, его поисков путей спасения своего народа от разрушительного духа нигилизма.

Что касается высказываний Кириллова, то, к сожалению, купюры, сделанные Камю, меняют его образ и искажают замысел Достоевского. В Кириллове Достоевский воплотил свои возражения против антитеизма Фейербаха с его утопическим стремлением заместить "человекобогом" христианский идеал Богочеловека. Камю сохранил лишь одну часть теории Кириллова — его стремление пожертвовать собою для блага человечества: своим самоубийством Кириллов хочет не только заявить о своей абсолютной свободе, но и надеется освободить человечество от страха смерти и открыть ему новый путь к счастью. Бунт Кириллова, представленный Достоевским как величайшее заблуждение, интерпретируется Камю как положительное явление. Таким образом, драма Кириллова, его отчаяние, когда в последние моменты своей жизни он убедился, что его теория — ложна и его самоубийство напрасно и служит только прикрытием преступления, совершенного группой нигилистов, теряет в пьесе Камю всю свою трагическую значимость.

Поставив в центре пьесы образ Ставрогина, согласно замыслу Достоевского, Камю показал обе сцены на мосту, имеющие значение для этики Достоевского и для морального облика Ставрогина. Красавец Николай Ставрогин — человек большого ума, железной воли и огромной энергии; но утрата нравственных основ, отсутствие интереса к жизни и людям лишили энергию Ставрогина ее положительного значения — вместо созидательного стимула она становится орудием разрушения. Николай Ставрогин — это то черное солнце, которое сжигает и губит всех, попадающих в его орбиту. Во время ночных встреч на мосту с Федькой Каторжным Ставрогин поставлен судьбой перед конечным моральным выбором: одолеет он зло в себе или поддастся бесовскому искушению, воплощенному в беглом пре-

ступнике? Нигде Достоевский не выразил с такой силой и художественной убедительностью важность этической ответственности человека за его действия и опасность свободного выбора, как в этих исключительных по драматической напряженности сценах на мосту. Свою безграничную свободу выбора Ставрогин употребляет, чтоб в порыве злобы бросить Федьке Каторжному несколько рублей, что и было понято последним как согласие Ставрогина на убийство Лебядкиных.

Большой заслугой Камю следует считать внимание, которое он уделил образу Степана Трофимовича Верховенского. Идеалист сороковых годов, произносивший пламенные речи о необходимости переустройства общества для блага человечества, ужаснулся, увидев *во что* превратились его идеи у нигилистов типа его сына Петра. В конце пьесы Камю сблизил по контрасту предсмертное духовное просветление Степана Трофимовича и мрачный конец его бывшего воспитанника Николая Ставрогина. Попросив прочитать ему из Евангелия притчу об исцелении Гадаринского бесноватого, Степан Трофимович разъясняет притчу, говоря: "...видите, это точь-в-точь как наша Россия... Это бесы... это все язвы, все миазмы, вся нечистота...накопившиеся в великом нашем больном, в нашей России, за века! ...Но...выйдут все эти бесы...больной исцелится и 'сядет у ног Иисусовых'..."

Премьера пьесы Камю по роману Достоевского состоялась 30-го января 1959 года в театре "Антуан". В пьесе приняли участие видные французские артисты: роль Степана Трофимовича исполнял Пьер Бланшар, его сына Петра — Мишель Букэ; роль Варвары Петровны Ставрогиной сыграла Таня Балашова, Катрин Селлёр создала незабываемый образ Марьи Лебядкиной. Пьеса имела большой успех, парижские газеты и журналы поместили хвалебные рецензии, отмечая и искусство актеров и талант Камю.

Успех пьесы побудил труппу Эрбер выехать на гастроли в другие города Франции и в Швейцарию. Работая над своим новым романом на юге Франции, Альбер Камю посетил спектакль труппы в Марселе. Он находился в постоянном контакте с артистами труппы: последнее письмо Камю со словами: "Прекрасная работа. Я вас не забываю, я с вами", артисты

труппы Эрбер получили 7 января 1960 года, через три дня после трагической смерти Камю во время автомобильной катастрофы.

Благодаря Камю, роман Достоевского "Бесы" приобрел широкую аудиторию на Западе. Инсценировкой Камю заинтересовались театры других стран еще при жизни Камю. Известный немецкий режиссер Ганс Швайкарт поставил спектакль "Одержимые" в Мюнхене, 20 ноября 1959 года. Почти одновременно Петер Лёффлер показал свою постановку в Цюрихе, в театре "Шаушпильхаус". В Австрии постановка Леопольдом Линдбергом "Одержимых" в декабре 1959 года в Венском Академическом Театре стала крупным театральным событием сезона 1959-60 годов. В Бельгии труппа Клода Этьена поставила инсценировку Камю в театре "Лё Ридо де Брюссель" в сезоне 1961-62 гг. в постановке Пьера Лароша и Алексея Гедройца. Затем последовали постановки в Лондоне и других городах Европы.

В сезоне 1971-72 гг., в ознаменование десятилетней годовщины со дня смерти Камю, столетия со дня опубликования романа "Бесы" и столятидесятилетия со дня рождения Достоевского, Жан Меркюр — режиссер Парижского Городского Театра (бывшего Театра Сары Бернар) вновь обратился к инсценировке Альбера Камю. Жан Меркюр хотел ввести в репертуар театра Камю и Достоевского и побудить широкую публику задуматься над вопросами, с такой силой воплощенными Достоевским в образах Ставрогина, Шатова, Кириллова, отца и сына Верховенских. Несмотря на превосходное оформление спектакля, успех его, по мнению многих рецензентов, не был таким, как успех первой постановки, осуществленной самим Камю.

Большую художественную ценность представляют постановки по роману "Бесы", осуществленные в *Польше*. Одновременно два польских театра обратились к этому роману — Варшавский театр "Атенеум" и Краковский "Старый Театр". Януш Варминский, режиссер и директор Варшавского театра, взял в основу постановки инсценировку Камю. Впервые на польской сцене театральная версия романа "Бесы" была показана в марте 1971 года и шла весь следующий сезон. Декорации работы Лидии и Йержи Скаржинских верно передавали дух эпохи, но

были слишком реалистичны. Польский критик Богдан Войдовский отметил в своей рецензии, что Варминский предпочел показать спектакль в традиционной манере, без каких-либо театральных эффектов.

По иному пути пошел режиссер Краковского "Старого Театра" и выдающийся деятель кино Анджей Вайда. По его мнению, реалистический стиль не соответствует динамичным, полным тревоги сценам Достоевского. Чтобы сохранить чувство беспокойства, присутствующее в романе, усилить нарастание неизбежной катастрофы и держать зрителей в постоянном напряжении, Вайда несколько изменил текст инсценировки Камю. Главной задачей Анджея Вайды было сохранить дух романа; поэтому он сосредоточил свое внимание на эпиграфе из Евангелия от Луки, который Достоевский предпослал роману. По мнению Вайды, одержимость людей демонической силой зла есть драма космическая. Одержимые бесами, люди стремятся к полному разрушению существующей системы, принятых идей и обычаев, а также и к уничтожению других людей. Присутствие и действие зла всегда имеет эсхатологический характер.

Чтобы лучше донести до зрителей значение метафизических и духовных вопросов, поднятых в романе, Вайда предпочел традиционным декорациям символический пейзаж, поместив несколько сцен среди болотистой полупустыни, под зловещим темно-серым небом. Для усиления напряжения беспокойства, доходящего до ужаса перед надвигающейся катастрофой, Вайда широко использовал свет, сценические эффекты и музыку, написанную для этой постановки Зигмунтом Конечным, в которой слышны рыдания, шопот и приглушенные отчаянные крики погибающих.

Силы зла и разрушения, появляющиеся на сцене из мрака и болотных испарений в виде темных силуэтов, похожих на маски японского театра Бунраку, наступают на человека и подчиняют его своей бесовской воле. Они окружают Кириллова в момент его самоубийства, направляют руку политического преступника Петра Верховенского в сцене убийства Шатова, они издеваются над Ставрогиным и присутствуют при его страшном самоуничтожении.

Чтобы яснее выявить демоническую сущность Ставрогина,

человека, одержимого злом, Анджей Вайда начал пьесу "исповедью" Ставрогина, который бросается на сцену и быстро говорит, как бы побуждаемый непреодолимой силой: "Я, Николай Ставрогин, отставной офицер, жил в Петербурге, предаваясь разврату...", по тексту выпущенной главы Достоевского. Матреша, одетая в белое платье, появляется с правой стороны сцены, держа в руках куклу. Ее появление показывает лучше каких-либо объяснений всю гнусность преступления Ставрогина. Только три человека — архиерей Тихон, Кириллов и полупомешанная Марья Лебядкина — угадали настоящую натуру этого одержимого. Так архиерей Тихон советует ему побороть свое желание выставить напоказ свое низкое преступление, чтобы еще раз бросить вызов всем: "Всю гордость свою и беса вашего посрамите!" Но полная атрофия совести делает Ставрогина неспособным к сопротивлению злу; разбив распятие, принадлежащее Тихону, в пароксизме непомерной гордыни, Ставрогин этим символическим жестом отдает себя во власть дьявола.

Диалог, слово, произнесенное на сцене, приобретают особое значение в постановке Вайды. Одним из лучших примеров такого подлинно театрального диалога, в котором интонация, тембр голоса, жест и мимика выражают все переживания участников, может служить тот, который происходит во время посещения Шатова и рассказчика-хроникера Антона Григорьева Марьи Лебядкиной. Диалог этот происходит после ухода Лизы (по тексту инсценировки Камю), которая во что бы то ни стало желала увидеть Марью. Эта хромая женщина, жалкая и мудрая, простая и загадочная, замкнувшаяся в своей мечте об идеальной любви, вела нереальное существование, живя в собственном воображаемом мире. В спектакле Вайды, прекрасная артистка Изабелла Ольшевска создала потрясающий по трагичности образ Марьи, говорящей с отчаянием о своей невозможной мечте об идеальном "князе" — своем воображаемом защитнике, а также о тяжелом бремени какого-то секрета (подразумевая свой тайный брак со Ставрогиным), который она не могла никому доверить.

Другим незабываемым по силе художественной выразительности следует назвать важнейший по содержанию диалог, вернее диалогизированный монолог, происходящий между

Петром Верховенским и Ставрогиным после собрания нигилистов. Верховенский выбегает вслед за Ставрогиным и начинает уговаривать его стать тайным "вождем" движения, скрытым "идолом" для масс и возглавить систему, выработанную Шигалевым и дополненную Верховенским, одержимым стремлением к безграничной власти над людьми. Роли Ставрогина и Петра Верховенского исполняли в спектакле Вайды замечательные артисты Ян Новицкий и Войцек Пшоняк. В постановке французских театров, как при Камю в 1959 году, так и в 1972, а также в постановках других театров, этот диалог происходил в салоне Варвары Петровны Ставрогиной. Чтобы ярче выявить пророческое предсказание Достоевского, Вайда придал этой сцене фон и характер почти апокалиптические: диалог происходит посреди огромного пустого пространства, на фоне свинцового неба и поднимающихся из болота туманных испарений — пейзажа, символически воспроизводящего беспросветную обстановку лагерей смерти, разбросанных в двадцатом веке на громадной территории Восточной Европы и Азии.

Анджей Вайда показал своей постановкой "Бесов" блестящий пример творческого прочтения сложного произведения, воплотив средствами современного театра этические и философские проблемы, разрешения которых современный человек ищет с той же тревогой, что и герои романа Достоевского.

"Бесы" Вайды были поставлены впервые в Кракове, в "Старом Театре" в сезоне 1970-71 годов. Спектакль стал центром Театрального Фестиваля в Варшаве, в декабре 1971 года, и был затем дважды показан в Лондоне во время Всемирного Театрального Сезона, в 1972 и 1973 годах. "Бесы" в постановке Вайды были также показаны в Театре Йельского университета в Соединенных Штатах.

В заключение следует сказать, что как бы отрицательно ни было отношение к попыткам перенести на подмостки театра такое исключительно богатое философским, политическим и этическим материалом произведение, сценическое воплощение романа "Бесы" можно только приветствовать. Персонажи романа Достоевского, их проблемы, их теории, казавшиеся ранее фантастическими или утопическими, давно перестали быть только русскими и приобрели универсальную значимость. Призыв

Достоевского, предупреждавшего современников об опасности, таящейся в отрицании и в проявлении воли к разрушению, был услышан благодаря театру и донесен до широкой международной аудитории с театральных подмостков.

Надежда Натова, Вашингтон.

ЗАШИФРОВАННЫЙ ТЕРМИН

(О СУЩЕСТВЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА)

“Социалистический реализм!” Вряд ли какой-нибудь другой термин, возникший в России в послеоктябрьскую эпоху, вызвал такое половодье обсуждений и споров, продолжающихся и поныне. Его толкования, попытки дать новому понятию внятную словарную характеристику, бесчисленны и разнородны. Это легко объяснимо с логико-семантической стороны: когда к какому-нибудь общепонятному термину прилагают дополнительное определение, оно объемность понятия, этим термином обозначенного, обычно ограничивает и уточняет, если, разумеется, конкретно само и без труда с определяемым ассоциируется. Так выходит, например, с терминами вроде “критический реализм”, “психологический реализм”, “русский”, “немецкий”, “французский” реализм 19-го века и т. д. Но не так — с сочетанием “социалистический реализм” (ср. сходные “социалистический гуманизм”, “социалистическая законность”, “социалистическая этика”), поскольку определение “социалистический” в данном случае ассоциативной конкретности лишено и определяемое со стороны значения не только не уточняет, но *зашифровывает*, открывая дорогу самому различному пониманию. И большинство толкователей “социалистического реализма”, не находя сжатых дефиниций, заменяют их описательными. В “Кратком словаре литературоведческих терминов” Л. Тимофеева и Н. Венгрова¹, например, находим: “Социа-

---

1. Тимофеев и Венгров. Краткий словарь литературоведческих терминов. Уч.-пед. изд-во БССР. Минск, 1955. Стр. 135-138.

листический реализм' — художественный метод советской литературы, как определил его Сталин в своей беседе с писателями в 1932 году". Затем следуют 102 строки пояснительного описания — попытка раскрыть собственно литературоведческое содержание термина.

Даже в наиболее ответственном определении, данном соц. реализму на I-ом съезде советских писателей в 1934 году, нет определительного единства. Именно: — "Соц-ий реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма".

Интересна в этой формулировке неоднородность двух ее абзацев: первый, хоть и отождествляет неожиданным образом специфику художественного творчества и литературной критики, претендует все же на некое литературоведческое обличье; второй же содержит неприкрытую партийную директиву.

На очередном съезде писателей, при утверждении устава, второй абзац был из формулировки исключен, потому что, как писал в своих "Литературных заметках" К. Симонов², представлял собой лазейку для людей, "требовавших от литературы 'улучшения' ...жизни и отрывавших проблему показа действительности в ее революционном развитии от проблемы ее исторически-конкретного, то есть до конца правдивого изображения".

Тем не менее, именно этот второй абзац решительно во всех исследованиях, статьях и высказываниях, касающихся социалистического реализма, остается главным и непререкаемым звеном любой расшифровки термина. Второе (1958 года) издание Большой Советской Энциклопедии дает такую формулу: — "Социалистический реализм — художественный метод, основным принципом которого является правдивое, исторически-конкретное изображение действительности в ее революционном раз-

---

2. "Новый мир" № 12, 1956, стр. 252.

витии, а важнейшей задачей — коммунистическое воспитание масс”.

Второй абзац не только неразлучен с первым, сливается с ним, но порой и подменяет его в иных формулировках: ”Социалистический реализм’, — находим, например, в журнале ”Искусство” (№ 4, 1957 г.), это творческий метод, предусматривающий общность идейных воззрений художников, стоящих на позициях марксистско-ленинской идеологии”. Или — в Краткой Литературной Энциклопедии³: ”Отражение современного исторического процесса в свете идеалов социализма определяет и содержание и художественные принципы соц. реализма”...

В тех же ”Заметках” К. Симонова читаем: ”...при здоровом взгляде на вещи было и остается ясным, что главное в социалистическом реализме — это его социалистическая идейность и проведенная через художественную ткань произведения тенденция”...

Еще в 1950 году советский литературовед Б. Бялик предложил определять социалистический реализм как ”партийный метод художественного творчества”. Предложение это вполне последовательное с точки зрения направления терминологических поисков, было отвергнуто, потому что первое звено определения оказывалось при этом за бортом. Советским же теоретикам хотелось бы ”развернуть” именно это звено, подведя под него фундамент так наз. марксистско-ленинской эстетики.*

Изложение ”истории” термина ”социалистический реализм” наскучило бы читателям; о возникновении его существуют обстоятельные работы⁴, но сколько-нибудь приемлемого для беспристрастного исследователя литературоведческого определения понятия, равно как и эстетического его обоснования, так

---

3. К.Л.Э. т. 7. М. 1972, стр. 92.

4. См. например: G Ermolaev, ”Soviet Literary Theories, 1917-1934. The Genesis of Socialist Realism”. Calif. Univ. Press. 1963.

*Таковой не существует по признанию самих партийных начетчиков: в статье Г. Абрамовича, В. Кожина и Я. Эльсберга ”Историзм и актуальность” в ”Литературной газете” № 33 за 1957 г. читаем: ”...основоположники научного социализма, занятые решением других задач, специальных общих трудов по эстетике не создали”.

и не выработалось; в ходу одни лишь "декларативные" утверждения вроде: "В советской литературе эстетический идеал отражает движение общества к коммунизму"⁵, "Критерий идейности и партийности является и художественным критерием"⁶ и т. п. Партийное назначение "метода" неизменно оказывается подтекстом всех литературных споров о "правдивости", "искажениях" или "лакировке" действительности, о пороках и добродетелях в образах "достойных подражания" героев и т. п. Оно особенно заострялось в официальных дискуссиях периода "оттепели", когда иные высказывания, получившие название "ревизионистских", ставили под сомнение сам эпитет "социалистический" (реализм) и само партийное руководство творчеством. Эти высказывания пытался пресечь Н. Хрущев в выступлениях, собранных в статью "За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа", где опять-таки литература рассматривалась с точки зрения ее задач ("Деятели литературы и искусства — это активные борцы за коммунизм... Литературе и искусству принадлежит исключительно важная роль в идеологической работе нашей партии, в деле коммунистического воспитания трудящихся"), обходя литературоведческую характеристику "метода".

Возможна ли такая характеристика вообще? Возможно ли раскрытие термина "социалистический реализм" в смысле определения его собственно литературоведческих признаков?

2

Утверждение, что социалистический реализм — художественный *метод*, весьма устойчиво в терминологических формулах. Одна из давних, но наиболее обстоятельных дискуссий о реализме, проведенная 12-18 апреля 1957 года Институтом мировой литературы Академии наук СССР, — подтвердила употребление слова "метод": "Социалистический реализм... это

---

5. Б. Мейлах. "О типичности в эстетическом идеале". "Звезда" № 1, 1953.

6. "Литературная газета" № 89, 1954.

7. Журнал "Коммунист" № 12, 1957.

определенный творческий метод, предполагающий, а не исключаящий многообразие творчества"... и т. д.⁸

Однако кое у кого из ведущих советских писателей уверенности в этом нет. В цитированных выше "Литературных заметках" К. Симонов пишет: — "...социалистический реализм — это не собрание эстетических догм, не нормативная эстетика... Быть может, слово "метод" и не является в данном случае абсолютно верным, ибо... предполагает в двух своих энциклопедических толкованиях и "приём" и "способ", то есть как бы ограничивает художника в возможностях стилового разнообразия... Поэтому, возможно, вернее было бы говорить не о "методе", но о *принципе* социалистического реализма — принципе отношения художника к действительности".⁹

Итак, социалистический реализм, по Симонову, — "*принцип* отношения художника к действительности". Нельзя отказать в логике этому перенесению главного терминологического признака с творческих "приемов" и "способов", специфики которых определить оказывается невозможным, на отбор и оценку художником явлений жизни в процессе работы над литературным произведением. Однако совершенно очевидно, что эти отбор и оценка *заданы* художнику: его "отношение к действительности" должно быть *партийно обусловленным*, согласно требованию самой формулы соц. реализма в целом. Попытка собственного литературоведческого анализа перемещается таким образом тотчас же во второй, социологический, план; понятие "метод" повисает в воздухе.

Приведу одну занятную иллюстрацию репортажного типа. Пражская газета "Литературная новина" напечатала 19-го апреля 1958 года беседу М. Шолохова с чешскими писателями. На вопрос, что такое социалистич. реализм, Шолохов ответил так: — "Теория — не моя специальность. Но я разговаривал об этом с моим другом, Александром Фадеевым, незадолго до его смерти. 'Что ты ответишь, если кто-нибудь спросит тебя, что такое социалистический реализм?' — спросил я его. Он сказал: 'Если нужно было бы ответить по-совести, откровенно, я ответил

---

8. Известия Академии наук СССР, 1957 г., т. 16, вып. 3, стр. 212.

9. "Новый мир" № 12, 1956, стр. 253-254.

бы: А чорт его знает, что это такое!...”

А ведь именно Александр Фадеев, с 1934 по 1944 г. на посту генерального секретаря Союза советских писателей, должен был то и дело сталкиваться с толкованием “основного метода” советской литературы. В 1949 году в Париже, на собрании общества “Франция — СССР”, он дал соц. реализму такое определение: — “Социалистический реализм — это умение показать жизнь в ее развитии, умение в сегодняшнем дне увидеть и показать зерна будущего. В этом смысле социалистич. реализм снимает противоречие, которое было в старой литературе между реализмом и романтизмом”.¹⁰

Реализм и романтизм были *системами* образного мышления художника: в первом случае творческую мысль его питало адекватное критическое восприятие бытия, во втором — восприятие, преображенное его творческой свободной фантазией; противопоставлять им социалистич. реализм, как некоего рода “уменье”, значит суживать объем определяемого понятия, выдвигаемого в качестве “метода”.

*

Впервые в словесных дискуссиях термин “социалистический реализм” встречается в 1932 году¹¹, в декларативном употреблении — в 1933 г., в статье Горького “О социалистическом реализме”, открывающей первый номер журнала “Литературная учёба”. Горький пишет: — “Лично мне кажется, что “реализм” справился бы со своей нелегкой задачей, если бы он, рассматривая личность в процессе “становления” по пути от древнего мешанского и животного индивидуализма к социализму, изображал бы человека не только таким, какой он есть сегодня, но и таким, какой он должен быть — и будет — завтра”.¹²

Как видим, Горький имеет в виду прежде всего характер литературного героя, делясь с читателем, по существу, собственным опытом в ряде своих произведений как раннего, романтического, так и позднейшего периода (Данко и Коновалов, Нил в

10. “Лит. газета” № 18, 1949.

11. См. прим. № 4.

12. Соч. т. 26, стр. 245.

”Мещанах”, Павел Власов в повести ”Мать” и далее до Булычева включительно). Вряд ли Горький предлагал распространить этот свой личный опыт, сложившийся задолго до постановления ЦК ВКП(б) о разгоне существовавших в стране литературно-художественных организаций, на всех писателей, которым предписывалось бы отныне изображать человека и явления жизни не в реальной статике, но такими, какими они должны выглядеть завтра. Но как раз это и делает официальная формула соц. реализма, требующая от художника ”изображения действительности в ее революционном развитии”, причем изображения ”исторически конкретного” и ”правдивого”. Нетрудно установить, в какой исключительной степени сковывают писателя эти дополнительные условия.

В самом деле: понятие ”исторической конкретности” подразумевает, разумеется, только партийное толкование исторических процессов; иными словами: любое статическое либо перспективное изображение действительности может быть отклонено и опорочено, если оно не отображает движения общества к коммунизму, руководящей роли в этом движении правящей партии и т. д. Такое обвинение было, например, предъявлено самому А. Фадееву, как автору романа ”Молодая гвардия”, и вынудило его роман переделывать. Признак ”исторической конкретности” таким образом опять-таки превращается в функциональный, связанный с ”важнейшей задачей” литературы соц. реализма — с ”коммунистическим воспитанием масс”.

Не в меньшей мере связано с этим же и понятие ”правдивости”. Требования ”правды”, с которыми постоянно обращаются к писателям их официальные критики и руководители, неизбежно обусловлены партийным осмыслением или, точнее, переосмыслением этого понятия. Между ”правдивостью” и ”партийностью” ставится при этом знак равенства: ”Не может быть художественным неправдивое, непартийное произведение” (”Литературная газета”). Приведу в связи с этим суждение еще одного партийного писателя-теоретика социалистич. реализма — Анны Караваевой. В статье ”О самом дорогом человеке” (Сталине, разумеется), напечатанной в № 12 журнала ”Новый мир” за 1949 год, она писала: — ”Где правда? Выдвинуть на передовую линию повествования нерадивого колхозника или отста-

лого рабочего, или главные нити действия и осмысливания всех событий дать в руки того героя, который побуждает людей идти с народом? Конечно, второе и есть настоящая правда”.

И там же: — “Метод социалистического реализма есть метод передового партийного обобщения действительности”.

Стоит припомнить в связи с этим разгром, которому подвергся в свое время критик Померанцев за его требование “искренности” в художественной литературе: искренность ведь непременно индивидуальна, необратимо противопоставлена лжи и непереосмыслиема в плане “партийного обобщения”; подставленная в формулу соц. реализма, она придавала бы ей собственно творческую, не политическую ориентацию.

*

На вопрос: возможно ли вообще раскрыть термин “соц. реализм” в части его литературоведческих признаков, характерных для творческого метода, — ответ подсказывается отрицательный: соц. реализм не содержит какого-либо единства таких признаков и, как мы видели, даже с точки зрения некоторых его теоретиков методом не является, но — *принципом* отбора и освещения явлений действительности, художнику навсегда предписанным. “Неотъемлемой чертой с. реализма становится осознанная партийность, то есть сознательное утверждение художником идей прогресса”, — вешает Краткая Литературная Энциклопедия (год 1972).

Беспристрастного исследователя поражает отсутствие литературоведческого, т. е. собственно художественного, критерия в практике советской критики, относящей то или иное произведение к явлениям нового “социалистического” мастерства.* Илья Эренбург приводил однажды слова Виктора Гюго, сравнивавшего особенности искусства и науки: — “Наука непрестанно продвигается вперед, перечеркивая самоё себя. Плодотворные вымарки!.. Наука — лестница... Поэзия — взмах

---

*Подмену такого рода критерия партийным легко проследить, полистав Краткую Литературную Энциклопедию в последнем ее издании. В ней Анне Ахматовой посвящено 66 строк, а Демьяну Бедному — 110; Андрею Белому — 76, а мужественному, но вполне бесталанному Николаю Островскому — 182 строки с четырьмя иллюстрациями в тексте.

крыльев. Шедевр искусства рождается навеки. Данте не перечеркивает Гомера..." Но уже в последних списках достижений литературы соц. реализма мы не встречаем более имен таких лауреатов, как Бабаевский или Мальцев, Бубеннов или Шипачев, получивший премию за поэму "Павлик Морозов": жизнь на протяжении всего лишь нескольких лет перечеркнула эти и многие другие имена и произведения в перечнях "шедевров" социалистической продукции. Не помогают здесь и те признаки, которые официальная формулировка литературы соц. реализма так настойчиво подчеркивает. В конце концов современность в ее развитии и "ростки нового" изображали многие, весьма далекие от эпохи соц. реализма писатели. Тургенев со своим Базаровым ("Отцы и дети"), Инсаровым и Еленой ("Накануне"), Неждановым и Марианной ("Новь") и Достоевский, предсказавший в "Бесах" ужасы партийного террора, были в этом смысле несравненно большими новаторами, чем многие советские литературные мастера.

Роковым для "нового метода" образом, произведения, содержащие его программные признаки, оказываются творчески беспомощными и, напротив, в иных бесспорно талантливых книгах признаков этих не больше, чем в сказках "Мойдодыр" или "Доктор Айболит" Корнея Чуковского. Немыслимо замолчать и то обстоятельство, что ранние произведения иных советских писателей старшего поколения художественно много выше тех, в которых авторы следовали или пытались следовать диалектическому принципу раскрытия действительности в духе партийного осмысления. Роман "Русский лес" Леонова с его тусклыми надуманными конфликтами или "Доктор Власенкова" Вениамина Каверина — упадок, а не творческий рост их творцов. "Поднятая целина" Шолохова, которую обычно называют образцом литературы соц. реализма, бесконечно слабее "Тихого Дона". Кстати: в "Тихом Доне", самом монументальном и выдающемся произведении литературы советского времени, ни в творческой интерпретации казачьей междоусобицы, ни в облике главного героя, Григория Мелихова, нельзя отыскать никаких сколько-нибудь значительных следов партийного принципа осмысления жизни. Вопреки традиционным утверждениям советской критики, нет оснований относить это произведение к "нова-

торским” с точки зрения формулы соц. реализма. Как пишет уже приводившаяся выше пражская газета “Литературная новина”, сам Шолохов на вопрос, считает ли он себя социалистическим реалистом, ответил так: — “Ваш вопрос заставляет меня вспомнить, что марксистские теоретики считали меня сначала кулацким писателем, затем объявили контрреволюционером, а в последнее время говорят, что я всю жизнь был социалистическим реалистом”.

Мастерство Шолохова в “Тихом Доне” не содержит ничего основополагающе “нового” по отношению к творческой традиции русской художественной прозы, но имеет *свой* почерк. Свой, индивидуальный, творческий почерк, независимо от следования партийному осмыслению жизни или несмотря на него, имели такие талантливые советские писатели разных поколений, как М. Пришвин, К. Паустовский, Л. Леонов, Василий Гроссман, Юрий Казаков и некоторые другие. Но как много пишущих в плане предписанной формулы своего собственного почерка, обязательного признака какого бы то ни было творческого направления, почти начисто лишены! Именно это обстоятельство, как легко убедиться, следя за советской прессой, всегда так тревожило литературное руководство в СССР, заставляя официозную критику выступать против “серости и посредственности” печатаемых произведений.¹³ Серость и посредственность имел в свое время в виду и И. Эренбург, сравнив однажды эрзацы обувного производства с эрзацами в современной советской литературной продукции: — “...иногда... важнее изготовить десять миллионов посредственных пар ботинок, чем изготовить одну тысячу высококачественной обуви. Но если спросить читателя, чего он желает: одного романа, стоящего на уровне “Войны и мира”, или тысячи плохих романов, то я не сомневаюсь в его ответе. Я осмелюсь добавить, что один плохой роман лучше, чем тысячи плохих романов”.¹⁴

Лет пять спустя Альберто Моравиа в очерке “Искусство и коммунизм” писал: — “То, что предлагают коммунисты, не новое искусство, а — хотя они, может быть, и не отдают себе в

13. См. например, статью А. Твардовского в “Лит. газете” от 10.9.1959 г.

14. “Литература и жизнь”, 13 авг. 1959.

этом отчета, приостановление искусства... Коммунисты твердят: мы-де ведем войну, мы боремся, мы в самом разгаре великого похода; в этих условиях искусство должно быть оружием, орудием, средством борьбы. Мы отвечаем на это: может быть, вы с вашей точки зрения и правы, но как же вы не замечаете, что ваше искусство не может быть 'оружием, орудием, средством', потому что оно — плохое искусство”.

В прямую противоположность этому деликатному ”не замечаете”, партийная критика объявляет творческими шедеврами общепризнанные литературные пустышки. В статье ”Социалистический реализм” Краткой Литературной Энциклопедии¹⁵ читаем: ”Литература социалистического реализма создала образ положительного героя — борца, строителя, вожака”... ”Первым классическим образцом пролетарского вожака явился герой романа М. Горького ”Мать” Павел Власов; позже — Левинсон (у Фадеева), Корчагин (у Островского), Давыдов (у Шолохова)”. И о Павле Власове, и о Левинсоне существует довольно обширная литература, вовсе не подтверждающая высокой оценки этих образов со стороны их художественной убедительности; партийная правда образа Давыдова с правдой художественной не совпадает никак; для этого нужно бы, чтобы читатель верил, что Давыдов не окажется в будущем героем в отставке, какими, скажем, оказались в жизни иные давыдовы принудительной коллективизации польской или югославской деревни: историческая конкретность и правдивость в изображении действительности проверяется не партийной ”линией”, но историей. Относительно же образа Павла Корчагина — творения бедного, больного и совершенно лишенного литературного таланта Николая Островского — один из моих друзей, известный профессор-славист, говаривал: я всегда прошу своих студентов прочесть книжку Островского ”Как закалялась сталь” — чтобы они познакомились с самым бездарным в истории литературы романом.

Итак, формула социалистического реализма со стороны

---

15. Т. 7, стр. 97.

литературоведческой не определяет какого-либо собственно творческого *метода*, являясь лишь *директивной* художнику в части отбора, осмысления и изображения действительности, обязательных в целях коммунистического воспитания людей. Внедрение этой директивы в годы террора стоило, как известно, массы бесценных творческих жизней, а осмысление ее советскими мастерами слова повело к поистине трагическому оскудению авторских дарований. Горькое высказывание на этот счет Бориса Пастернака, появившееся в советской печати с купюрами, звучало так: — "В последние годы жизни Маяковского, когда не стало поэзии ничьей, ни его собственной, ни кого бы то ни было другого, когда повесился Есенин, когда, скажем проще, прекратилась литература, потому что ведь и начало "Тихого Дона" было поэзией, и начало деятельности Пильняка, Бабеля, Федина и Всеволода Иванова..."¹⁶

Пастернак еще раньше, в 1944 году, в письме к Ольге Фрейденберг высказывается о том же весьма лаконически: "Литературы у нас нет и при данных условиях не будет и не может быть".¹⁷ Но в том же, уже цитированном, томе Краткой Литературной Энциклопедии значится: "Социалистический реализм расширяет художественные границы, постепенно обретая значение ведущего (! Л. Р.) метода современной эпохи" (т. 7, стр. 99).

3

Поставим теперь другой капитальный вопрос: *что*, с литературоведческой точки зрения, является *главным*, важнейшим требованием партийной директивы писателю, определяющим существо и замысел социалистического реализма в целом?

Директиву эту толкуют на Западе обычно как *заказ* художнику, стесняющий в силу своей обязательности творческую его свободу*. Но действительно ли только в наличии заказа и конт-

16. Б. Пастернак, Проза 1915-1958. Изд. Мичиганского унив-та, 1961, т. 2, стр. 43.

17. Б. Пастернак, Переписка с Ольгой Фрейденберг. США, 1981, стр. 232.

*Для объективного исследователя особенно нетерпимым оказывается при этом сочетание "социальный заказ", так как именно такого "общественного"

роля над его выполнением заключена несвобода советского писателя? Было б так — многие партийные глашатаи соц. реализма сравнивали бы (что впрочем они и делают) зависимость западных писателей от вкусов и требований частных издателей со своей "независимостью": "написал, как полагается писать советскому мастеру, — издали, поддержали, премировали!.."

Условному пониманию независимости от заказа должно быть противопоставлено ничем не ограниченное право писателя на выражение и утверждение своего творческого "я". Только тогда отчетливо обнаруживается поистине катастрофическое бесправие и скованность художника в СССР. Этот аспект рассмотрения вопроса переносит наше внимание с творческой продукции на творческий процесс, что особенно важно при анализе интересующего нас понятия. Потому что партийная директива, называемая социалистическим реализмом, направлена не только на определение *желаемого*, но и на предупреждение *нежелательного*. Она не столько цензурно нормативна, сколько *запретительна*. Важно не только то, *о чем и как* пишется, — важно то, *о чем ни под каким видом написано быть не может*. Запретительная функция — самоважнейшая в существе соц. реализма. Этот реализм с полным основанием может быть назван реализмом *запретительным*.

Припомним, хотя бы бегло, характер и всепоглощающее многообразие запретов, которые окружают советского писателя за его письменным столом. В творческом отображении советской действительности ему запрещается выразить прямо или иносказательно какое бы то ни было несогласие с концепциями, установлениями или практикой правящей партии, проявить хотя бы малейшее сомнение в их непогрешимости. Такого рода несогласие и сомнение, получившие в свое время кличку "нигилизм", советский писатель не в праве поручить даже отрицательному герою — на языке партийной критики это называется "предоставить в произведении трибуну врагу". В части характернейших черт самой действительности ему запрещен сколько-нибудь объективный отбор — эта действительность в его отобра-

---

заказа, заказа широкого читателя, в СССР не существует, и говорить можно лишь о заказе *партийном*.

жении не должна знать ни террора, ни принуждения и прочих форм ограничения человеческих прав, ни нужды, ни протеста, ни отчаяния человека.

В 1894 году Ленин писал по поводу одной из постоянных тем русской классической литературы — жизни крестьянства: "Всё это было описано, изучено и разъяснено с таким богатством материала, с такими мельчайшими деталями, что, конечно, если бы наше государство не было классовым государством... оно тысячу раз должно было бы убедиться в необходимости устранения этих бедствий",¹⁸ И вправду: для литературной традиции прошлого "Деревня" Бунина или "Рассказ о семи повешенных" Леонида Андреева были естественной творческой реакцией писателя на важнейшие явления и события действительности. В советской же литературе поистине страшное время человекоистребления, жеманно называемое теперь "периодом культа личности", не нашло почти никакого отражения. Партийно переосмысленная "правда" жизни не терпит "отрицательного" — литература, обязанная служить победе коммунизма, должна быть оптимистична — советское "бесклассовое" государство запрещает своим художникам убеждать себя в необходимости каких-то радикальных перемен. "Главлит имеет 100-страничный список закрытых тем", — писал недавно в одной из своих статей из Горького академик А. Сахаров. Опять-таки Илье Эренбургу в уже упоминавшейся выше его статье принадлежит исчерпывающее по точности суждение, относящееся к банкротству партийно-запретительной директивы писателю: — "Мне не кажется, что слабость многих современных произведений от недостатка мастерства авторов, она скорее связана не с отсутствием умения 'как сказать', а с отсутствием того, *что* им сказать".

Центр тяжести партийной директивы писателю лежит именно на запретительной профилактике, а не на номенклатурных требованиях заказчиков. *Запрет* преобладает над *заказом* ("программностью"), нарушение его влечет несравненно большую ответственность автора, чем отклонение от рекомендованных форм и тем. В период сталинского разгрома творче-

---

18. В. Ленин, Сочинения. Т. 1, стр. 258.

ской культуры сотни советских прозаиков и поэтов были репрессированы не за то, что в своих книгах не могли или не хотели выполнить заказанное, но за то, что высказывали (или, по прогнозам чекистской бдительности, готовы были высказать) запрещенное. Позже, в период "оттепели", Дудинцев со своей повестью "Не хлебом единым" подвергся нападкам не за то, что не показал "развития и становления советской действительности", — он это сделал, и весьма близко к партийным требованиям, — но за то, что разоблачил при этом нечто, что разоблачать было не положено. Пастернака подвергли травле не за ошибочные акценты в изображении революционных лет, а за нарушение "святая святых" запрета: сомнения в истинности партийных доктрин, выраженные в романе "Доктор Живаго". Социалистический реализм — партийная для художника директива, важнейшим существом которой является ее запретительный характер.

*

Разделяя, в известной мере условно, понятия *заказа* и *запрета*, можно с уверенностью утверждать, что первый меньше сковывает творческую свободу художника, чем второй. Немыслимо, вероятно, по заказу написать литературный шедевр, но творчеству "средняка" заказ сам по себе вряд ли может помешать в той степени, в какой мы ему это приписываем. Известны поиски "оазисов" в обход обязательной программности, обращения к прошлому, воплощение которого, если не в идейном, то в образном плане легче сохранить в системе художественной правды. "Для того, чтобы поэтически воспроизвести действительность, нужно, чтобы под рукой *была* поэтическая действительность", — писал когда-то Белинский. Под "поэтической действительностью" понимается здесь тот объект эстетического воплощения, который находит живой отклик в сознании художника, оказывается органичным для его творческого "я". Без такой предпосылки немислима та гармония "объекта" и "субъекта" в процессе художественного творчества, которая одна только и создает творчески подлинное. Но — предположим — что некий советский писатель, принимаясь за очередную работу, с радостью отмечает, что его новый замысел совпадает с требова-

ниями заказа. Так, например, случалось в годы последней войны с патриотической темой защиты отечества, выдвинувшей образы героев-воинов. Так — допустим — может иной раз случиться и в условной героике мирного труда, науки или творчества с образом некоего исключительного человека в качестве героя, "достойного подражания". И все же, несмотря на совпадение "вдохновляющего" и "заказанного", писатель, берясь за перо, сразу же попадает на минное поле самых разнообразных попутных запретов. "Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать" — эта пушкинская строка, какими бы словесами, вроде "трудиться", "строить коммунизм" и т. п. ее ни дополнять, брезжит в сознании каждого живого и мыслящего существа. Но вот герой, которого взялся изобразить советский писатель, — в праве ли он мыслить? О философии бытия? О Боге? О смысле жизни, своей и других? О чести, совести, правде и красоте, не подвергшихся ржавчине партийного осмысления? Нет, большинство этих вопросов для него "табу"; ответы определены заранее, сомнения противопоказаны, и сам диапазон размышлений ограничен статьями в журнале "Коммунист" и передовицами "Правды". Может ли этот герой испытывать душевные надрывы и страдать? Да, если страдания связаны с выполнением производственного или другого какого — по пути к коммунизму — задания; всякие другие типы страдания нарушают запрет и препятствуют герою стать "достойным подражания". Если, несмотря на всякого рода коллизии, образцовый герой все-таки складывается, — его духовный и интеллектуальный "потолок", как правило, поражает убожеством.

Нет, запретительность соц. реализма грозит отнять начисто "поэтическую действительность" у художника — творческое его вдохновение разбивается о параграфы партийной инструкции и, собравшись написать многое, он, как говорил Стендаль, "записывает только вздох".

Приведу в связи с этим заметки одного эмигрантского писателя, занимавшегося исследованием *торможения* творческого процесса (отчасти — с позиций интуитивизма итальянского философа и литературоведа Бенедетто Кроче). "Лев Толстой в разговоре с одним журналистом высказал как-то парадоксальную мысль о том, что произведения не следует печатать при

жизни автора, потому что, представляя себе их в печати, автор, когда пишет, не свободен: он непременно будет думать, *что* скажут о его труде, *как* встретят и пр. и т. п.¹⁹." "Торможение" вдохновения в данном случае гомогенно авторскому сознанию и, в зависимости от разных условий, даже и необязательно ограничительно. Оно, разумеется, не идет ни в какое сравнение с целым комплексом поощряемой тематики и "табу", который обрушивает на писателя партийная инструкция, создавая и творческие "стопы", и оглядку, и самоцензуру, и, наконец, просто *страх* перед возможным разгромом официозной критики, а в сталинские времена — и перед репрессиями.

Этапы "торможения" можно попытаться наметить аналитически. Представим себе пушкинский "магический кристалл" трехгранной призмой, сквозь которую писатель "различает" свое будущее творение. Грань первая: — первичный стимул, ключевая идея, озарение... "Нет, — говорит страх. — Эта идея невысказана, она никогда не увидит света!" И вот писатель перебарывает себя, карнает, обходится половиной, четвертью, осьмушкой первичного замысла. Начинает моделировать то есть сквозь грань вторую призмы проглядывается герой и конфликт. "Нельзя! — твердит страх. — Твой герой невозможен, а конфликт обязательно примут в штывы, — надо было следить за последним пленумом". Делать нечего, автор черкает снова, провожая несостоявшееся со слезой. Кидается к грани третьей — к слову: в этом, мол, богатстве красок, экспрессии, звукомыслов найду наконец себя. Куда там!.. "Стоп!" — кричит страх. "Формализм и вычур! Воображаешь, что пощадит тебя цензор?...". Да, такая, примерно, схема. И все под авторским пером корчится и гибнет на корню..."

Разбор иного произведения советского автора у беспристрастного читателя (исследователя) неизбежно рождает представление о "заказанности" и "запретительности" и о том, в какой степени оба этих слагаемых партийной инструкции отразились в данном произведении. В литературоведческую терминологию в этой области можно было бы ввести соответственно два понятия: "коэффициент заказа" и "коэффициент

---

19. "Новый мир" № 3, 1963.

запрета". Как уже говорилось выше, заказанность менее устойчивая часть партийной инструкции; заказ может иной раз ощущаться лишь сопоставительно и условно, в силу самого жанра произведения; может быть закамуфлирован занимательностью сюжета*; может быть, наконец, и вовсе обойден автором. Иначе — с "запретом". Его коэффициент может временами снижаться, но никогда не становится нулевым. Имея в виду, вероятно, именно это колебание, русско-американский литературовед Марк Слоним назвал период "оттепели" в советской литературе (с полным правом можно было бы отнести это и к нашим дням) "unstable equilibrium". В качестве примера такой "оттепельной" раскованности автора приведу интереснейший роман В. Гроссмана "Жизнь и судьба" (1960), если сопоставить его с первой частью той же эпопеи — романом "За правое дело", начатым автором еще до смерти Сталина.

Методология губительного торможения, причиняемого партийной опекой творчеству писателя, почти не разработана. Непроизвольно или умышленно ее опускают во многих литературоведческих разборах. Между тем при чтении ряда книг известных советских авторов она, казалось бы, сама вопиет о признании. Так, например, во второй части "Поднятой целины", объявленной советскими критиками шедевром социалистической литературы, автору явно не хватало "поэтической действительности" при описании сталинского разгрома русской деревни. Такой поэтической действительностью стал для него дед Шукарь, тематически фигура вполне безличная: в разговорной речи Шукарю отведено приблизительно 1300 строк (Давыдову, герою романа, 800, Разметнову — 700 по тому же приблизительному подсчету). В изумительных по творческой раскованности, мастерству и правдивости повестях Валентина Распутина "коэффициент заказа" сведен к нулю, но "коэффициент запрета" все еще значителен, иначе — как можно объяснить, что его "понесший с базара Белинского и Гоголя" мужик так-таки ни словечком не обмолвился о полувековом трагическом отчужде-

---

*См., например, повесть А. Чаковского "Свет далекой звезды" (1962), направленную против раскрепостительных тенденций молодежи шестидесятых годов, отразившихся в ранних повестях В. Аксенова.

нии от матери-земли, в каком живут он сам и его односельчане.

Именно о *запретительности* как главном, основополагающем и целеустремленном существе соц. реализма и не упоминается ни в водномиз советских определений его, начиная со словарей и до обширных давних и поздних монографий (К. Муратовой, А. Овчаренко, М. Храпченко и других). Увы! Опускают эту сторону "метода" и некоторые эмигрантские литературоведы в своих работах. По наивности? Подневольно? Как бы то ни было — не упоминают, хотя умолчать о запретах, говоря о творчестве советских писателей, все равно, что протоколировать смерть повесившегося, не упомянув о веревке.

Во всех этих рассуждениях, не договаривающих *главного*, авторы обычно пытаются установить *генезис* соц. реализма, основываясь на якобы творческой его природе. Мы уже видели отчасти из приведенных выше примеров, какими беспомощными оказывались эти попытки и как неизбежно категории творческие подменялись при этом партийными.

Неизбежно — потому что генезис "нового метода" никогда не был литературным, но — политическим; истоки его — ленинская статья "Партийная организация и партийная литература", а практика — выполнение писателями партийных заданий. "Осознанная партийность", как уже цитировалось выше из К.Л.Э., становится альфой и омегой социалистического реализма.

Генезис этого реализма — головоломка, которую нужно было решить главарям партии, захватившей в октябре 17-ого года власть в России, в их размышлениях о пути, которым поведут они русскую литературу. Ее необходимо было "заморозить", эту литературу, сократить в ней те свойства, ради которых Томас Манн назвал ее когда-то "священной", лишить ее памяти, зречести, страдания за тяжкие человеческие пути и судьбы.

В качестве позднейшего эха таких размышлений приведу еще одну цитату из уже цитированной выше статьи А. Караваевой "О самом дорогом человеке": — "Критический реализм, возникший как метод отражения тяжелой действительности, оставил в наследство традицию изображения страданий... Писатели находили правду жизни большею частью по негатив-

ному признаку: что плохо, то и правда”.

Критический реализм должен был исчезнуть. Должно было стать невозможным отражение в литературе трагедий истребляемых миллионов, ни один писательский голос не должен был сметь провозгласить свое творческое ”Не могу молчать!”

Самоочевидно, что возникновение социалистического реализма было связано в первую очередь не с горьковской романтической устремленностью в ”светлое будущее”, но с потребностью *нейтрализовать* критическую традицию русской литературы. Творчество надо было для этого направить в новое, строго контролируемое русло, причем — так, чтобы контроль не был официальным контролем, по прежде всего ”самооглядкой” писателя и назывался бы ”творческим методом”.

Четверостишие Ивана Елагина прекрасно передает эту важнейшую направленность ”метода”:

Для того ведь социалистический
И существует реализм,
Чтоб никто не мог реалистически
Изображать социализм.

Постановление ЦК партии ”О перестройке литературно-художественных организаций” (в котором слово ”перестройка” заменяла правдивые: ”ликвидация” и ”разгром”), а затем — резолюция 1-го съезда Союза советских писателей завершили партийную унификацию литературного творчества в бывшей России, утвердив партийную же директивно-запретительную инструкцию, зашифрованную в термин ”социалистический реализм”.

Леонид Ржевский

МЕМОУАРЫ ДВАДЦАТИЛЕТНЕГО МУЗЫКАНТА

Вступление

В 1937 г. я написал свои первые мемуары. Тогда мне было всего 20 лет. Казалось бы сознательная жизнь только начинается. Но я успел пережить многое. Правда, не попал в тюрьму, не был репрессирован. Не пострадали мои родители, мои брат и сестра. Но у меня были глаза, которые многое видели.

Судьба свела меня с множеством интереснейших людей: знаменитые музыканты, писатели, художники, артисты, общественные деятели. Со многими возникали дружеские связи, хотя было резкое различие в возрасте.

В 1936 г. я познакомился с одним стариком. Он отпраздновал свое 100-летие. Чувствовал себя бодро, любил вспоминать знаменитых людей. Говорил с большим увлечением. Кого только он не знал. Говоря его словами — "только с Александром Сергеевичем Пушкиным не успел познакомиться, был еще слишком мал". Но он лично знал Льва Толстого, Ф. М. Достоевского, Илью Репина, А. П. Бородина... Вот и предложил мне этот столетний человек записать его воспоминания. Много времени потратил я на это дело. Но успел записать не менее 500 страниц интереснейших воспоминаний. У меня не было оснований относиться к нему с недоверием, многое он подтверждал документами. Удивительный был человек. Ручаюсь, что его воспоминания должны бы были привлечь широкое внимание. Но этого не произошло. Воспоминания сочли "опасными", особенно места, касающиеся событий в Кронштадте в первые годы

советской власти. Не мог спасти эту книгу и сам Максим Горький, с которым этот старик был хорошо знаком. Рукопись бесследно исчезла.

Писание мемуаров "за другое лицо" привело меня к желанию создать собственные мемуары. Вот я и написал не менее 400 страниц. В нормальном государстве можно было бы их беспрепятственно опубликовать. Но не в СССР. Да и показывать их кому-либо было опасно. Помню, Дмитрий Шостакович их бегло просмотрел и сказал: "спрячь подальше, чтоб сам дьявол не нашел, уничтожать не надо, когда-нибудь пригодятся". Пришлось безжалостно бросить мою рукопись в огонь. Теперь, спустя 44 года, пытаюсь восстановить написанное и знаю, что могу писать без чувства страха, позволяя себе полную откровенность.

В 1970 г. в издательстве "Посев" я опубликовал книгу воспоминаний под названием "Записки музыканта". В этих записках я позволил себе многое. Но о многом и умолчал. Тогда я был еще "свеженький" эмигрант и по ночам мне снились разные кошмары. К тому же, еще были живы в Москве мои родители, брат не успел еще эмигрировать из СССР, и многие знакомые, как Давид Ойстрах и Дмитрий Шостакович, были живы, и не хотелось вспоминать их собственные мысли, выражения, разговоры. Теперь я не вижу препятствий для откровенности: успел обжиться в свободном мире.

В феврале 1967 г. мне разрешили выехать в Варшаву. В Варшаве мне удалось получить разрешение отправиться в Вену. Возвращаться в Восточный Берлин, где я занимал должность преподавателя Высшей музыкальной школы по классу скрипки, у меня не было никакого желания. В моих руках была моя верная спутница — скрипка гениального мастера Николо Амати, созданная в 1643 г. и по сей день не утратившая свой чудесный голос. Сперва я путешествовал по разным странам, не спрашивая на то разрешения печальной памяти известного "Госконцерта" — государственной советской организации, которая менее интересуется художественным уровнем артистов, а более политической благонадежностью. По приглашению Иегуды Менухина был два семестра педагогом в его музыкальной школе для одаренных детей под Лондоном. Потом переехал в Гамбург и с

октября 1969 г. в нем поселился. Меня пригласили занять должность профессора Высшей музыкальной школы. Вот я и занимаюсь со своими учениками на основе русской методики. Много играю в концертах, сочиняю музыку, пишу статьи. Но воспоминание о сожженной в 1937 г. первой рукописи мемуаров не исчезает из моей памяти. Постараюсь их восстановить.

Детство

О моей родословной знаю мало. Знаю, что некоторые прауродители мои обосновались в Одессе. Расскажу об одном из моих родственников, который родился в Одессе и прославился на музыкальном поприще. Это пианист, дирижер, композитор и музыкальный критик Эдуард Юльевич Гольдштейн. Он родился в Одессе 16 января 1851 г. О нем не раз мне рассказывала бабушка со стороны отца. Но документальные сведения я нашел в московской "Музыкальной энциклопедии" (том I, стр. 1045, Москва 1973, издательство "Советская энциклопедия"). В 1847 г. посетил Одессу с концертами гениальный виртуоз Франц Лист. Он настолько взбудоражил музыкальную Одессу, что ее жители лихорадочно стали закупать пианино и рояли. В каждой семье мечтали сделать из своего ребенка будущего Листа. Даже основали в Одессе фабрику по сборке пианино и роялей. А стоили они тогда дорого. Но это не смущало одесситов. Из открытых окон распространялись по улицам Одессы произведения Моцарта, Бетховена, Шопена, Листа. По свидетельствам современников, достаточно было прогуляться лишь по Ришельевской улице, чтобы услышать весь фортепианный репертуар. Долго не унималась в Одессе фортепианная лихорадка. И если бы ее не было, мы бы не досчитались многих знаменитых музыкантов. В том числе известного в свое время пианиста Василия Сапельникова. Он родился в 1867 г. в Одессе, учился у местного пианиста Ф. Кестлера. Говорят, что Кестлер был учеником Листа. И этому можно поверить. Известно, что Кестлер с раннего утра до поздней ночи занимался с многочисленными учениками. В 7-летнем возрасте Вася Сапельников дал свой первый публичный концерт. Васю представили Антону Рубинштейну. Заинтересованность Антона Рубинштейна была исключительной и он

перетянул Васю в Петербург. Здесь и началась у Василия Сапельникова дружба с П. И. Чайковским.

В 1888 г. П. И. Чайковский приехал в Гамбург, чтобы дирижировать концертом из своих произведений. Исполнялся впервые фортепианный концерт Чайковского. В качестве солиста Чайковский пригласил молодого пианиста Василия Сапельникова. Гамбургские газеты засвидетельствовали феноменальный успех.

Но вернусь к моему родственнику Эдуарду Юльевичу Гольдштейну. Он был старше Василия Сапельникова на 16 лет. Когда у него в раннем возрасте появилась музыкальная одаренность, его привели к Ф. Кестлеру. Кестлер стал усердно его тренировать в фортепианной игре. За его успехами наблюдал Антон Рубинштейн. Кстати, Эдуард Гольдштейн был двоюродным братом Рубинштейна, а это значит, что Антон Рубинштейн приходится и мне родственником, так же как его гениальный брат Николай Рубинштейн — основатель московской консерватории, их сестра Софья Григорьевна, прекрасная певица и педагог, и другая сестра красавица Любовь Григорьевна, бывшая замужем за поэтом П. И. Вайнбергом.

Не могу утверждать, что Эдуард Юльевич брал уроки у своих знаменитых двоюродных братьев. Слышал, что родственники не очень ладили между собой. Эдуард Юльевич шел своим путем. В 1886 г. в Петербурге была издана книжка с концертными программами Антона Рубинштейна. Как сообщает ленинградский музыковед Л. А. Баренбойм: "Эта анонимно изданная брошюра была составлена петербургским журналистом Эд. Гольдштейном, которому Рубинштейн продиктовал пояснения к ряду концертных программ" (Л. Баренбойм, "Антон Григорьевич Рубинштейн", том I, Государственное музыкальное издательство, Ленинград, 1957 стр. 388). Впрочем, этот "журналист" 29 ноября 1886 г. публично сыграл в Петербурге 5-й фортепианный концерт Бетховена с оркестром. А дирижировал оркестром Антон Рубинштейн. В этот вечер открыл цикл "исторических концертов" ИРМО (Императорского русского музыкального общества), который был организован А. Рубинштейном. Судя по газетным отзывам, Эдуард Гольдштейн играл с огромным успехом. Были и другие факты сотрудничества

Э. Ю. Гольдштейна с братьями Рубинштейн. Но музыкальная карьера его строилась независимо от них. Известно, что в раннем детстве Эдуард поразил одесскую публику своим виртуозным исполнением сложных произведений. А когда ему исполнилось 16 лет, неожиданно встал за дирижерский пульт и стал вести в Кишиневе спектакли итальянской оперы. Так случилось, что срочно надо было заменить умершего дирижера итальянской оперной труппы и антрепренер Беретти обратился к 16-летнему мальчику Эдуарду Гольдштейну. И он не ошибся в выборе — юный дирижер превзошел все ожидания. Целый сезон дирижировал Эдуард оперными спектаклями. После этого его часто стали приглашать за дирижерский пульт в разные города. Но в 17-летнем возрасте он отправился в Лейпциг и там поступил в консерваторию. Здесь он занимался по классу композиции у Карла Рейнеке и по фортепиано у И. Мошелеса. В Лейпциге на Э. Ю. обратили внимание и он часто выступал, как солист в симфонических концертах Гевандхауза.

По всей видимости, какие-то принципиальные разногласия были между Эдуардом Юльевичем и Антоном Рубинштейном. Когда в 1874 году Эдуард поселился в Петербурге, не последовало приглашения Антона Рубинштейна занять должность преподавателя в консерватории. Э. Ю. давал частные уроки, потом стал преподавать фортепиано в Придворной певческой капелле. И сотрудничал в петербургских газетах — "Правительственный вестник", "Голос", "Минута", "Музыкальное обозрение" — в качестве музыкального критика. В своих газетных выступлениях Эдуард Юльевич проявил себя приверженцем "Могучей кучки", "новой русской школы", которая находилась в оппозиции к системе преподавания в петербургской консерватории. Также был он в оппозиции и к репертуарной политике императорской оперной сцены. В 80-х гг. Эдуард Юльевич возглавил "Музыкально-драматический кружок". К этому времени относится его дружба с М. П. Мусоргским. 9-го февраля 1886 г., в Петербурге, в зале Кононова, Э. Ю. Гольдштейн встал за дирижерский пульт и при участии певцов из "Музыкально-драматического кружка" впервые показал оперу М. П. Мусоргского "Хованщина", которая была отвергнута императорской сценой. Этот показ вызвал большой интерес. Стали раздаваться голоса о

необходимости включения "Хованщины" в репертуарный план императорской сцены. Но борьба за "Хованщину" была трудной. Лишь в 1892 г. ее показали в Киеве. В 1893 г. снова услышали "Хованщину" в Петербурге, но лишь в исполнении артистов "Русского оперного товарищества". 12 ноября 1897 года появилась "Хованщина" на московской сцене, в исполнении артистов "Русской частной оперы". Декорации написали Васнецов, Коровин и Малютин. Партию Досифея с триумфальным успехом пел Ф. И. Шаляпин. Но лед "императорской сцены" еще не тронулся. В 1907 снова "Хованщина" в Петербурге в Большом зале консерватории. В 1909 в Киеве с П. И. Цесевичем в роли Досифея. И лишь 7 ноября 1911 г. ее поставили в Мариинском театре. Дирижировал А. Коутс, художник Коровин. Досифея пел Ф. И. Шаляпин. Так получилось, что Э. Ю. Гольдштейн опередил признание "Хованщины" императорской сценой на 25 лет. 5 августа 1887 г. (нов. ст.), менее чем через год после премьеры в Петербурге, Эдуард Юльевич скончался в Лейпциге. Его внезапная смерть прервала многие планы 36-летнего музыканта.

Мои первые музыкальные звуки

Мои родители, а также их многочисленные братья и сестры, не имели специального музыкального образования. Но это не мешало им садиться за рояль и играть по слуху известные произведения классической музыки, а также ловко импровизировать на разные музыкальные темы. Мою старшую сестру Генриэтту заставляли усердно заниматься на рояле. Сперва она училась в Одессе у известного педагога Г. М. Бибера, а потом отправилась в Москву и ее принял в свой класс знаменитый профессор Ф. М. Blumenфельд, у которого ранее в Киеве занимался Владимир Горовиц. Вполне можно сказать, что я родился в "звуках музыки". Во время родов, моя сестра усердно учила в соседней комнате что-то из Моцарта, не проявляя никакого любопытства к рождению нового члена семьи.

Можно сказать, что ни одного дня я не прожил при старом режиме. День моего рождения — 8 ноября (по нов. ст.) 1917 г., т. е. на следующий день после октябрьского переворота. После Октября в Одессе не было спокойствия. Брали власть в свои руки

то красные, то белые, то французы, немцы, петлюровцы, махновцы, даже разные уголовники. Но это не мешало одесской опере нормально давать свои спектакли. Даже "Жизнь за царя" показывали. Одесситы любили эту оперу. Исаак Бабель мне однажды рассказал анекдотический случай из жизни одесского оперного театра. Объявили "Жизнь за царя". Все билеты распроданы. Неожиданно в Одессу ворвался Котовский со своим отрядом. Как быть? Директор оперы нашел выход, он написал на плакате, что будет показана опера "Жизнь за без царя". Все прошло гладко, по-видимому, Котовский не протестовал против такого "плаката". Не так просто было убрать оперу "Жизнь за царя" из театрального русского репертуара. К примеру, 3 декабря 1924 г. в Одессе показывали эту оперу, но под новым названием "За серп и молот". Новое либретто написал некий Н. А. Крашенинников. Иван Сусанин превратился в Григория Суслова, некоего предшественника нынешнего Михаила Суслова, который находил общий язык и с усатым вождем, и с кукурузным шутком гороховым, и с обладателем усатых бровей. Ввели в эту оперу красноармейца Гребенюка, который пел тенором. Сохранили почему-то польский отряд. Позднее, по инициативе дирижера С. А. Самосуда, был найден лучший выход для показа оперы "Жизнь за царя" на советской сцене, ее переименовали в "Иван Сусанин". Поэт С. М. Городецкий написал новое либретто. Правда, изменению подверглись лишь считанные слова. Музыка и ее патриотический дух остались в неприкосновенности. В таком перелицованном виде впервые показали "Иван Сусанин" 21 февраля 1939 г. в Большом театре в Москве. Показывают и по сей день. По всей стране. Словом, одесская затея с этой оперой нашла поддержку.

Едва я научился ползать на четвереньках, обязательно подползал к пианино и сосредоточенно слушал занятия моей сестры. А занималась она довольно усердно, по пять-шесть часов в день. Лишь для еды меня насильно уносили от пианино. Но, говорят, что я сопротивлялся и плакал. У родителей сложилось мнение, что меня надо сделать музыкантом. Только не решили, на каком инструменте я буду играть. Жили мы в Одессе на Преображенской улице. Недалеко от нас, на той же улице, проживал знаменитый педагог Петр Столярский. Часто мы видели из окна

скрипачей, шедших к Столярскому на занятия. В одном из своих рассказов, посвященных Одессе, Исаак Бабель образно представил "фабрику талантов" Столярского. Правда Бабель изменил имя Столярского на Загурского. Но во время одной из бесед со мной Бабель выразил сожаление по поводу изменения имени. Буквально помню, он сказал: "Хохма не получилась, все равно узнали Столярского". И еще Бабель с наигранным сожалением мне признался, что напрасно он убежал от Столярского и забросил игру на скрипке, из него мог бы получиться "лихой вояка со смычком в руке". Нельзя сказать, что Петр Столярский открыл "скрипичную Одессу". Была в середине прошлого века в Одессе талантливая скрипачка София Яффе, которую называли "Паганини в юбке". Приезжие скрипачи создавали в Одессе немало "паники". Особенно взволновал одесситов, приехавший в 1869 г. в Одессу, испанец Пабло де Сарасатэ. Но говорили "злые языки", что он встретил в Одессе таких цыганских и молдаванских скрипачей, особенно в ресторанах, что не решался с ними вступить в единоборство. А когда в Одессе (кажется в 1911 или в 1912 гг.) была устроена всемирная выставка, самым главным "экспонатом" ее было выступление малолетнего Яши Хейфеца. Одесса знала многих вундеркиндов. Здесь любили Костю Думчева, которого называли "Паганини из казачьего рода". Когда Чайковский в 1893 г. прибыл в Одессу для участия в своих концертах и в постановке "Пиковой дамы", несмотря на занятость, композитор находил время присутствовать на концертах Кости Думчева. В Одессе восторгались юным Мишей Эльманом, который здесь жил и учился. Потом среди "туземных" вундеркиндов стали обращать на себя внимание Натан Мильштейн и Давид Ойстрах. 10-летним мальчиком Натан Мильштейн сыграл в Одессе в сопровождении симфонического оркестра труднейший концерт Глазунова! Было в Одессе немало прекрасных педагогов по скрипичной игре. Это — братья Фидельман, Наум Блиндер — ученик Адольфа Бродского, которому Чайковский посвятил свой скрипичный концерт. Позднее Наум Блиндер эмигрировал в Америку и у него учился Исаак Стерн. Петр Столярский не был коренным одесситом. Он родился в небольшом местечке Липовцы, в Киевской губернии. И происходил из потомственных свадебных музыкантов. Как он

мне шутя рассказывал, еще лежа в колыбели, он научился играть на скрипке. Его отец постоянно кричал: "моя семья — мой оркестр, все должны играть!". И играли. Даже матери и бабушки принимали участие в оркестре: кто на бубнах, а кто бил в барабан. Вели кочевой образ жизни. Уж где объявится приглашение играть на свадьбе, туда и забирают не только музыкальные инструменты, но и домашнюю утварь. Тогдашние свадьбы были особые. Гуляли неделями. Пили, ели, спали, потом опять то же самое. А музыка должна была звучать непрерывно. Как закаты-вали "белую мазурку", значит играть надо всю ночь без перерыва. Строго надзирали за музыкантами, чтобы не спали и паузы не считали. Никаких пауз.

Играл в оркестре и маленький Петя Столярский. На одну польскую свадьбу пожаловал знаменитый скрипач Станислав Барцевич. И сейчас помнят его имя. Еще вспоминают, что Барцевича глубоко любил П. И. Чайковский. Одно время Барцевич учился у Чайковского по классу композиции. Имя Барцевича тесно связано с расцветом польской музыкальной культуры, он был не только прекрасным скрипачем, но и дирижером. Находясь на свадьбе, Станислав Барцевич обратил внимание на малолетнего скрипача из свадебного оркестра. Он снял свою шляпу и попросил гостей класть в нее золотые монеты. Шляпа стала тяжелой. Переложили монеты в дамский чулок и отдали отцу Пети Столярского. Барцевич велел немедленно отвезти мальчика в Одессу к его другу Эмилю Млынарскому, у которого учились Павел Коханский и Лея Любошиц. Да еще приглашал его в Варшаву и обещал сам с ним позаниматься. Это обещание он исполнил и Столярский с благодарностью вспоминал свое пребывание в Варшаве. А попав в Одессу, Столярский быстро в ней акклиматизировался. Испытывая материальную нужду, стал давать частные уроки. И так преуспел в этом, что отбоя не было от желающих у него заниматься. Мечтал Столярский стать виртуозом, да не получилось. Много занимался и переиграл руку. Пришлось сесть в оркестр оперного театра. Тут он и заметил малолетнего сына одной хористки, который имел свое постоянное место в оркестре и внимательно слушал музыку, а иной раз подпевал или дирижи́л овал. Это был маленький Давид Ойстрах. Столярский взял-

ся сделать его скрипачем и прекрасно выполнил свое намерение.

Мои родители содержали в Одессе частную мужскую гимназию. Сами в ней преподавали. Хорошие классные помещения были. Изучали здесь закон Божий, разные предметы. Еще здесь был свой хор и собственные музыканты. Некоторые учились у Столярского. Когда установилась в Одессе советская власть, пришлось гимназию закрыть. А чтобы не реквизировали классные помещения вселили сюда бабушек и дедушек с обеих сторон, а также тетей и дядьев. Придаться было невозможно. Немало являлось в квартиру всякого рода "реквизиторов" ценностей. Но отбивались от них целой семьей. А когда вздумали пианино реквизировать, пришлось моей сестре дать целый концерт для непрошенных гостей, и дело было улажено.

Случайно появился в нашу квартиру Петр Столярский. Что-то ему понадобилось от моих родителей. Он обратил внимание на мое сосредоточенное слушание музыки. Проверил мой слух, ритм, пальцы. А мне еще и четырех лет не исполнилось. Велел привести к нему домой. Спустя несколько дней я оказался в квартире Столярского. Здесь было тесно от музыки. Во всех комнатах, в ожидании урока, у Столярского упражнялись ученики. Даже в ванной комнате играли. И такая музыкальная жизнь начиналась рано утром и заканчивалась поздно вечером. Жена и дочь Столярского к этому привыкли. А иной раз, совершая обход своих комнат, подбадривали играющих возгласами "выше скрипку" или "учи медленно". Казалось бы, что живущие в соседних квартирах должны были сойти с ума от этой музыки, но они стойко сохраняли свое здоровье и, как говорили в Одессе, "держали фасон". Столярский не знал даже обеденного отдыха, он ел во время занятий. В его рабочем кабинете, словно по конвейеру, сменялись ученики. В этом кабинете было много слушающих, держащих под мышками свои скрипки и приготовившихся тотчас же начать играть. Были и новички. Они еще не держали в руках скрипки и являлись только объектами для наблюдений Столярского. В числе таких "подопытных" и я оказался. Первое время Столярский мне не давал в руки скрипку. Но он чувствовал мое увлечение музыкой и дал мне первый урок. Рядом стоял Давид Ойстрах, который был старше меня на 9 лет. Столярский объяснял Ойстраху принципы своей педагогической

системы. После первого урока Столярский спрятал мою скрипку в шкаф и не дал взять ее домой. Он уверял, что еще рано самостоятельно заниматься, можно больше вреда нанести, чем пользы. Мне не хотелось отдавать скрипку. Но настал день, когда мне были разрешены самостоятельные домашние занятия. И я жадно играл, стремясь лучше выучить свой урок.

Мой первый концерт

Нельзя сказать, чтобы в Одессе пухли и умирали с голода, как это было в других городах России. В ресторанах угощали вкусной едой. Особенно выручала скумбрия. Ее ели в сыром, жареном и копченом виде. Еще подавали кефаль, бычки, камбалу. Выбор был большой. Не было недостатка в алкогольных напитках. Выручал самогон. Опьяневшие большевики испытывали величайшее наслаждение, демонстрируя в ресторанах свой боевой революционный дух. Стреляли не только в потолок, но и по живым людям. Бабель вспоминал, что в одном ресторане возле пианиста висело объявление: "просьба не стрелять в пианиста, играет как умеет". С хлебом было туговато. Но американцы, по своей доброте, решили спасти советскую власть, которую душил голод. В Одессу прибывали пароходы с зерном. Ленин перехитрил капиталистов и ловко воспользовался сочувствием к голодающим. Но не было сочувствия к невинным жертвам террора. На массовые расстрелы не реагировали. Убийцы получали солидные продовольственные пайки. Они пировали. Особенно в свои праздничные дни.

Помню, приближался день пятилетия октябрьского переворота. На стены обветшалых домов наплевывали красные полотнища, обмазанные лозунгами. Преображенскую улицу переименовали в улицу Троцкого. На этой улице был Преображенский собор. Его не успели закрыть. Верующие отстояли его. Регулярно доносился колокольный звон с этого собора. Кто-то умудрился назвать его собором имени Троцкого. Уж раз улица Троцкого, то и собор должен носить его имя. В Одессе готовились праздничные концерты. Недостатка в артистах не было. Куплетисты из ресторанов перешли в рабочие клубы. Концерты носили универсальный характер. Наряду с чтением революцион-

ных стихов, а также пением революционных песен, что относили к принудительному ассортименту, выступали фокусники, акробаты, шпагоглотатели, юмористы, куплетисты и скрипачи с серьезной классической музыкой.

Как-то кто-то явился к Столярскому и стал отбирать очередного скрипача для участия в концерте. Остановили выбор на моей персоне. Играл я концерт Вивальди. Слушавший меня некий комиссар, счел это произведение вполне соответствующим революционному духу. Моим родителям было объявлено, что я должен явиться в назначенный час в назначенное место и "никаких гвоздей". Родители покорно исполнили это приказание и привели меня в какой-то вонючий зал. До сих пор его помню. Кто-то блевал, кто-то дрался и матерился. По-видимому, слушатели этого концерта свято соблюдали обет Чингизхана и не мылись. Курили всякую дрянь. Дышать было нечем. Я задыхался и мне подносили к носу духи. Чтобы лучше меня видеть — поставили на стол. Аккомпанировала мне какая-то высокая тетка. Слушали с большим вниманием и наградили бурей аплодисментов. В награду за выступление дали небольшой мешочек муки. Это уже считалось высоким гонораром, даже для известных артистов. Тут же вручили справку об участии в концерте и с указанием о полученном гонораре. Этот документ подписал некий комиссар, увешанный с головы до пупа пулеметными лентами. Он плюнул на печать и резко придавил ее к бумаге. Мать поторопилась поскорее убрать меня из этого вонючего зала, в котором я задыхался. Выйдя на улицу, я жадно глотал свежий воздух. А мать приговаривала, что "завтра по-королевски отпразднует мой день рождения". И свое слово исполнила. Собрались родственники и гости. Ели пальцами мамалыгу, перерезая ее ниткой. Из муки мама сочинила вкусный пирог с капустой и рыбой. На столе появилась вишнёвка. Произносили самые замысловатые тосты с подтекстом. Рассказывали анекдоты. Меня заставили что-то сыграть и я исполнил для гостей упражнения и этюды, которые не требовали фортепианного сопровождения. Вдруг, среди веселья раздался страшный стук в дверь. Послышались крики и стрельба. Можно было подумать, что власть переменялась и большевиков выгнали из Одессы. Но этого, к сожалению, не произошло. В квартиру

ворвалась орава пьяных матросов. Они размахивали пистолетами и стреляли в потолок, выкрикивая отборную многоэтажную матерщину. "Это что еще за учредительное собрание?!" кричал один из вихрастых гостей. "Буржуи устроили пир во время чумы! Мы вас всех передущим как клопов!" Особенно свирепствовал в выражениях обладатель петушиного голоса, он истошно кричал: "За что мы боролись, за что кровь проливали?!" — "Контра! Гадины! Против революции заговор готовите! Не выйдет! Не выйдет!" Один из гостей незаметно скрылся в этой суматохе. Он сообразил, что дело "пахнет керосином". Эти тираны были безжалостны. Они не обращали внимания на крик моей сестры, на слезы женщин. Они были готовы убить и ребенка. Один из них отдал распоряжение собрать со стола всю еду и тотчас же с кровати содрали одеяло и стали в него складывать не только еду, но и посуду, и столовые приборы. С женщин срывали обручальные кольца и нательные кресты. "Вы все арестованы, — кричал "революционер" истошным голосом, — всех заберем в тюрьму!" Мать попросила меня взять в руки скрипку и громко играть. Один из тиранов пытался забрать у меня скрипку, но мать стала между мной и им, закричав: "Режь меня, убивай меня, а мальчика не трогай! Он вчера концерт давал для таких, как ты, а ты сегодня, в день его рождения хочешь у него скрипку отобрать?! Вот прочитай, что написано в этой справке!" Мать подала бумагу, но тираны заверили ее, что они неграмотные и читать всякую филькину грамоту не станут. Гости вооружились стульями. Кто-то направил пистолет на одного из гостей, но он дал осечку. Перспектива попасть в тюрьму никого не радовала, ибо знали, что обратно живыми оттуда не выходят. Неожиданно раздался настойчивый стук в дверь. Один из тиранов открыл дверь. Вошел целый отряд чекистов во главе с своим командиром. Этот отряд привел сбежавший гость. Появление командира привело налетчиков в явное замешательство. Они увидели, что командир явно им не "симпатизирует". А командир оказался бывшим учеником гимназии моих родителей и решил разобраться в происшедшем. Слово предоставили моей матери. Она показала справку о вчерашнем концерте, в которой было написано, что мне дали мешочек муки. Подпись на этой справке была довольно внушительной. И еще была показана

метрика, которая удостоверила мой день рождения. Как же не отпраздновать его в кругу семьи? К тому же мать сказала, что один из налетчиков съел целый пирог, который был изготовлен из подаренной за концерт муки. Это произвело впечатление. Командир приказал налетчикам выложить все оружие на стол и вывернуть карманы. На стол посыпались золотые изделия и серебро. Налетчикам связали руки и вывели из квартиры. На прощанье командир сказал, что завтра будет все улажено и нам дадут охранную грамоту. "Вот пришли грабить наших дорогих учителей, — смущенно сказал командир, — наберут золото и всякие ценности, а потом садятся на пароход и бегут из России. Знаем мы таких молодцов. Им только дай в руки маузер, они и пойдут убивать и грабить". Командир вежливо попросился и обещал завтра же прийти. А ведь могло случиться и худшее. Могли всех гостей забрать в тюрьму и там прикончить, выдвинув какое-нибудь нелепое обвинение.

Утром следующего дня явился "наш избавитель" с тремя матросами. Он вручил охранную грамоту и велел в случае чего назвать имя какого-то комиссара, который уже знает обо всем. На стол положили два мешочка американской муки, дорогие вина, шоколад и разные продукты. Тут же было мне передано приглашение выступить в каком-то концерте. Пришлось согласиться. Это был концерт-митинг. Меня поставили на стол и я должен был играть. Кое-как настроил скрипку и в сопровождении рояля сыграл все три части концерта Вивальди. А когда попросили еще сыграть, мне ничего не оставалось, как сыграть какой-то этюд. Но меня не отпускали со сцены. Тут я набрался храбрости и сыграл революционную песню "Мы кузнецы". Из зала стали подпевать. Успех был невероятный. Наконец меня отпустили со сцены. К матери подошел какой-то комиссар в кожанке. Он вручил драгоценные подарки для матери и для меня, и заверил, что мы находимся "под особой охраной". Дано об этом специальное распоряжение. И еще просили передать сердечную благодарность профессору Столярскому. Но об этом уже заблаговременно позаботились и когда на следующий день я был у него на уроке, Столярский уже все знал до мельчайших подробностей. Очень его позабавило, что я сыграл обыкновенный этюд, который годится лишь для тренировки пальцев. А

потом вполне серьезно Столярский сказал: "вот видишь, как полезно учить этюды, да еще наизусть!" Столярский знал, что меня будут часто приглашать на концерты и отказ будет воспринят, как недружелюбное отношение к советской власти. Пришлось подумать о моем концертном репертуаре. Да еще надо было разучить разные революционные песни. Но я мог их играть по слуху. Тут же Столярский сказал какие песни надо играть. Не дай Бог сыграть что-нибудь из песен белой армии! Так из меня сделали малолетнего виртуоза. Я выступал в концертах не только в Одессе, меня возили и на далекие расстояния. На одном из концертов ко мне подошел Исаак Бабель. Так началось наше знакомство. Спустя много лет Бабель вспоминал наше первое знакомство. Даже собирался написать об этом рассказ. Но не пришлось это желание осуществить. Его жизнь преждевременно оборвали.

Нэпманская музыка

Брат моей матери, дядя Гриша, удивительно хорошо разбирался в политике. К нему часто обращались с просьбой разъяснить политическую обстановку и он мог дать точный ответ. Газетным сообщениям перестали верить. Слишком большая разница была между газетной писаниной и реальной действительностью. Помню, дядя Гриша говорил: "Одесский порт был в свое время переполнен зерном и отсюда оно шло в разные страны, Россия кормила полмира, а теперь Россия просит милостыню. Так долго продолжаться не может". И дядя Гриша оказался прав. Новая политическая система появилась. Нужны были частные предприниматели, торговцы, инициативные люди. Словом, надо было возродить "буржуев" и дать свободу труженикам. Вот и дали советской стране новую экономическую политику — НЭП. Жизнь в многострадальной стране стала иной. Одесский рынок, который еще называли "привоз", испытывал возрождение. Появились нарядно одетые дамы. Заграничная продукция стала доступной. Прекрасные костюмы, дамские чулки, дамское белье иностранного производства можно было приобрести без особого труда. Немало старались моряки, привозившие из заграничного плавания предметы широкого потреб-

ления. Помню, один моряк регулярно привозил мне струны для скрипки. В СССР их разучились делать. На советских струнах невозможно было играть, они были фальшивы, как и советские государственные деятели. Нэпманы плевали на революционные песни и распространяли модные песенки Запада. Им не нужны были танцы в два притопа и в три прихлопа, им нравилось аргентинское танго и фокстрот. От фокстрота тогда просто сходили с ума. Фокстрот был неким гибридом рэгтайма и уанстепа. От этих своих "родителей" фокстрот унаследовал четкий моторный ритм, державший танцующих в полном подчинении.

Помню, в конце января 1924 г. меня пригласили в один дом, чтобы прослушать приобретенные у одесских моряков пластинки с записями фокстротов. Платили за пластинки очень дорого. Обладатели их испытывали чувство особой гордости. Иностранные моряки обучали технике танца. Впрочем, в Одессе открылись и частные школы танца, здесь можно было, как говорили в Одессе, "стать полноценным человеком". Одесские таперы, сопровождавшие немые кинофильмы, сразу же восприняли на слух модные фокстроты. Теперь они предпочитали посещать богатые "вечеринки" в квартирах нэпманов. Платили куда лучше, чем в кинотеатрах. Эти одесские вечеринки именовались "междусобойчиками". Если в ином доме не было граммофона или пианино, устраивали самодеятельный джаз, в котором участвовало пение на гребешках и удары столовых ложек по столу. Джазомания захватывала все слои советского общества. Многие известные советские композиторы не избежали влияния джаза. Невольно вспоминается советский пианист Александр Цфасман. Он мог бы, как виртуоз, сделать большую карьеру, его фортепианная техника была на самом высоком уровне. Он был ученик Ф. М. Блуменфельда, очень строгого музыканта, который мог лишь себе позволить сделать фортепианную транскрипцию концертного "Вальса" Глазунова, созданного для симфонического оркестра. Но Александр Цфасман одним из первых увлекся джазом. Сев за рояль, он мог заменить целый оркестр, а его технические пассажи представлялись головоломной загадкой. Хорошо помню его концертные выступления в Одессе. Как говорили тогда, это было "землетрясение". После сильного землетрясения в Крыму, ошущавшегося даже в Одессе, стало в

обиходе слово "землетрясение" и его применяли для выражения чувства восторга. Одесситы любят образно выражаться.

Наряду с джазом возродилась любовь к цыганскому романсу. Помню выступления в Одессе знаменитой грузинской певицы Тамары Семеновны Церетели. У нее было прекрасное контральто. Имела она отличную подготовку в тифлисской консерватории. Могла бы стать знаменитой Кармен или Далилой, но предпочла цыганские песни. И добилась в этом полного признания. Ее выступления в Одессе взбудоражили весь город, спекулянты наживались на перепродаже билетов. Тамаре Церетели аккомпанировал композитор Борис Прозоровский. Нельзя сказать, чтобы это был простой аккомпанемент, это была творческая импровизация с богатой фантазией. Прозоровский умел из простой песни создать целую рапсодию. Прозоровский был также автором многих известных цыганских песен, в том числе "Вернись, я все прощу". В моем репертуаре оказались "Цыганские напевы" Сарасатэ и меня, несмотря на мой 8-летний возраст, приглашали участвовать в вечерних концертах Тамары Церетели. Много позднее Тамара Семеновна вспоминала мое участие в ее концертах в Одессе. Впрочем, был у меня собственный импресарио, который возил меня на концерты. Профессор Столярский его ненавидел и считал жуликом. Мать его выгоняла из квартиры. И все же он умел уговаривать, и я принимал участие в концертах. Частное предпринимательство широко распространилось в музыкальных сферах. Появлялись ноты с обозначением "собственность издателя". Они выходили огромными тиражами и быстро раскупались. Это могли бы засвидетельствовать композиторы Юлий Хаит, Матвей Блантер, братья Покрасс, Исаак Дунаевский, Борис Прозоровский, Борис Фомин и многие другие.

Невольно вспоминается мне Юлий Хаит. Он не раз приезжал в Одессу. В Москве он занимал должность сотрудника отдела охраны авторских прав. Словом, не давал в обиду композиторов. Он часто заглядывал в нашу квартиру. Иной раз садился за пианино и мне аккомпанировал. Его цыганские романсы пользовались исключительным успехом. Их распевали повсюду. Но он стремился к сочинению серьезной музыки. Так он предложил мне свою сонатину для скрипки. Я несколько раз

сыграл ее в концертах. Но при упоминании имени Юлия Хаита публика хотела услышать душещипательные цыганские мелодии, а их в сонатине не было. И получался конфуз. В 1921 г. Юлий Хаит сочинил на слова поэта Павла Германа марш "Всё выше". Этот марш охотно пели. А куплетисты добавляли к нему свои злободневные стихи. Припев "всё выше и выше, и выше" служил темой для разнообразных словесных вариаций и дамской моды. Когда утвердились в своей власти "пролетарские музыканты", песенка "Всё выше" оказалась мишенью для идеологической борьбы. Что только ей не приписывалось! Она, по мнению пролетарских музыкантов, была буржуазной, мешанской, парализовала волю трудящихся и т. п. Но в 1933 г. приказом К. Е. Ворошилова песенка "Всё выше" была провозглашена официальным маршем военно-воздушных сил СССР. И поныне этот приказ остается в силе.

Неплохо жилось при НЭПе. У нэпманов были роскошные квартиры, было желание транжирить деньги. Правда, немало крови портили нэпманам финансовые инспекторы, облагавшие их налогами. Но и финансовые инспекторы были живые люди. Их удавалось подкупать взятками. Далеко не все нэпманы интересовались легкой музыкой. Были и настоящие любители классической музыки. Они устраивали домашние концерты по старинным образцам. Эти концерты я хорошо помню. Не только присутствовал на них, но и сам играл. Здесь можно было за-быть все на свете.

Первое путешествие в Москву

Моя сестра очень преуспевала на пианистическом поприще. Ей прочили большую карьеру. Покинувшая Одессу профессор Г. М. Бибер, у которой сестра училась, уговорила моих родителей отвезти ее в Москву к Блуменфельду. Также уговорила и меня прихватить с собой. В Москве проживал мой дядя со стороны отца. В молодости он увлекался политикой, примыкал к революционерам, даже был лично знаком с Троцким и Бухариным. Свою фамилию он изменил. Вместо Гольдштейн стал называться Юрьев. Так получился Юлий Юрьев — партийный работник, занимавший в Москве ответственные должности. Дядя

Юля жил в роскошной квартире на улице Грановского, где его соседями были видные партийцы. Но однажды он попал в немилость, был репрессирован в 1937 г. Потом его реабилитировали. Его дочь Люся уехала в Америку. Родная сестра дяди Юли давно жила в Америке. С ней поддерживались тесные связи. Вот и был повод объявить дядю Юлю американским шпионом. Но в 1926 г. он пользовался многими благами своего положения. Так и направились мы к нему в Москву. Встретил он нас довольно прохладно, но не безучастно. Дядя Юля хорошо знал оперного певца Михаила Васильевича Луначарского. Он был родным братом наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского. В свое время Михаил Васильевич был известным певцом и пользовался вниманием Н. А. Римского-Корсакова, который посвятил ему свой романс "Томительно влекутся дни мои". Не раз выступал он в операх Римского-Корсакова в заглавных партиях. Также его высоко ценил А. К. Глазунов, с которым он был в дружеских отношениях. В 1914 г. Михаил Васильевич оставил сценическую деятельность. Последние годы провел в Москве, где и умер в 1929 г. Как сейчас вспоминаю первую встречу с Михаилом Васильевичем в 1926 г. Он отнесся ко мне с повышенным интересом. Более часа я играл перед ним весь свой репертуар. А был он довольно солидный и включал сложные виртуозные произведения. "Цыганские напевы" Сарсатэ пришлось сыграть дважды. Потом он стал просматривать мои собственные композиции. Среди них были мои романсы на стихи Есенина и Анны Ахматовой. Тут же Михаил Васильевич попытался их спеть. Потом он шутя мне сказал: "теперь я не оставлю тебя в покое, обязательно пожалуюсь моему брату на тебя". И эту угрозу он исполнил. Встал вопрос о направлении меня за границу для занятий по скрипке и по композиции. Намечалась поездка в Берлин. В то время многих талантливых молодых музыкантов командировали для учебы за границу. Были среди них альтист Вадим Борисовский, арфистка Вера Дулова, скрипач Борис Фелициант. Часто командированные отказывались вернуться на родину. Но этому тогда не придавали большого значения и изменниками родины их не считали.

Вскоре идея о моей командировке за границу стала обретать реальные формы. Было организовано свидание с композитором

Михаилом Михайловичем Ипполитовым-Ивановым. До 1922 г. он возглавлял московскую консерваторию. А потом сохранилась за ним должность профессора консерватории по классу композиции. Жил он в здании консерватории. Пришел я к нему с своей маленькой скрипкой. Сыграл концерт Моцарта и "Меланхолическую серенаду" Чайковского. Он сказал: "играешь ты совсем как взрослый, как зрелый скрипач, даже не верится, что ты еще ребенок. Обман зрения". К моим композициям Ипполитов-Иванов отнесся исключительно внимательно. Сам их проигрывал на рояле, сам подпевал. Выразил желание, чтобы я к нему приходил на уроки по композиции, и не возражал, чтобы меня отправили за границу, особенно в Берлин. Там жил его друг немецкий композитор русского происхождения Пауль Юон, родной брат московского художника Константина Федоровича Юона. Пауль (Павел) Юон был учеником С. Танеева и А. Аренского. Помню слова Ипполитова-Иванова: "у Павлуши есть чему поучиться, он получил крепкое русское музыкальное образование". А потом с усмешкой сказал: "и надо же было Павлуше в Берлин махнуть, теперь приходится к нему ехать".

Михаил Васильевич Луначарский организовал мое свидание со своим братом. Насколько мне помнится, эта встреча произошла в здании МХАТа. Анатолий Васильевич Луначарский был чрезмерно занят и не так было просто его застать в здании народного комиссариата просвещения. Но в здании МХАТа с ним легче было встретиться. Не знаю почему он сюда так часто заглядывал, быть может, были интимные интересы. В назначенное время меня привели в здание МХАТа. Помню, вышел мне навстречу Константин Сергеевич Станиславский и, с удивлением посмотрев на мальчика со скрипкой, спросил: "это что еще за человек с футляром к нам явился?" Вскоре показался Луначарский, подошел ко мне. "Мне так много говорили о маленьком Мише, что я должен был организовать "мишеловку". Пойдемте со мной". Станиславский с удивлением посмотрел вслед, он не был в курсе дела. Меня привели в небольшую комнату. Там сидели две молодые актрисы. Я сыграл в сопровождении рояля "Весеннюю сонату" Бетховена. Должен заметить, что Луначарский был особенным поклонником творчества Бетховена, считая его революционным композитором. Не раз Луначарский писал и

выступал с докладами о творчестве Бетховена. Имя Бетховена по распоряжению Луначарского присваивалось разным музыкально-учебным заведениям, концертным залам. Так концертный зал при московском Большом театре получил имя Бетховена. Одесскую консерваторию переименовали в музыкально-драматический институт имени Бетховена. Словом, было основание считать Луначарского "бетховено-поклонником". Высказав несколько мыслей о значении творчества Бетховена для пролетарских масс, для большевиков, Луначарский подтвердил необходимость отправки меня в Берлин для продолжения музыкального образования. И добавил при этом, что советское правительство опекает талантливых людей, делает все возможное для развития их способностей, в деньгах не будет никакой нужды, все расходы будут оплачены и будет выделена большая стипендия. Только Луначарский хочет посоветоваться со своим другом профессором Львом Цейтлиным. Речь идет о его рекомендациях по выбору педагога. Останавливались на имени Карла Флеша. Но в Берлине ли он сейчас? Ходили слухи, что он в Америке. Словом, Лев Цейтлин лучше знает. А может быть следует послать меня в Париж? Там есть Люсьен Капэ. Луначарский знал его лично и даже писал статью о нем — "У музыканта" (А. Луначарский, "В мире музыки", Москва, 1971). Конечно, и Лев Цейтлин знает Люсьена Капэ, одно время он жил в Париже. Словом профессор Лев Цейтлин должен решить куда мне следует поехать. Может быть направить в Вену? Кстати, как сказал Луначарский: "я недавно отправил в Вену 13-летнего композитора Юлиана Крейна, удивительно талантливого мальчика, возлагаю на него большие надежды". Хочу немного рассказать о Юлиане Крейне. Уже в раннем детстве он проявил исключительные музыкальные способности. Он учился композиции у своего отца — композитора Григория Крейна. Также показал себя прекрасным пианистом. В одиннадцатилетнем возрасте (в 1924 г.) Юлиан представил публике свою первую сонату для фортепиано. Это произведение вызвало огромный интерес. Мальчика считали гением. Поражала удивительная смелость в гармониях, богатая творческая фантазия. Правда, ощущалось влияние Скрябина. Но у мальчика была ярко выраженная индивидуальность. Его ранние произведения были изданы. От мальчика ожидали

многое. В 1926 г. Луначарский отправил его за границу. Сперва в Вену. Но там, по-видимому, своенравный мальчик не нашел общий язык с педагогами. С 1928 г. Юлиан Крейн учился в Париже в "Эколь нормаль". Он обучался у знаменитого композитора Поля Дюка, автора популярного симфонического произведения "Ученик чародея". В этот период Юлиан Крейн сочинил концерты для фортепиано и для виолончели, а также другие интересные произведения. В 1932 г. Юлиан закончил "Эколь нормаль" и остался в Париже до 1934 г., где занимался широкой концертной деятельностью. В 1934 г. Юлиан вернулся в Москву и стал преподавать в московской консерватории инструментовку. На этой должности он удержался до памятного 1937 г. После 1937 г. долгое время о нем ничего не было слышно. Не знаю, что с ним произошло. Лишь после войны Юлиан Крейн снова появился на композиторском горизонте. Я не раз с ним встречался и беседовал в Москве. Он вспоминал о своем детстве, о Париже. Еще в 1934 г. Юлиан Крейн сочинил балет "Галатей" (по-видимому, писал в Париже), но он не был до сих пор поставлен на сцене. Я слушал немало его послевоенных произведений. Они были созданы на высоком профессиональном уровне, но чего-то в них не доставало. Вероятно, не доставало полной творческой свободы для самовыражения, чувствовалась скованность мысли. Словом, он не оправдал возложенных надежд.

Мой визит отнял у Луначарского около трех часов. За это время он мог бы решить важные государственные дела. Во всяком случае было лестно, что такой важный нарком оказал мне большое внимание. Сидевшие рядом с Луначарским молодые девицы, почему-то его уговаривали послать меня именно в Париж. А одна из них даже предложила меня сопровождать. Ведь в моем возрасте нужна особая опека. Луначарский обещал быстро все решить. Но сперва хотел знать мнение Льва Цейтлина. Этому мнению придавалось большое значение. Поэтому была назначена встреча с Цейтлиным в здании московской консерватории. В сопровождении матери и сестры я вошел в его класс. Он с кем-то занимался и пришлось немного подождать. Профессор Цейтлин уже был в курсе дела и мне лишь оставалось взять скрипку и играть. Не менее часа я демонстрировал

свой репертуар. Он слушал молча и сосредоточенно. Иногда произносил лестные слова одобрения. После окончания игры Цейтлин высказал свое мнение: "Вне всякого сомнения мальчик обладает исключительным дарованием. Многие мне напоминают юного Яшу Хейфеца. Но не совсем понимаю, почему надо увозить мальчика за границу? Разве у нас нет хороших педагогов? Я очень высоко ценю профессора Столярского. Но и в Москве есть немало прекрасных педагогов. Мальчик еще успеет поехать за границу. Лучше если он будет представлять русскую скрипичную школу. А уж если отправлять за границу, то лучше всего в Америку, к знаменитому Леопольду Ауэру, у которого учился Хейфец. Я сам напишу письмо Ауэру, он был моим учителем. А пока советую определить его в Московскую консерваторию. Дадим ему большую стипендию, обеспечим хорошие условия существования. Здесь он по композиции будет учиться". Цейтлин поинтересовался также моей сестрой. Феликс Блуменфельд ее прослушал и согласился взять в свой класс. "Вот видите, — заметил Цейтлин, — мальчик не будет в одиночестве". Цейтлин обратился ко мне с вопросом, желаю ли я у него заниматься? "С большой радостью", — последовал мой ответ. Так возникла совсем иная ситуация. "Очень легкомысленно мы поступаем с нашими талантами, выбрасываем их за границу, как ненужную вещь", — вдруг заявил профессор Цейтлин. А потом продолжал: — "достаточно русских музыкантов уже покинули нас! Надо и дома кое-кого приберечь. У нас есть хорошие педагоги и им нужны талантливые ученики. Вот, покинули нас самые лучшие дирижеры и пришлось мне организовать симфонический оркестр без дирижера. Допустим, что без дирижера кое-как обойдемся, а как обойдется оркестр без скрипачей?"

В 1922 г. Лев Цейтлин организовал в Москве своеобразный симфонический оркестр — "Персимфанс" (первый симфонический ансамбль). Этот оркестр играл без дирижера. Но это не мешало оркестру демонстрировать высочайший класс игры и исполнять сложнейшие симфонические произведения. Великолепно оркестр аккомпанировал солистам, в том числе Владимиру Горовицу, Ж. Сигети, С. Прокофьеву, К. Цекки и множеству других. А ведь при аккомпанементе требовалась особая чуткость и контакт с солистом. В составе "Персимфанса" были не

только опытные оркестровые музыканты, но также и студенты консерватории. Тем не менее существовала в оркестре исключительная творческая спаянность и сыгранность. Концерты "Персимфанса" имели огромный успех. Предпринимались попытки подражания "Персимфансу" в Германии и в Америке. В 1932 г. правительственным декретом, без каких-либо творческих оснований, "Персимфанс" был ликвидирован. По-видимому, в правительственных кругах сочли неприемлемым такой вид музыкальной демократии и отсутствие диктатора. Это было заразительным примером. Музыканты должны подчиняться диктатору! Профессор Цейтлин предложил мне послушать репетицию "Персимфанса". Моему восторгу не было предела. Словно зачарованный я сидел в партере Большого зала консерватории. Не раз до того бывал я на симфонических концертах и не раз присутствовал на репетициях. Но здесь я попал в особую атмосферу, в особое царство звуков. Это забыть невозможно.

Как и следовало ожидать, Лев Цейтлин сумел убедить Луначарского в нецелесообразности посылать меня за границу. Оказывается, не однажды Цейтлин препятствовал подобным командировкам молодых скрипачей. Было ли это лучше или хуже, сказать трудно. Ведь по-разному складывается карьера молодых виртуозов. Теперь встал вопрос о моем поступлении в Московскую консерваторию. Но тут возникло неожиданное препятствие. Оказывается, что существовал в Московской консерватории утвержденный на верхах закон о возрастных границах. Специальной детской группы при консерватории не было. Не было и вольнослушателей. Уж раз приняли в качестве студента, то должен посещать все дисциплины, особенно политические предметы. Где же мне было разобраться в диамате (диалектическом материализме) или в политэкономии! Историю музыки и гармонию еще могу осилить, а с диаматом не так просто. Тогдашний директор консерватории Константин Николаевич Игумнов, замечательный русский пианист, не допускал меня к приемным экзаменам. Он утверждал, что если меня допустят к экзаменам, значит надо принять в консерваторию. Он не сомневался, что я выдержу экзамен. Пришлось обратиться за помощью к А. Луначарскому. Снова назначено было свидание в помещении МХАТа. На сей раз возле Луначарского была целая

группа лиц мужского и женского пола. Помню, Луначарский сказал: "До чего у нас развилась бюрократия! Живых людей не видят. Боятся букву закона переступить. Ну и бюрократы!" Луначарский написал специальное письмо на имя профессора Игумнова, в котором предписывалось допустить меня к экзаменам. Эту формальность надо было соблюсти. Игумнов подчинился. Я пришел в Малый зал консерватории, где конвейером проходили один скрипач за другим. Приемная комиссия была многочисленной. Да еще в зале была и публика. До меня уже дважды прозвучал ре-мажорный концерт Моцарта. А я, как раз, собирался его сыграть. Профессор Цейтлин просил не менять мою экзаменационную программу. Мое исполнение концерта Моцарта было встречено продолжительными аплодисментами. Во время обсуждения моей кандидатуры профессор Цейтлин заявил: "А знаете ли, уважаемые коллеги, что польский скрипач Генрик Венявский в одиннадцатилетнем возрасте окончил парижскую консерваторию? Что же по-вашему, Москва хуже Парижа? Давайте закроем глаза на возраст и будем строго судить о качестве исполнения. Ведь играл он лучше своих взрослых предшественников?" Мне поставили высокую экзаменационную отметку, но вопрос о приеме остался открытым. Все же Луначарский настоял на моем приеме в консерваторию и поручил Главпрофобру (отдел Наркомпроса, который расширяется: главное управление по профессиональному образованию) выполнить его распоряжение. Так, в моих руках оказалась справка из Московской консерватории о принятии в число студентов. Эта справка уцелела каким-то чудом в моем архиве и сейчас я смотрю на нее с повышенным любопытством. Вот текст справки: " — Р.С.Ф.С.Р. — Наркомпрос — Главпрофобр — Московская государственная консерватория. Октября 12 дня 1926 г. № 569. Ул. Герцена (б. Б. Никитская) 13. При ответе ссылаться на наш исходящий номер. СПРАВКА. Осенью сего года мальчик М. Гольдштейн был принят в Консерваторию, как особо одаренный по своим музыкальным способностям. Принятие его в консерваторию состоялось на основании особого разрешения Главпрофобра РСФСР. Секретарь: К. Епифанова". Принятие моей 16-летней сестры в консерваторию прошло без особых затруднений. Теперь нам предстояло совместно

посещать диамат и политэкономиию.

С каждым появлением в консерватории у меня расширялся круг знакомых. Особенно заинтересовался мною профессор Александр Борисович Гольденвейзер. Он в свое время был другом Льва Толстого. В шахматы играл с писателем. Помню предложение Гольденвейзера обучаться игре на фортепиано. Действительно, по программам учебных планов полагалось посещение класса "общего фортепиано". А я никогда не брал уроки игры на этом инструменте. Но все же был в состоянии кое-что сыграть. Почему-то меня увлекала игра на виолончели. Как сказал по этому поводу разговорившийся со мной профессор Анатолий Андреевич Брандуков, "при игре на скрипке я испытывал потребность в восполнении недостающих басовых нот". Анатолий Андреевич Брандуков считался одним из наиболее ярких русских виолончелистов. В свое время он часто посещал И. С. Тургенева и Полину Виардо в Буживале, близ Парижа. Тургенев восторженно отзывался об игре Брандукова. А с П. И. Чайковским Брандуков был связан особой дружбой. Брандуков был учеником Василия Федоровича Фитценхагена — профессора Московской консерватории. Чайковский высоко ценил игру Фитценхагена и посвятил ему свои знаменитые "Вариации на тему рококо" для виолончели с оркестром. Кстати, рукопись этого произведения Чайковского была подарена Фитценхагеном Брандукову. Чайковский, в свою очередь, посвятил Брандукову другое свое произведение для виолончели с оркестром "Пешчо каприччиозо". Сергей Васильевич Рахманинов посвятил Брандукову свою замечательную сонату для виолончели и фортепиано и часто исполнял ее с ним в концертах. Когда хоронили в Петербурге П. И. Чайковского, Брандуков неоднократно подходил к открытому гробу и целовал мертвого композитора. Этот факт дал повод усомниться в том, что Чайковский умер от заболевания холерой. Выдумывались разные версии о причине смерти Чайковского, вплоть до его отравления. Да и сейчас некоторые "знатоки" биографии Чайковского проявляют склонность к фальсификации. Я не раз по этому поводу говорил с видными врачами и они подтвердили, что труп Чайковского уже не представлял опасности заражения этой инфекционной болезнью. Неоднократно я

говорил на эту тему с племянником композитора Чайковского — Юрием Львовичем Давыдовым, который более 20 лет был главным хранителем Дома-музея Чайковского в Клину. Он подтвердил, что причиной смерти было заболевание холерой. Это же подтвердил и известный в свое время врач Василий Бернардович Бертенсон, лечивший Чайковского. Кстати, на эту тему недавно зашел разговор с родственником доктора Бертенсона писателем Константином Евгеньевичем Аренским (Аренсбургером), ныне проживающим в Америке. В июне 1981 г. Константин Евгеньевич побывал в Гамбурге и мы могли подробно поговорить на эту тему в связи с фальшивыми "разоблачениями" некоей новой эмигрантки Орловой, опубликовавшей в печати бездоказательную неправду.

Много интересных личностей встретил я в консерватории. Обо всех не расскажешь. Я обладал чувством повышенного любопытства. Мне очень хотелось побольше знать о знаменитостях Московской консерватории. А они так запросто ходили по лестницам и вестибюлям, с ними можно было запросто поговорить. Заинтересовало меня знакомство с профессором Надеждой Яковлевной Брюсовой, сестрой замечательного русского поэта. Она была проректором консерватории и проявляла интерес к моим посещениям разных лекций. Меня временно освободили от посещения политических предметов. Об этом успел распорядиться Луначарский. Но посещать музыкально-теоретические предметы было надо. Вот я и посещал класс теории музыки у Н. Я. Брюсовой. Она была известна и как выдающийся музыкальный этнограф. А меня эта наука особо привлекала.

Было немало среди студентов консерватории выходцев из Одессы и это обязывало меня поддерживать с ними знакомство. Так обратил на меня внимание студент композиторского отделения Александр Давиденко (родился в Одессе, на 18 лет раньше меня). Я пытался его называть дядя Саша, но он мне запретил и велел запросто величать его Сашей. Ведь мы были равноправными студентами консерватории. Узнав о моих композиторских склонностях, Саша захотел познакомиться с моими опусами. Но с разочарованием узнал о моем поэтическом вкусе. "Когда-то и я писал романсики на стихи Есенина и Ахматовой, а потом понял,

что это нам не нужно. Нам нужны боевые стихи, вдохновляющие пролетарские массы”, — поучал меня Саша. В 1925 году он организовал в Московской консерватории так называемый ПРОКОЛЛ. Это странное по звучанию, двусмысленное слово расшифровывается довольно просто: производственный коллектив студентов-композиторов Московской консерватории. Но шутя говорили, что члены этого коллектива прокололи сознание талантливых композиторов своими бредовыми идеями. Еще их называли “проколотыми”. Инициатором создания ПРОКОЛЛа был неумный и чрезмерно активный Саша Давиденко. И он привлек в свой коллектив композиторов Зару Левину, Бориса Шехтера (оба из Одессы), В. Белого, М. Ковалю, Н. Чемберджи и др. За что боролись проколловцы? Они презирали академические формы музыкального творчества, отвергали симфоническую и камерную музыку, презирали оперу и оперетту. Их цель — создание массовых песен. И нашлись партийные чиновники, которые разрешили им прокалывать мозги своими примитивными массовыми песнями. Их поддерживали в печати, ставили в пример. А ведь по существу они были голыми королями. В то время в Москве жили и творили музыку яркие по своей творческой натуре композиторы. Их произведения исполнялись не только в СССР, но и в других странах. Венское музыкальное издательство “Универсаль-Эдитион” охотно печатало их произведения. Назову имена: Михаил Гнесин, Николай Мясковский, Рейнгольд Глиер, Николай Рославец, Александр Гедике, Анатолий Александров, Александр Веприк, Василий Ширинский, Александр Мосолов, Самуил Файнберг, Климентий Корчмарев, Леонид Половинкин, Сергей Потоцкий, Лев Книппер, Сергей Василенко, Генрих Литинский и другие. Они создавали оперы, симфонии, камерную музыку, вокальные и инструментальные произведения. Эти произведения жили на концертной эстраде и пользовались заслуженным успехом. В данном случае я не называю ленинградских композиторов. А их было тоже много и они создавали истинные музыкальные ценности. Что же мог противопоставить ПРОКОЛЛ? В 1926 г. в качестве “козырной” песни фигурировала “Конница Буденного” на слова Н. Асеева. Музыка сочинил Александр Давиденко. Зачем понадобилось в 1926 г. воспеть подвиги Буденного, да к тому же не всегда

удачные? Как ни странно, я до сих пор помню эту песню. Ее мелодия проникнута солдафонским духом. Помню и слова: "конница Буденного, дивизия вперед". Эти слова многократно повторялись. Как известно, конница Буденного не раз бежала и назад. Кто-то меня уверял, что некоторые интонационные обороты этой песни взяты из казачьего фольклора. Не берусь судить, но думаю, что казачий фольклор куда богаче по своей мелодической выразительности. Об этом свидетельствуют сборники казачьих песен, собранных выдающимся фольклористом Александром Михайловичем Листопадовым. На пороге моего 9-летия я еще не мог похвастаться своими знаниями музыкальной литературы, но у меня было музыкальное чутье, был свой вкус. Я испытывал ужасный стыд, когда наблюдал насильственную организацию исполнения "Конницы Буденного". Заставляли петь студентов консерватории. Заставляли петь в клубах, издавали ноты. Помню композитор Р. Глиер, у которого учился Давиденко, увидя изданные ноты "Конницы Буденного", смущенно сказал: "вот и выбросили деньги лошадям под хвост". А ведь учеником Глиера был сам Сергей Прокофьев! Да еще надо знать, что в 1926 г. бумага в СССР была в ограниченном количестве и ее жалели даже для издания первоклассных произведений! "Проколловцы" шли в лобовую атаку. Они много кричали, клялись именем партии большевиков. Сперва на это не обращали должное внимание, но потом эти лихие рубаки стали применять административные меры воздействия. Они стали контролировать музыкальный репертуар. Одни произведения разрешали к исполнению, другие запрещали. В дальнейшем ПРОКОЛЛ перерос в новую мощную организацию и стал называться РАПМ. Это — Российская ассоциация пролетарских музыкантов. Здесь уже были мощные органы воздействия. Прежде всего сразу два журнала — "Пролетарский музыкант" и "За пролетарскую музыку". Да еще в газете "Правда" была мощная поддержка РАПМовцам. К тому же — органы контроля за репертуаром. Во главе РАПМа маячила фигура Александра Давиденко. О нем я расскажу подробнее в своих дальнейших воспоминаниях. Как-то о песне "Конница Буденного" я говорил с Михаилом Васильевичем Луначарским. Он хорошо понимал ее качество и в полушутливой форме заявил: "надо же чем-нибудь угодить обижен-

ному Буденному. Не беда, что песня плохая, важно, что ее поют и произносят имя Буденного”.

Не могу пожаловаться на внимание, которое мне оказывалось в консерватории. С восторгом я посещал занятия у профессора Цейтлина. Он поражался моему умению быстро выучивать сложные произведения. Собирался мне предоставить возможность выступить в открытом концерте в сопровождении ”Персимфанса”. Правда, бытовые условия моей жизни были не совсем удачные. Меня поселили с моей матерью в студенческом общежитии в районе Гальяновки. А оно не отличалось хорошим санитарным состоянием. Всё обещали поселить на частной квартире, но не спешили выполнять обещание. В этом общежитии не было условий для нормальных занятий. А мне нужно было выкраивать не менее 4 часов в день. Вот и приходилось искать пристанище для занятий. А еще встал вопрос о моем посещении общеобразовательной школы. Без этого не обойтись. Уроки по композиции я посещал в классе Ипполитова-Иванова. Мне было дано задание сочинить тему с вариациями. Но где сочинять музыку? В общежитии нет покоя от разнообразных музыкальных инструментов. Нужна сосредоточенность. А это не так просто было организовать. Михаил Васильевич Луначарский возмущался, что не удалось меня отправить за границу. Моей сестре как-то повезло. Ее устроили в одной семье на полном пансионе. А я проживал в грязном общежитии. В этом общежитии вспыхнула эпидемия тифа. Когда я слег в постель, моя мать твердо решила увезти меня из Москвы в Одессу. Там был отец и маленький брат Буся. Сперва был план их приезда в Москву. Но мое заболевание тифом настолько напугало маму, что она отказалась от этого плана. Даже сестру хотела забрать в Одессу. Дядя Юля отговаривал и просил немного подождать. Но мать была неумолима. В больном виде она привезла меня в Одессу. А тем временем в Москве подыскивали хорошую квартиру и выхлопотали солидную стипендию. Писали письма из Москвы с предложением немедленно вернуться. Но о возвращении мать не хотела и слышать. После моего выздоровления я снова появился в квартире Столярского. Он приветливо меня встретил и обещал ”дать реванш Москве”. Обещал, что сам привезет меня в Москву и покажет мои успехи. Вскоре я убедился, что в Одессе также

много интересных концертов и приезжает сюда немало знаменитостей. В Одессе были педагоги и по композиции. После московских морозящих дождей, солнечная погода в Одессе доставляла особую радость. Город жил весело и привольно. Я охотно рассказывал о своих московских приключениях. Более всего интересовались моими рассказами о встречах с наркомом просвещения Анатолием Луначарским. Также рассказывал о композиторе Ипполитове-Иванове. Вспоминал Сашу Давиденко, которого мало знали в Одессе. Вскоре я убедился, что в Одессе жить веселее. Но я не терял надежды снова попасть в Москву.

Мой младший брат непременно хотел играть на скрипке. Он всячески настаивал. Даже объявлял голодовку. Привели его к профессору Столярскому. После короткого испытания Столярский признал его своим учеником. Мне, как старшему брату, было доверено репетировать с ним и помогать разучивать задания. Свое 9-летие, наступившее 8 ноября 1926 г. я отпраздновал в Одессе. Накануне играл в одном праздничном концерте. Уплатили за выступление чистыми деньгами, дали пригорошню серебряных рублей и полтинников. Подарили новую скрипку большего размера. Теперь надо было показать, на что я способен. Так закончился первый акт моей жизни. Занавес опустился и наступила передышка перед вторым актом.

Михаил Гольдштейн

ПИСЬМА З. Е. СЕРЕБРЯКОВОЙ Е. Е. КЛИМОВУ

Художница Зинаида Евгеньевна Серебрякова, ур. Лансерэ (1884-1967), племянница А. Н. Бенуа, принадлежала к славной плеяде семейства Бенуа и еще до революции 1917 года обратила на себя внимание своим автопортретом, приобретенным Третьяковской галереей, и изображениями крестьянской жизни. Она следовала традициям Венецианова, обогащая композиционный лад своих картин итальянской монументальной живописью XV в. Дар чуткого портретиста сказался у З. Серебряковой в полной мере в работах, исполненных ею в годы эмиграции. До последних дней она не бросала своего любимого дела. Исполненные техникой пастели ее портреты не только живописны, но и необычайно выразительны, проникнуты любовью к человеку. Достоинно продолжая традицию русской живописи и в трудных условиях заграничного существования, она не изменила заветам, воспринятым ею еще в России.

Встретиться с З. Е. Серебряковой мне не пришлось. Переписка с нею началась в 1955 г. и продолжалась 11 лет. Почти все ее письма посланы из Парижа. Исследователи русского искусства найдут в письмах З. Е. Серебряковой материал для более полного освещения ее биографии и ее художественных взглядов.

7 марта 1955 г.

Глубокоуважаемый Евгений Евгеньевич,
Александр Николаевич Бенуа, мой дядя, передал мне, что Вы собираетесь читать доклад о русских художницах и что у Вас нет сведений о моих работах после моего отъезда из России. Искренне благодарю Вас за честь, которую Вы мне сделаете, упомянув о моих работах.

Посылаю Вам 16 фотогр. некоторых этюдов, сделанных в разные годы пребывания за границей. Одна же из них — "Крестьянка Курской губ." — написана мною еще в России (находится эта вещь у кого-то в Париже).

У меня, к сожалению, нет двойных экземпляров этих снимков, и я буду Вам чрезвычайно благодарна, если Вы перешлете их мне обратно (простой почтой, не авионом).

Глубокоуважающая Вас Зинаида Серебрякова.

9 мая 1955 г.

Глубокоуважаемый Евгений Евгеньевич,

Простите меня, пожалуйста, что до сих пор не поблагодарила Вас за Ваше милое письмо, за интересный № журнала "Русское Слово в Канаде", за полученные обратно снимки! Вот уже 10 дней, как я заболела острым воспалением суставов, не позволявшим мне ни малейшего движения и причинявшим много мучительной боли. Сегодня могу шевелить, наконец, рукой и даже хотела бы встать, но доктор обеспокоен состоянием моего усталого сердца и велит еще лежать. Но как только я поправлюсь, поищу для Вас снимки и пришлю Вам, но не знаю, какие именно из них Вас больше интересуют...

...Относительно деталей моей работы над портретом О. К. Лансере, к сожалению, мало что могу вспомнить характерного, по своей беспамятности. Но в те счастливые времена работала я просто, скоро, не переделывая композицию, как делаю это, увы, сейчас. Писала этот портрет у нас в имении "Нескучном", где всё, и природа, и окружавшая меня крестьянская жизнь, своей живописностью волновали и восхищали меня, и я вообще жила в каком-то "чаду энтузиазма"... Здесь же, в Париже, живу совсем отшельницей и жизнь прошла мимо, не радуя меня, и единственным художественным восторгом была для меня поездка в Марокко (хотя пробыла я там всего месяц в 1928 г. и 1 месяц в 1932 году).

Шлю Вам, глубокоуважаемый Евгений Евгеньевич, самый искренний привет и еще раз благодарю за внимание.

Преданная Вам З. Серебрякова.

Из письма от 26 дек. 1955 г.:

"...Мы все живем в самом тесном кругу и кроме "дяди Шуры" у нас нет никого, где бы мы бывали. Александр Николаевич, слава Богу, по-прежнему деятелен, всем интересуется, бывает на выставках, в музеях. Получила недавно его "Воспоминания" в подарок и с большим интересом прочла — ведь наше детство прошло в той же обстановке, у дедушки (Ник. Леонт. Бенуа) и мне все это близко и хорошо знакомо. Но жаль, что Вы так далеко! — а то хотела бы поделиться впечатлениями об этих мемуарах лично с Вами! ...Так летят годы и хотя нечем помянуть прошлый год, все-таки надеешься, что в Новом Году будет "перемена к лучшему"... Хотя бы в отношении к искусству! Чтобы, наконец, надоела всем эта "беспредметная", "сюрреалистическая" и пр. чепуха и открылись бы глаза. Но, конечно, я не доживу до этого..."

Из письма от 30 янв. 1956 г.:

"...Вашу статью в Нов. Рус. Слове (1953 г.) о моем брате (художник Е. Е. Лансере. Прим. Е. К.) мне тогда же переслали и я ее бережно храню, как самую лучшую из всех, напечатанных об Евг. Евг. Лансере. Вы так верно его поняли! Ваши слова замечательны: "думается, что по художественному восприятию мира Лансере был *романтик*". По этому поводу приведу Вам слова Евг. Евг. из его дневника. Эту выписку прислала мне его жена, Ольга Константиновна, прислав мне в 1947 г. фотографию с его декоративного панно, сюжет которого меня необычайно поразил: это "Озеро Тек-Тель" (в кавказских горах), из нависших над ним туч проливается сплошной стеной дождь, освещенный лучами солнца. На переднем плане (почти силуэтом) вырисовывается старый пастух в бурке и стадо овец (все это на фоне озера). Вот что пишет Евг. Евг.: "Мой Тек-Тель стал местом для студента Ансельма (Гофман) — юношеская моя тема (1898-1899), всю жизнь меня преследующая, то с табуном в Нескучанских полях, то в виньетке на борту парохода вдоль Анатолийских берегов, то в виде женщины, лежащей ("Жуковское панно")..." Дальше Ольга Констант. пишет, что "но сам Евг. Евг., как всегда, был этой картиной недоволен и, проходя по выставке мимо, отворачивался... На "Общ. обсуждении" ее в пух и прах раскритиковали, но она была тогда же куплена и заказана такая же для

гостиницы "Москва".

Для меня было новостью — такое страстное увлечение Жени Гофманом... Я так хотела бы прочесть этот рассказ Гофмана про студента "Ансельма". Спрашивала дядю Шуру, но он не помнит. М. б. Вы знаете, как называется эта вещь Гофмана? А я тогда постараюсь ее найти и прочесть.

Меня уже давно просила Ольга Константиновна переписать ей письма Жени ко мне, но я никак не могу собраться это исполнить. Она хочет издать его дневник и выписки из писем".

Из письма от 20 апр. 1956 г.:

"...Отвечаю с таким запозданием на Ваше письмо от 25-го февр., т. к. все время, с 1-го марта, очень болела и до сих пор не могу поправиться от артрита в позвонках, лежала 2 1/2 недели пластом с мучительной болью при самом малейшем движении. Сейчас боль в позвоночнике продолжается, но я все же могу полчаса в день двигаться... Сделали радио — оказалась острая "decalcification" позвоночника. Доктора лечат меня, то давая calcium, то другие средства — в общем вижу, что здесь, в Париже, не могу поправиться — для этого надо "хорошее питание, воздух и т. д.", т. е. что нам недоступно... У нас, кроме моей болезни, сейчас много забот и тревог — т. к. хозяин нашего дома продает все квартиры и наше ателье с 1-го июля. Т. к. найти сейчас что-либо в Париже (по нашим средствам) совсем невысказано, то мы и придумываем как быть и как найти кого-нибудь "под залог" нашей квартиры, кому мы бы ее выплачивали?!"

...Вчера получила из Москвы от Ольги Констант. Лансере каталог выставки моего брата Евг. Евг., устроенной в Тифлисе Институтом Истории Грузинского Искусства Академии Наук, в связи с 80-летием со дня рождения Евг. Евг. Вещи Е. Е. собраны из частных собраний, из музеев — каталог с очень трогательным предисловием, видно, как грузины любили и ценили Женю, "так много сделавшего для грузинской культуры". Ольга Констант. все мечтает издать письма Жени и просит меня переписать письма брата ко мне, — но у меня совсем нет пока сил это сделать..."

Из письма от 20 дек. 1956 г.:

”Алекс. Ник. (Бенуа, примечание Е. К.) верно сам пишет Вам о своей неутомимой художественной деятельности — такой же замечательной, как и прежде. Я, по просьбе Ольги Конст. Лансере, отослала ей письма (оригиналы) брата Евг. Евг.; первые 18 писем дошли, а 20 остальных до сих пор не получены в Москве (с начала ноября) и я теперь мучаюсь, что они пропали навсегда... А я именно эту не успела переписать...”

Из письма от 24 дек. 1957 г.:

”...Нас всех очень горестно поразила неожиданная кончина Мстислава Валериановича (Добужинского). Как раз перед его отъездом в Америку виделась с ним у Алекс. Ник. (Бенуа) и его бодрый вид, его проекты будущей работы в Нью Йорке никак не внушали опасенья за его здоровье, за его жизнь... Все это очень печально...”

...Слыхала, что здесь, в феврале, будет тоже устроен вечер и доклад, посвященный творчеству М. В. (Добужинского).

...Недавно была у Алекс. Николаевича (Бенуа)... Говорили с ним о современном безобразии, творящемся в искусстве, и отводили душу. Эта ”абстрактная” мазня совсем засорила мозги людям и когда же очнутся от всей этой гадости?! Счастливым Вы человек, дорогой Евгений Евгеньевич, что верите в ”отрезвление” живописи. Я же думаю, что эта тьма — надолго...”

Из письма от 25 февр. 1958 г.:

”...Все не могу остановиться на выборе рисунка, или акварели, достойной для посылки Вам! Все это такие незначительные, неоконченные наброски. Но, прошу Вас, подождать еще, т. к. в конце концов я все же решусь послать Вам на память что-либо... Из пастелей было бы легче выбрать, но эта непрочная техника, ведь, невозможна для пересылки.

Как жаль, что Вы не в Париже! И мы не слышали Ваш доклад о М. В. Добужинском и не видели 50 репродукций, показанных Вами в волшебном фонаре. Как все это было бы нам интересно и ценно посмотреть”.

Из письма от 8 мая 1958 г.:

”...Начинаю и это письмо с обычной просьбы простить меня за то, что так долго не поблагодарила Вас за милое Ваше

письмо от 31.III и за присланный журнал "Marie" — замечательно интересный и чудно изданный! Ваша прекрасная статья об Александре Иванове мне очень, очень понравилась, и я Вас бесконечно за это благодарю. Какое наслаждение увидеть его вещи совершенно гениальные и единственные... Все запечатлевается навсегда... И как удивительно, что такого великого художника почти никто здесь не знает. Как я счастлива, что теперь у меня будут эти произведения Иванова, о которых я часто думала и вспоминала! Я никак не ожидала, что в Quebec'e существует такой журнал. Вы доставили мне великую радость.

Александра Николаевича (Бенуа) давно не видела — 3-го мая справлял он свое 88-летие, сын мой был у "дяди Шуры" и поздравлял от нас троих, мне же все "неможется" и я редко где бываю...

Месяц т. назад была на выставке "Le XVII siècle français" — в Petit Palais; удивительный век, давший столько шедевров искусства, — но вот среди религиозных картин нет таких глубоко трогających, как у нашего Ал. Иванова. Только у Philippe de Champaigne "Ессе Homo" из musée de Nancy доходит до сердца.

Но зато какие портреты! Какие пейзажи Пуссена, Клод Лоррена и др. Все это из провинциальных музеев Франции, и я их никогда не видела раньше...

А одновременно в Париже, в Музее Декор. Искусства Лувра открыта выставка коллекции Guggenheim'a (из Нью-Йорка) — это такая мерзость "абстрактной" чепухи, что отвращенье от нее надолго отвращает жизнь..."

Из письма от 17 авг. 1958 г.:

"...Пишу Вам из Англии, где мы, дочь и я, проводим 3 недели у нашей знакомой англичанки. Только что получила письмо от моего сына из Парижа, где он пишет, что Вы прислали мне книжечку "Золотой Горшок" Гофмана с надписью "В память об Е. Е. Лансере" и я Вас бесконечно благодарю за это внимание! По возвращении в Париж в конце августа прочту с великим наслаждением давно желанный рассказ Гофмана.

Живем мы здесь в "глухой" деревне, тишина полная, и можно было бы отдохнуть "на лоне природы", и порисовать пейзажи, но, на наше несчастье, погода все время ужасная — дождь,

дождь без конца, и серо, и уныло, т. ч. поработать не придется...

А вообще у меня на душе беспокойно — Александр Николаевич все болеет это лето и сын пишет, что Анна Алекс. (дочь А. Н. Бенуа) в тревоге, что здоровье Ал. Ник. никак не поправляется и он слабеет с каждым днем, дай Бог, чтобы он осилил эту болезнь”.

Из письма от 26 окт. 1958 г. из Парижа:

“...Собиралась каждый день написать Вам с самого нашего приезда из Англии о здоровье Александра Николаевича. Мы нашли его более бодрым и уже радовались, было, что теперь пойдет на поправку, но, увы, вот уже снова месяц, как Алекс. Ник. стало хуже, он очень мучается разными осложнениями, очень похудел и ослабел, и мы все в большой тревоге... Теперь уже 3 недели, как я не навешала дядю Шуру, узнаю только по телефону от Анны Алекс. как его здоровье, т. к. ему прописан полный покой и всё его утомляет.

В последний раз мы с А. Н. отводили душу насчет современной “катастрофы” в искусстве и дядя Шура негодовал на наглость Пикассо, позволившего себе во дворце UNESCO в Париже написать “фреску” (в 80 кв. метров) бездарнейшей галиматши... Главным же образом мы в ужасе от глупости людей (стоящих сейчас во главе “искусства”), *принявших* сие произведение! А. Н. видит в Пикассо “бесовское начало”...

Удивительно, что у А. Н. такая же поразительная память, такой же живой интерес ко всему, как и прежде.

Недавно получила я от дочери из Москвы письмо и каталог выставки В. Ив. Шухаева, бывшей только что в Москве. Мне очень понравились 2 его рисунка к картине “Сталин в Круакисском ущелье 1949 г.” (но самой картины нет в каталоге), вообще всего 8 репродукций с его вещей; долго ничего о Шухаеве нам не было известно; оказывается, он, уехав из Парижа в 1935 г., все время жил в Грузии, в Тифлисе, где он и сейчас профессором в Акад. Художеств. Странно, что Евг. Евг. (Лансере) никогда о нем не упоминал в письмах...

...Спасибо еще раз за книжечку Гофмана “Золотой Горшок” — я рада была очень узнать студента Ансельма, образ которого “преследовал всю жизнь” Евг. Евг. Да, это удивительный рас-

сказ — фантастический, поэтический и такой иронический!.. А. Н. просил меня принести ему непременно для наслаждения эту сказку”.

Письмо от 17 дек. 1958 г.:

”Глубокоуважаемый Евгений Евгеньевич,

Спасибо за Ваше милое письмо от 11 дек. — шлем и Вам, и Вашей милой семье наши наилучшие пожелания к наступающим Праздникам Рождества и Нового Года! Могу, наконец, написать Вам более утешительные сведения о здоровье Алекс. Ник. — наступило улучшение и мы все очень надеемся теперь на окончательный поворот к выздоровлению! Лечение новым средством — впрыскивания пласекты (способ совет. проф. Филатова) и всякими vitamine’ами, дало силы А. Н. побороть болезнь. Видела А. Н. вчера и мы делились впечатлениями о ”новом искусстве”.

Вы нас очень обрадовали Вашими ”мечтаньями” посетить Европу — нам всем будет это большой радостью, — только бы ничего не помешало Вам исполнить Ваш проект!

Из Москвы получила вчера письмо от Ольги Конст. Лансере (вдовы брата моего Ев. Ев.), что она тоже прочла недавно ”Золотой Горшок” Гофмана с большим интересом и пишет: ”как забавно, что твой знакомый художник и друг из Канады прислал каким-то волшебством и мне такую же книжечку Гофмана! Как это удивительно, что он это смог сделать!” Вот теперь Ольга Конст. хочет начать ”собирать” Гофмана, т. к. ”по-видимому, его стали издавать. Но только, увы, иллюстраций у Жени не было, кроме одной: (набросочек) Ансельм сидит под деревом”.

Еще пишет О. К., что ”в Третьяковской гал. выставка Серова — огромный успех”. Жаль, что в Париже не устроят его выставку — ведь, пожалуй, это был один из последних портретистов замечательного таланта — после него я не знаю никого ему равного...

Была я на днях на выставке ”Dessins français de Clouet à nos jours dans les Collections Americains” — дивные рисунки великих мастеров и поражаешься, что все эти шедевры теперь в Америке! Как жаль... Зато в последней зале, где Matiss’ы, Rouault, Chagall, Derain, Picasso (последнего периода) берет такое отчаяние и

совершенное недоумение, как такой "провал" мог случиться!?

Простите, дорогой Евг. Евг., что постоянно пишу об одном и том же. Еще раз желаю всего, всего лучшего Вам, и непременно ждем весною Вас в Париже.

Искренне преданная Вам З. Серебрякова".

Из письма от 3-го мая 1959 г.:

"...у Алекс. Ник. была недавно — нашла его бодрим и в хорошем здравии (сравнительно с тем, в каком он был в эту зиму). Доктор Зернов, так успешно вылечивший Ал. Ник., сказал мне, что он теперь спокоен за него...

...Вы пишете мне о портретах М. В. Нестерова, — я с Вами вполне согласна, что они не характерны для его искусства. К сожалению, я их мало помню, кроме "портрета дочери в костюме амазонки" в Музее Александра III. А знаете ли Вы художника П. Д. Корина? — его портрет Нестерова 1939 года мне нравится видела репродукцию в книге "Советское Искусство". "Живопись" 1948 г. Б. Никифорова. Там есть и вещи Дейнека. Кроме того у нас есть и книга "Александр Алексеевич Дейнека" — репродукции в красках, 1957 г. — Я с Вами тоже согласна, что почти всегда в советских книгах репродукции плохие — мутные, серые. Некоторые вещи Дейнека не плохи, но в общем меня огорчает, что мои вещи напоминают его, т. к. в них есть какая-то тенденциозность и "приторность"! Но этого нет в его афишах и плакатах ("Китай на пути освобождения от империализма", 1930 г.) и "Оборона Петрограда", 1928 г. — декоративно-скомпонованная".

Из письма от 26 июля 1959 г.:

"...Очень была счастлива получить Ваше милое письмо из Гасне, — спасибо за память! Как чудно, что Вы работаете с увлечением в такой отрадной для художника стране, где еще сохранился народный характер, теперь ведь всюду так все бездарно обезличено, опошлено современной "культурой"... И как хорошо, что дышите свежим морским воздухом, что люди кругом такие еще непосредственные и живописные... Да, с какой бы радостью я перенеслась бы в Гасне!.. Тут в Париже, где опять проводим мы все лето... стоит небывалая жара, просто тропи-

ческая, духота невыносимая, т. ч. мы все изнываем уже месяц и нет сил куда-либо пойти рисовать — ни в Люксембургский Сад, ни в Тюльери, — да и там душно и пыльно; все переполнено народом. Вот я дожила до старости, а так и не научилась рисовать "на людях"... забиваюсь в какой-нибудь угол, чтобы не подошли ко мне и не смотрели на то, что рисую. Т. ч. жить в городе для *моего* искусства просто смерть. У Алекс. Ник. давно не была — по такой жаре не могу решиться на это "путешествие". Ал. Николаевичу тоже надо бы уехать, хоть на месяц, из Парижа, но он не решается из-за боязни остаться без постоянной медицинской помощи, в которой нуждается. — Тут в "Musée des Arts decoratifs" (Musée du Louvre) устроена большая выставка Марка Шагала — если бы Вы знали, какая это мерзость и какая наглость устраивать эту выставку в Лувре! До чего здесь докатился упадок искусства (современного) и сказать невозможно... Уже современная публика и молодежь не может воспринять классическое чудесное искусство и, как думает Алекс. Никол., что лет через 100 все музеи будут уничтожены, как непонятный и ненужный никому хлам..."

Из письма от 12 дек. 1959 г.:

"...Здесь в Париже никто французов не просвещает, а потому даже люди, занимающиеся искусством, кроме "русских икон", ничего не знают (слыхали только о "художнике Рублеве" и о русских балетах Дягилева). Ведь ни одной вещи Репина во французских музеях нет... ..Это лето Ал. Ник. был в Нормандии в августе месяце и привез оттуда ряд акварелей — совершенно мастерских! К сожалению, я редко навещаю Ал. Ник., т. к. все время плохо себя чувствую и прихожу в отчаяние, что кажется поправить это нельзя — у меня сделался "артерио-склероз" в глазу (в моем единственном зрячем левом глазу, правый глаз поврежден был у меня в детстве и я им почти ничего, кроме "света", не вижу); окулист боится, что будет глаукома, лечусь каплями в глаза, *pelosaprine*, которые туманят мне глаза на 5 ч., т. ч. я ничего читать или рисовать не могу. Из-за этой болезни глаз и глазной артерии в ушах у меня постоянный звон, мучительный особенно ночью. Это расшатало мне совсем нервную систему, а вылечить доктора это не могут. Простите, дорогой Евг. Евг., за такое нытье и жалобы..."

...Буду надеяться, что Вам удастся приехать в Европу и мы повидаемся с Вами и тогда я с великим удовольствием представлю на Ваш выбор мои рисунки...”

Из письма от 6 февр. 1960 г.:

“...я смогла повидать Репинские картины и рисунки периода от 17-го до 30-го года, в 2-х книгах, одолженных мне Алекс. Ник. ...Это крайне интересные книги; первый том посвящен *новонайденным* и неизвестным рисункам Репина и портретам (1872-1915) и зарубежному периоду Репина (статья И. Грабаря), и Репин в годы революции...”

...Иллюстраций масса (176 в I томе и 105 во II). Но, к сожалению, так мутно и плохо напечатаны, что нельзя будет перенять фотографии. Еле-еле можно что-то разобрать в картине “Гопак” и в его религиозных вешах. Да и самые эти последние его работы настолько слабо и невнятно написаны; видно болезнь и годы не позволили ему выполнить то, что он хотел — жалко и трагично... ...Я восторгаюсь очень его удивительными рисунками и портретами и чем больше вижу, тем больше ценю. Раньше никогда не видала его пейзажей, его серию “виды Петербурга” и пр.”

Из письма от 28 дек. 1960 г.:

“...Спасибо за Ваше письмо от 28 ноября и за фото портрета Ал. Ник. — работы Сори́на; очень рада иметь этот снимок, т. к. “дядя Шура” очень похож и взгляд такой живой. (К сожалению, одежда трактована Сориным странно — тяжело и как-то бесформенно)”.

Из письма от 15 дек. 1961 г.:

“...Всю жизнь мечтала посмотреть Музеи Голландии (ведь это так близко от Франции), но не пришлось мне увидеть Ф. Гальса, Рембрандта, *Яна Стина* (Ал. Никол. считал его одним из самых гениальных художников на свете!); а теперь уже поздно мне и мечтать о поездках куда-либо...”

Из письма от 7 янв. 1963 г.:

“...Я же никогда не была нигде кроме Петербурга, Петер-

гофа и нашего имени в Курской губ. И *очень* об этом сожалею...”

Из письма от 15 февр. 1963 г.:

“...возвращаю Вам интересную статью из “Нов. Рус. Слова”. Мне очень понравились “высказывания Евг. Кибрика об абстрактном искусстве”, вполне разделяю его взгляды, и очень Вам благодарна, что Вы мне прислали эту статью”.

Из письма от 30 мая 1963 г.:

“...Спасибо за Вашу статью, такую задушевную и так верно написанную о Б. Н. Кустодиеве. Мне было очень дорого ее прочесть, т. к. Кустодиева я сразу оценила, как одного из самых замечательных художников...”

...Вы...мне описали чудный Музей Фрика в Нью Йорке, воображаю, какое наслаждение увидеть “наяву” все шедевры гениальных мастеров... и особенно в наше страшное время тьмы и мерзости “абстракционизма”...

Из письма от 22 дек. 1963 г.:

“...Здесь полный “провал” в искусстве: — кроме абстрактной гадости в бесчисленном количестве “картинных галерей” (на каждой улице их по несколько) ничего не видно — и приходишь в отчаянье от полного провала нашего времени...”

Из письма от января 1964 г.:

“...теперь искусство затоплено, забито наглухо всякой несусветимой гадостью, а это, мне кажется, самое страшное *преступление* нашего времени... Если бы Вы видели, что здесь делается в архитектуре! Особенно ярко это кошунство в постройке церковей — бессмыслица дикая, старинные росписи и “vitreaux” заменяются безобразием, безвкусием, крест — корявым сучком, не имеющим даже намека на крест... И никакой *реакции* публики и духовенства... Конец всего... И что же ожидать в будущем? Все так мрачно вокруг, такое отчаяние... т. к. ложь всюду, во всем...”

из письма от 29 дек. 1964 г.:

“...Мне было так интересно узнать о Вашем замечательном путешествии в Палестину, Грецию, Рим. С волнением читала о впечатлениях Ваших, тех священных для всех нас, христиан, мест, где проповедовал Христос и творил чудеса... Я очень надеюсь, что Вам удастся побывать еще раз в этих сказочных странах и зарисовать поразившее Вас, а мы, читатели, поделим с Вами глубокое чувство благоговения перед минувшим. Когда-то (в 1902 году) мама моя и мы, 3 сестры, побывали в Риме, где проживали 2 мес. и до сих пор я помню тот трепет и восторг мой перед Античным миром! Посетили мы и катакомбы в Риме, — незабываемое жуткое чувство и глубокое волнение при мысли о гонении христиан и о их непреклонной вере, победившей и спасавшей мир... А вот теперь присутствуем при разрушении всего. И вокруг одна тьма тьмушая, начиная с искусства. Ну вот, начала за здравие, кончила, как всегда, за упокой. Вы уж меня простите...”

Из письма от 12 февр. 1966 г.:

“...Хочу чуть-чуть поправить некоторые биографические данные в Вашей милой статье “Выставка Серебряковой”. Я, увы, никогда не видела Репина и он не руководил, увы, уже тогда мастерской кн. Тенишевой, в ее доме; пробыла я там 1 месяц. Княгиня Тенишева устала от “шума и гама”, устраиваемых учениками над ее салоном...”

Выехать в Париж для встречи с З. Е. Серебряковой мне удалось только осенью 1967 г. Я прилетел в Париж 7 сентября 1967 г. В отеле, где я остановился, меня ждало письмо сына З. Серебряковой с печальной вестью, что два дня тому назад, 5-го сентября, с Зинаидой Евгеньевой случился сердечный удар, она в госпитале и лежит без памяти. Никого к ней не допускают. Она ждала меня с женой, выбирала работы, что-то хотела подарить, работала до последнего дня. Так и не удалось с ней встретиться. Но какие чудные увидел я ее работы! Давно не видел такой свободы вкуса, захвата образом природы и человека. Она была в полном смысле этого слова *мастером* своего дела, вдохновенным, сердечным и правдивым. Под ее глазом и рукой преображалась природа и люди. Свобода ее мастерства была абсолютно убедительная и искренняя.

Скончалась З. Е. Серебрякова 19-го сентября 1967 г. в Париже.

Е. Климов

ВСТРЕЧА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА С АМЕРИКОЙ

Введение

Как известно, многочисленные выходцы из России, эмигрировавшие в США до I мировой войны, внесли значительный вклад в развитие американского общества, его культуры, экономики.

После второй мировой войны несколько сотен тысяч бывших советских граждан — преимущественно русских и украинцев по национальности, — которые оказались в Германии и оккупированных ею районах Восточной Европы, отказались вернуться в СССР. В начале пятидесятых годов было проведено социологическое обследование группы беженцев в рамках так называемого Гарвардского проекта (Инкелес и Бауер). До этого и после этого западные исследования советского общества и советских людей базировались либо на анализе опубликованной литературы, в частности, советской, которая, естественно, представляет собой ненадежный источник информации, либо на итогах кратковременных визитов в СССР. Эти визиты в силу закрытости советского общества и затрудненности контактов с советскими гражданами также не позволяли провести объективное и глубокое изучение проблемы. В последнее время такая возможность появилась.

В связи с разрешением выезда в Израиль, известное число советских граждан — преимущественно евреев — покинуло СССР. Число советских эмигрантов, приехавших за последние несколько лет в США, приближается к 100.000 и будет быстро увеличиваться, если советские власти, конечно, не прекратят выдачу эмиграционных виз. Известно, что около четверти

миллиона советских граждан подали или подают заявление на эмиграцию и, по-видимому, несколько миллионов воспользовались бы такой возможностью, если бы они не испытывали страха перед возможными последствиями подачи соответствующей просьбы властям (которые умышленно создают обстановку неуверенности в результатах просьбы). Таким образом, советские эмигранты могут составить в недалеком будущем значительную прослойку среди населения крупных американских городов. Они должны представлять несомненный интерес не только для социологов, но также для психологов и психиатров. Однако в этой области практически почти ничего не сделано.

Остаются недостаточно изученными такие важные проблемы как установки и ценности советского человека, его взаимоотношения с советским государством и его реакции на жизнь в плюралистическом обществе.

Данные, собранные автором этой статьи, позволили прежде всего прийти к выводу, что практически каждый советский эмигрант выявляет те или иные временные или затяжные эмоциональные расстройства. Спектр этих расстройств колеблется от умеренных депрессивных реакций и тревоги до серьезных психотических состояний. Можно выделить следующие три основные группы причин возникновения этих разнообразных реакций. Первая группа причин связана, главным образом, с индивидуальными особенностями тех или иных людей. Вторая группа может быть названа общей неспецифической реакцией на новую иноязычную и непривычную среду (культурный шок) и потерю — временную или постоянную — социального статуса. Третья группа причин определяется специфическими особенностями советского человека. Все эти факторы тесно переплетаются друг с другом. Данная статья посвящена, главным образом, анализу третьей группы факторов, связанных с социально-психологическими установками и особенностями поведения советских людей.

Этот вопрос представляет наибольший интерес, так как первым двум проблемам посвящена значительная американская литература. Ниже будут кратко описаны некоторые социально-психологические и культурные аспекты этой сложной и

”шекотливой” темы. Она сложна потому, что всякая попытка найти что-то общее в индивидуальных случаях всегда схематична, и существует очень много различий между мотивами действий политического эмигранта и человека, уехавшего из той или иной страны в поисках лучше оплачиваемой работы (так же как трудно сравнить мировоззрение американского интеллектуала из Нью-Йорка или Бостона с жизненной философией фермера Среднего Запада). Эта тема ”шекотлива” потому, что такого рода анализ неизбежно затрагивает чье-то самолюбие, личные, национальные или идеологические предрассудки.

Я хотел бы также подчеркнуть, что буду ниже говорить об особенностях современного ”советского человека”, не обсуждая различий между разными национальными группами. Такие различия существуют, но они требуют отдельного обсуждения.

Сходство между социально-психологическими процессами в разных обществах

Сходство между человеческим поведением в различных обществах намного более отчетливо, чем различия, которые вызваны специфическим историческим, социальным и культурным опытом. В современном СССР, как и в капиталистических странах, в результате процессов урбанизации, миграции населения, падения роли религии и социальной поддержки семьи и ослабления традиционной иудео-христианской этики возникла ”десублимация” человека. Этот процесс противоположен сублимации, т. е. подавлению инстинктов и аморальных влечений с помощью так называемого ”сверх-я”, т. е. морально-этических ценностей. В результате десублимации современный человек становится более свободным от ”предрассудков” и ”условностей”. Давно ушли в прошлое сложные правила этикета и вежливости. Люди все больше обнажаются: и буквально, т. е. физически, культивируя обнаженное тело, и фигурально, т. е. нравственно. Под мощным напором ”разоблачительной” литературы все большее число асоциальных форм поведения объявляются либо ”нормой”, либо следствием влияния среды, за которые индивидуум не должен нести ни моральной, ни юридической ответственности. Так гомосексуализм на Западе исключен из числа

извращений и объявлен просто формой сексуального предпочтения. Западные социологи и психологи настойчиво внушают обывателю, что человек не должен быть наказан за пьянство и преступления, так как это социальные явления, за которые несет ответственность семья и общество. Такие понятия, как мораль, честь, долг, патриотизм, считаются устаревшими. В результате ослабления патриархальных устоев и семейных связей во всех странах растет число разводов и падает авторитет родителей. Сексуальная "революция" привела к резкому росту добрачных и внебрачных связей. Среди молодежи все чаще наблюдаются цинизм, агрессивное поведение, хулиганство, вандализм.

Указанные процессы являются следствием того, что Бердяев назвал упадком культуры и проявлением "воли к жизни", наслаждению и счастью. В результате духовная культура превратилась в "надстройку". Противоположная культуре механическая, безрелигиозная цивилизация убивает духовное начало в человеке. Техника побеждает человеческую личность. Этот упадок культуры является закономерным завершением развития идей гуманизма. Последний провозгласил человека центром вселенной. Но безрелигиозный гуманизм неизбежно выродился в антигуманизм.

Одной из форм воинствующего антигуманизма является социализм — идея господства коллектива над личностью. Выход на арену истории "масс" сопровождался пропагандой эгалитаризма, демократизацией культуры и снижением ее уровня. В результате наблюдается огрубение поведения и рост прослойки мещан-потребителей, формально образованных, но бездуховных (аморфная урбанизированная масса, по выражению Г. Померанца).

Конечно, было бы ошибочным утверждать, что вульгарное поведение и бездуховность являются каким-то новым историческим феноменом. И в прошлом, определенные (и довольно значительные) группы населения отличались вульгарностью речи, примитивностью, грубостью нравов, узостью интересов. Однако доминирующая роль в обществе принадлежала не им, а культурной элите.

Принципиальной особенностью современной эпохи (особенно наглядно это выступает в СССР) является то, что даже интел-

лектуалы нередко стыдятся духовности и стремятся использовать речевые обороты и формы поведения низших слоев общества. Этим слоям власть политическая не принадлежит, но психологически они у власти.

Упадок культуры сопровождается также падением искусства на Западе. Последнее либо служит примитивным вкусам большинства общества, либо вырождается в антиискусство, культивирующее антиэстетизм, деформацию реальности и уродство. В социалистических странах официальное искусство одновременно и примитивно и служит правительству. Теряющий религиозные устои человек стремится получить как можно больше здесь на земле (гедонизм) и обладать как можно большим количеством вещей и (символом материального успеха) — деньгами. Ему кажется, что лишь это — подлинная реальность.

Низшие классы во всем мире, довольствовавшиеся ранее малым, требуют теперь все новых прав и равных возможностей. Под этим, в первую очередь, понимаются блага материальной цивилизации: телевизоры, автомобили, современная бытовая техника и т. д. Неудовлетворение этих растущих притязаний (экспектаций) вызывает реакции гнева и протеста, принимающие в капиталистических странах форму различного рода революционных движений.

Но в действительности, отказываясь от духовного начала, утратив связь с Богом и природой, человек теряет свою истинную ценность и живет в мире иллюзий. Крушение этих иллюзий рано или поздно вызывает чувство разочарования, тревоги, скуки, одиночества, так называемые, реакции эскапизма: бегство в опьянение, уход от социальной ответственности, промискуитет. Если Бога нет — по словам персонажа Достоевского — все дозволено.

Описанные процессы наблюдаются повсеместно: и в капиталистических и в так называемых, социалистических странах. Существуют, однако, определенные различия между людьми в этих обществах. Падение моральных ("буржуазных") и религиозных ценностей в социалистических странах происходило в катастрофическом темпе и привело к более тяжелым последствиям. Советский человек более притесняем, более бесправен и менее удовлетворен, чем человек Запада. Он более подозрителен

и более склонен к зависти. Его жизнь протекает в постоянной борьбе с государством, которое он должен обманывать, чтобы удовлетворить свои потребности. В связи с этим реакции эскапизма, пьянство, мошенничество, хулиганство — гораздо более распространены в СССР, чем в США (так по моим расчетам, в СССР насчитывается в четыре раза больше пьяниц и совершается в пять раз больше хулиганских действий). С другой стороны, коммунистические режимы, стремясь контролировать индивидуум, более жестко наказывают своих граждан за различные "отклонения" от "нормального" поведения: в политической, экономической и моральной сферах (эти наказания, однако, во всяком случае в последних двух областях, оказываются мало эффективными). Наконец, следует помнить, что советский человек вырос в особых исторических условиях. На его систему ценностей оказали влияние некоторые традиции русского дореволюционного общества. Однако в значительно большей мере советский человек продукт печального опыта революции, сталинского террора, циничного нарушения государством своих деклараций и обещаний, политических репрессий и многолетнего оболванивания коммунистической пропагандистской машиной.

Советская действительность учит человека, что активность, честность, принципиальность, смелость, независимость суждений, верность, доброта и сострадание — качества отрицательные. Люди, проявляющие эти качества, уничтожались и наказывались. Выживали и делали карьеру приспособленцы, жулики, трусы, предатели, доносчики, конформисты. Этот опыт оказал самое отрицательное влияние на мораль общества.

Исторически обусловленные "культурные различия" между советским человеком и американцем, выросшим в условиях свободы, оказываются известным препятствием для адаптации эмигрантов в американском обществе.

Различия в стиле жизни и установках

Советская пропаганда в течение многих лет внушала своим гражданам, что на капиталистическом Западе господствует "желтый дьявол", культ денег, что там нет ни равенства, ни справедливости, что капиталисты безжалостно угнетают трудящихся,

что существует вопиющее противоречие между богатыми классами и эксплуатируемым нищим пролетарием, в особенности "цветным". Правда, в эти всем известные пропагандные утверждения потенциальный эмигрант обычно мало верит. Однако совершенно ясно, что капиталистическое общество, в частности американское, не является идеальным социальным образованием и что в нем существуют и имущественное неравенство, и культ прибыли, и безработица, и инфляция, и проблемы национальных меньшинств.

На первый взгляд может показаться, что для советского человека, воспитанного в условиях тоталитарного государственного социализма, эти проблемы частно-собственнического плюралистического общества могут оказаться серьезной помехой для адаптации. Такое мнение однако ошибочно.

В советском и американском обществах формально признаются равные возможности для каждого человека. Правда, в американском обществе подчеркивается роль личных усилий и достижений, а в СССР указывается, что при социализме каждый человек получает в зависимости от его труда. Таким образом, и там, и здесь теоретически допускается возможность неравенства. Однако несмотря на эти оговорки, согласно советской официальной идеологии и американской традиции, любой человек может добиться успеха и признания, если он способен, настойчив, талантлив и трудолюбив. Но существует значительное расхождение между этими теоретическими концепциями и реальностью. Многие левые критики американской системы бросают вызов традиционной американской концепции о равных возможностях в США, утверждая, что бедность определенных слоев этого общества, в первую очередь национальных меньшинств, лишает их возможности получить хорошее образование и, тем самым затрудняет возможность успешного соревнования с выходцами из обеспеченных классов. Обычно — особенно в прошлом — эти критики не замечали, что при социализме также не существует равных возможностей. Большевицкий переворот в 1917 году прошел под лозунгами уничтожения социального неравенства и несправедливости. Однако последующее развитие советского общества привело к возникновению новой иерархической социальной организации с привилегированным выс-

шим классом на одном полюсе и бесправным большинством на другом. Кроме того, в СССР существуют определенные слои, которые дискриминируются по национальным, политическим и религиозным признакам: евреи и некоторые другие национальные меньшинства, диссиденты и религиозные люди. В отличие от США, "путь наверх" в СССР определяется не столько формальным образованием, способностями и знаниями, сколько принадлежностью к определенной социальной группе, "блатом" и членством в коммунистической партии. Поэтому наличие контраста между экономическим и социальным положением отдельных групп американского населения не удивляет советских эмигрантов. Они привыкли к этим контрастам у себя на родине. То, что действительно ново для них в США — это отсутствие "блата", минимальная роль поддержки и ограниченное действие принципа: "Ты — мне, а я — тебе". Это очень важная проблема, и я хотел бы остановиться на ней подробнее.

Принцип взаимопомощи в России имеет сложное происхождение. С одной стороны, он коренится в традициях патриархального крестьянского общества. До революции крестьяне составляли 80% населения страны. Члены русской крестьянской общины всегда помогали друг другу и коллективно выполняли ряд работ, важных для общины. Этот, восхищавший народников, общинный ("мирской") антииндивидуалистический дух сохранился в известной мере в современном советском обществе, поскольку большинство советских граждан — дети и внуки крестьян. Он сохранился несмотря на отрицательное влияние урбанизации, миграции и политического террора. Этот дух сохранился потому, что он помогал людям выжить в условиях гражданской войны, Второй мировой войны, немецкой оккупации, лишений и голода. Взаимная помощь оказалась важным фактором, помогающим советским людям существовать в условиях, когда советская экономика работает крайне неэффективно и они постоянно ощущают нехватку продовольствия, товаров, сервиса, жилья.

Хотя советские люди не верят более в марксистскую риторику, они отчасти приемлют принцип коллективизма, поскольку он напоминает национальный обычай взаимной выручки. Таким образом, вопреки тому, что утверждают советские пропаганди-

сты и некоторые западные эксперты, изучающие СССР, дух коллективизма в СССР — не столько результат воздействия идеологии марксизма и социалистических отношений на сознание людей, сколько следствие эволюции патриархальных обычаев, основанных на полезности взаимной выручки.

Подпольная советская система взаимной помощи — "блат", которую Гедрик Смит назвал "контр-экономикой", является в действительности эффективным инструментом такой выручки, с помощью которой советские граждане обходят ригидные правительственные бюрократические законы, соблюдение которых просто несовместимо с нормальным существованием человека. Власть обманывает их — они обманывают власть.

Благодаря "блату" и взяткам можно купить дефицитные продукты или лекарства, поставить телефон, поступить на хорошую работу, попасть в "закрытый" госпиталь или устроить ребенка в привилегированную школу. Гладилин как-то написал, что советский человек чувствует себя в своем государстве как рыба в воде. Это, конечно, преувеличение. Лишь определенная часть населения испытывает это приятное ощущение. Речь идет не только о "новом классе" господствующей партийной олигархии, пользующейся всеми привилегиями официально, но и о значительной прослойке подпольных "бизнесменов" и "ловкачей". Эти люди приспособились к системе круговой коррупции и лжи. Они довольно хорошо живут материально, а некоторые из них могут считаться обеспеченными и богатыми даже по западным меркам. Ощущение, что он сумел обойти законы и добиться намного более высокого жизненного стандарта, чем его соотечественники, повышает самоуважение такого человека и наполняет его гордостью. С другой стороны, все советские люди, нарушающие законы, и в особенности "бизнесмены", постоянно должны давать взятки и живут под страхом преследования. Часть из "дельцов" эмигрирует (власти нередко охотно содействуют им), но, оказавшись в странах частного предпринимательства, они опять чувствуют себя как рыбы, только на этот раз выброшенные из воды.

Перейдем к еще одной черте "советского национального характера", связанной с межличностными отношениями.

Мнение "других", оценка "группы" (коллектива, соседей и т.

д.) очень важны для всех людей. Для советского человека такая оценка особенно важна потому, что люди в России все еще теснее связаны друг с другом, чем на Западе, где человек значительно более изолирован. В соответствии с этим в СССР большее значение придавалось и все еще придается дружбе — термин, в который русские вкладывают большее содержание, чем американцы и европейцы, рассматривающие обычно дружбу просто как добрые отношения знакомых людей. Однако этот более общественный характер русской социальной жизни имеет и свою оборотную сторону.

В противоположность Западу, где так уважаются "privacy", в СССР люди часто вмешиваются в чужие дела, дают непрошенные советы, не считаются с чужими вкусами, осуждают знакомых, сплетничают, не терпят отклонения от принятых норм поведения. Отсюда проистекают враждебные отношения к любым проявлениям нонконформизма (так, например, в СССР, в отличие от США, почти не встречается левшей; писать левой рукой "не полагается", и дети-левши переучиваются). Нелюбовь к нонконформизму используется государством в политических целях.

Очень важной особенностью советских людей являются их установки в отношении государства. Отношения русских людей к властям всегда отличались амбивалентностью, т. е. комбинацией враждебности и чувства зависимости. Эту амбивалентность обнаруживали не только русские крестьяне, но и многие писатели и мыслители (достаточно напомнить эволюцию взглядов Достоевского: от революционности к монархизму). Печальный опыт политических репрессий усилил у советского человека так называемые авторитарные установки. Авторитарная личность характеризуется преклонением перед властью, силой и авторитетом, любовью к порядку, презрением к слабым и интеллигентам. В личности вождя люди видят могущественную силу, с которой они, будучи сами слабыми и зависимыми, могут отождествить себя. Такова была причина успеха Гитлера и Сталина. Сталинское параноическое преследование бесчисленных "врагов", с психоаналитической точки зрения, было подсознательным стремлением подавить мятежные и анархические импульсы, пробужденные революцией. Сталинский чудовищный

террор вызвал к жизни страх, подобный архаическому страху первобытного человека перед свирепым и безжалостным вожаком орды — отцом (не случайно слово "отец" было почти титулом Сталина).

В настоящее время масштабы террора значительно сократились и террор во многом утратил свой иррациональный характер, который и оказывал парализующее влияние на общество и подавлял всякий протест. Однако советский человек по-прежнему ощущает себя полностью зависимым от государства; последнее контролирует жизнь всего общества. Чувства зависимости поддерживаются также и традициями воспитания, основанного на так называемом патернализме, т. е. опеке.

Известна важность детского "формативного" периода жизни. То, что формируется в детские годы, определяет будущее поведение человека.

Как писал американский психолог Бронфенбреннер, взаимоотношения матери и ребенка в СССР поразили его своей теплотой. Известно, что советские семьи теперь малочисленны: один, реже два ребенка. Родители, как правило, очень привязаны к детям и склонны к так называемой "сверхпротекции", т. е. к повышенной заботе и к постоянному контролю поведения ребенка. Американские дети, в противоположность советским, менее избалованы, более самостоятельны. Эти различия связаны с тем, что советские люди обычно ничего не имеют, кроме детей, и все их несбывшиеся планы и надежды переносятся на потомство. Американская школа не занимается так называемой индоктринацией, т. е. "политическим воспитанием" ребенка. Тогда как советская власть пытается формировать его "идеологию". Правда, попытки контролировать семью в СССР фактически не удалась. Существует как бы двойная система ценностей. Одна преподается в школах и молодежных коммунистических организациях. Другая усваивается от родителей и от "микросреды". В результате, многие советские юноши и девушки признают официальную идеологию, но только формально. Ее исповедуют, но обычно в нее не верят. Противоречие между тем, что подросток слышит дома и в школе, между тем, что он должен говорить, и тем, что видит в реальной советской жизни, порождает скептицизм и цинизм среди молодежи. Только в одном совет-

ское государство и советская семья едины — в выборе патерналистской ориентации. Тоталитарное советское государство лишает человека независимости, инициативы и свободы, обещая ему взамен свою поддержку и "заботу". Это и есть патернализм. Функционируя как эгоистичная, холодная, плохая мать (мачеха), советское государство не выполняет своих обещаний, но советский человек приучен все же ждать от правительства решений и добиваться помощи. Аттitudes (установки) в отношении государства в США основаны на совершенно других принципах. Американец не чувствует себя частью государственной машины. В плюралистическом обществе государство и правительство подвергаются постоянной открытой критике со стороны средств информации.

Некоторое подобие амбивалентным советским аттитюдам в отношении государства можно обнаружить только у американских получателей социальной помощи. Они требуют эту помощь, но не испытывают благодарности за нее.

С описанным феноменом тесно связан так называемый нарциссизм. Последний характеризуется болезненным сосредоточением всех интересов на своей личности. Нередко полагают, что нарциссист влюблен в самого себя. Это не совсем точно. В действительности нарциссист страдает от внутренней неуверенности в самом себе и постоянно ждет подтверждения своей ценности, добиваясь признания и восхищения. Все его действия направлены только на эту цель. Он не способен любить другого человека, неспособен на преданность, самоотверженность, дружбу. Американские авторы утверждают, что нарциссизм стал американской национальной чертой. Американский психиатр Кернберг, явно имея в виду социалистические страны, полагает, что в "других обществах", где "устранено соревнование и господствует взаимная поддержка", нарциссизм отсутствует. Как и многие другие критики американской системы, доктор Кернберг ошибается. Нарциссизм широко распространен в любом современном обществе, в частности в советском. Конечно, нарциссизм — не только индивидуальная, но и социальная проблема. Советская действительность вызывает формирование нарциссизма, поскольку государство (общество) не способно дать человеку эмоциональной поддержки и чувства уверенности в себе, но

вместе с тем стимулирует у него амбицию, повышенные требования и болезненное желание успеха (последние тенденции поддерживаются обычно и семьей).

Среди советских эмигрантов необычно велико число людей с повышенными претензиями, крайним самомнением, истерическим желанием быть в центре внимания. Эти люди требуют к себе особого отношения и уважения, они вступают в бесконечные ссоры, постоянно обижены на всех за игнорирование их мнений, знаний и способностей. Мы часто встречаем среди соотечественников непризнанных вождей, гениев или, хотя бы, талантов.

Определенным образом связана с этой тенденцией еще одна особенность советского человека: я имею в виду склонность безапелляционно настаивать на своей правоте.

Конечно, любовь к спорам коренится и в русском национальном характере, она тесно связана с русским экстремизмом, "эмоционализмом" и нетерпимостью. Еще путешественники 16-17 веков с неодобрением отмечали, что русские склонны к бесконечным пререканиям и непристойной ругани, которая иногда переходит в драку. Эта традиционная тенденция проявлялась позднее в бесконечных дискуссиях русских интеллигентов о Боге, политике, смысле жизни, искусстве, любви и народе, и личных нападках на несогласных. Известно, что русские эмиграции всех времен, начиная с 19 века, отличались своей нетерпимостью, бесконечными конфликтами, враждебностью отдельных группировок. Тэффи писала о русской "первой волне", что слово "мошенник" используется применительно друг к другу, как в Испании слово "дон". (Следует отметить, что русские евреи внесли значительный вклад в эту русскую традицию). Если американцы, говоря об отсутствующем лице, считают, как правило, необходимым сказать: "he is a nice guy", советские люди не преминут использовать какой-либо иронический или бранный эпитет.

Современные советские интеллигенты (и неинтеллигенты) часто спорят, затрачивая на это много времени и эмоций. В некоторых случаях, например, при научных дискуссиях, такие бескомпромиссные споры могут быть полезны. В большинстве же случаев они основаны не на знании предмета, а на желании во

что бы то ни стало оказаться победителем. Люди спорят по любому вопросу, заменяя знания и логику апломбом и резкостями. Споры переходят часто в ссоры, сопровождающиеся взаимными грубыми выпадами.

Грубость проявляется не только в спорах. В СССР люди крайне озлоблены, и эта враждебность выражается в том, что они легко вступают в конфликты и оскорбляют друг друга по любому поводу: из-за места в общественном транспорте или в очереди и т. п. Взаимные оскорбления очень часто сопровождаются нецензурной бранью. Последняя стала общепринятым явлением во всех слоях общества. Матерные ругательства употребляют не только мужчины, но и женщины и дети. Столкновения нередко переходят в угрозы и в драки. Последние особенно часто наблюдаются среди пьяных. Опынение в России сопровождается часто потерей контроля, т. е. тяжелой интоксикацией. Пьяный советский гражданин либо выражает свою симпатию, либо крайнюю антипатию нередко в отношении случайных прохожих (редкое явление в США).

Различия в политических взглядах американских и советских интеллектуалов

Политические проблемы наиболее важны для тех эмигрантов, которые уехали из России из-за идейной оппозиции советскому режиму. Эти люди враждебны тоталитарному государству и марксистской философии. Однако они, в равной мере, не приемлют традиционный американский "розовый" либерализм. Их возмущает упадок мужества на Западе, их раздражает безответственная социальная демагогия либералов и поражает тот факт, что большинство американцев все еще не понимает сущности коммунизма и масштабы советской угрозы Западу. Советские диссиденты не согласны с американской политикой "компромиссов и попыток умиротворения агрессора".

Мотивация эмиграции

Пожалуй, было бы легче перечислить факторы, препятствующие эмиграции из СССР, чем побуждающие к ней. К пре-

пятствующим факторам относится привычка жить в той стране, где родился, привязанность к ней, страх перед репрессиями в случае подачи заявления о выезде и неуверенность в будущем в чужом обществе. Число побуждающих факторов — огромно и трудно перечислимо. Сюда относятся и общая неудовлетворенность экономическими, политическими и психологическими условиями жизни в СССР, чувства недовольства и раздражения, вызванные плохим сервисом, полуголодным существованием большинства населения, ригидностью и неэффективностью советской системы, милитаризацией ее экономики, разорением сельского хозяйства, циничностью советской пропаганды, утверждающей, что советские люди "самые счастливые и свободные в мире", затруднениями в передвижениях, в частности, в поездках за границу, коррупцией и злоупотреблениями советских властей, неверием в официальную идеологию, неравным распределением привилегий, правительственным контролем над наукой, искусством и средствами массовой информации и даже церковью, цензурой, отсутствием политических и гражданских свобод, комедией советских псевдовыборов, засилием КГБ, дискриминацией национальных меньшинств.

Последний пункт особенно важен для советских евреев, которые не видят будущего в СССР ни для себя, ни для своих детей, и не без основания опасаются возобновления предпринятых Сталиным попыток массового уничтожения русского еврейства.

С другой стороны, под влиянием зарубежных передач, бесед с иностранными туристами и писем от родных, уехавших за границу, у советских людей складывается мнение, что "там" они сумеют получить все то, чего они были лишены "здесь", в СССР. Политические и религиозные мотивы или сионизм занимают сравнительно скромное место по сравнению с другими мотивами, которые условно можно назвать экономическими. Я полагаю — конечно очень приблизительно — что политические и религиозные мотивы играли решающую роль только примерно у 5 процентов эмигрантов.

Разумеется, масса советских эмигрантов далеко не однородна, и помимо общих мотивов существует множество индивидуальных, которые определяются системой ценностей того или

иного человека. В одном случае эмигрант надеется обрести на Западе свободу творчества, в другом он стремится вкусить прелести "декадентской буржуазной культуры" и "повидать мир", что является "запретным плодом" для многих советских людей, в третьем, он бежит от служебных неприятностей, личных разочарований или угрозы преследования со стороны властей, в четвертых, он уверен, что в мире "частного предпринимательства" он сумеет быстро разбогатеть, в-пятых, он хочет лучшего будущего для детей и т. д.

Следует также подчеркнуть, что среди эмигрантов оказывается непропорционально большой группа лиц с тяжелыми невротическими реакциями, психопатическими чертами характера и психозами. Убегая от советской системы, эти люди, конечно, не могли убежать от самих себя и своих проблем.

Первая стадия эмиграции — эйфория и "культурный шок"

Всем людям — иностранцам и советским гражданам — хорошо известно то ощущение освобождения, которое возникает у каждого человека, покидающего "страну социализма" с ее атмосферой серости, скуки, напряженности и страха. Один из американских туристов, которого в отличие от многих его соотечественников, не смогли сбить с толку советские "потемкинские деревни", описывал это чувство следующим образом: "Я испытывал тревогу, что в последнюю минуту что-нибудь случится с самолетом и отлет будет отложен. Когда самолет приземлился в Вене, меня охватило трудно описываемое ощущение освобождения, радости, что опять вижу яркие краски, смеющиеся лица, свободных и ничего не боящихся людей. Позади осталась унылая рабская страна претендующая на роль 'светоча демократии'".

Чувства радости и освобождения после отлета еще более сильны у советских людей, которые до последнего момента боятся, что власти отберут у них заграничный паспорт и предъявят им какие-нибудь обвинения (что в СССР сделать очень легко). Угроза отказа в эмиграции, сопровождаемая потерей работы, остракизмом, а часто и преследованиями властей, считающих эмигрантов "изменниками родины", сопровождают жизнь

человека, решившего покинуть СССР. Эмигранты лишены всех прав и оказываются беззащитными жертвами советских таможенников, часто грабящих их. Это является последним прощальным приветом оставляемой родины.

Праздничное настроение, охватывающее вначале советского эмигранта, напоминает радость ребенка, убежавшего из скучной школы, или чувство человека, отправляющегося в веселое путешествие после тяжелой и опасной работы. Эти чувства усиливаются благодаря новизне впечатлений и необычной для советского человека красочной жизни больших западноевропейских и американских городов, с их барами, кинотеатрами, ночной жизнью, нарядными витринами и в особенности магазинами, заполненными товарами и продуктами, которые еще недавно были недостижимой мечтой для советского человека, никогда не бывавшего за границей, и которые он мог лишь изредка достать по блату, заплатив за них спекулятивные цены. Как сказала мне одна женщина-эмигрантка, испытывавшая, как и все советские люди, "товарный голод": "когда я впервые зашла в венский магазин, я почувствовала, что попала в рай". В этот период эйфории, который в одних случаях продолжается несколько дней, а в других несколько месяцев, советские люди склонны переоценивать преимущества западной жизни, западный стиль жизни и игнорировать все трудности и проблемы. Обычно им все нравится на Западе. Они стремятся поскорее стать похожими на американцев, одеться "по-западному", купить автомобиль — знак престижа в советском обществе — и, снявшись на его фоне, послать фотографии своим родственникам и друзьям в СССР.

Вторая стадия — эмиграционный кризис

Вторая стадия, которую я называю "эмиграционный кризис" обусловлена конфронтацией с реальностью и связана с действием следующих факторов.

Неудовлетворенные ожидания. Как уже говорилось, несмотря на относительно низкий уровень жизни, в СССР наблюдается повсеместный рост ожиданий. В 20-30 годах советский человек, хорошо описанный Михаилом Зошенко, жил надеждой на покуп-

ку новых штанов и бутылки водки. Современный советский гражданин уже не удовлетворен "хлебом единым". Он во всем стремится ко внешним атрибутам западной культуры.

Благодаря упомянутой выше патерналистской ориентации советский человек привык ждать благ от общества (государства), а когда последнее не удовлетворяет его ожиданий, он требует их от государственных чиновников, отправляя бесконечные жалобы во все инстанции, или стремится получить их обманным путем, нарушая законы и давая взятки. Этот привычный стиль жизни оказывается неприменимым к американской действительности. Взятки и коррупция в СССР достигли фантастических размеров.

В процессе адаптации к новой жизни советские эмигранты непрерывно сравнивают то, что они имели "там", с тем, что они получили "здесь". Это сравнение иногда оказывается не в пользу новой родины. Хотя в целом американский жизненный уровень, конечно, намного выше советского и любой эмигрант, получивший работу, зарабатывает относительно больше, чем в СССР, а в случае безработицы может рассчитывать на пособие, он, как ни странно, часто чувствует себя в худшем положении, так как его социальное положение в этой стране обычно *относительно* ниже положения американского среднего класса. Это приводит к многочисленным протестам. Как сказала мне одна пожилая женщина: "Мы приехали сюда, чтобы жить лучше, а не хуже".

Возможность купить джинсы или автомобиль уже перестает радовать, так как их не надо "доставать" по блату, и практически все в США их имеют. Удовлетворив первый "товарный голод", советский эмигрант начинает стремиться получить хорошо оплачиваемую работу с тем, чтобы купить дом и начать жить в комфорте и развлекаться. Однако это нередко не так легко.

Американские работодатели и сослуживцы оказываются далеко не ангелами. Им свойственны все человеческие недостатки. Правда, насколько мне известно, случаи прямого враждебного отношения к русским или русским евреям со стороны американцев весьма редки. Последние, в своем подавляющем большинстве — доброжелательны. Однако, не так уж

редко наблюдается тенденция ниже оплачивать труд эмигрантов или увольнять их в первую очередь. Иной раз наблюдаются конфликты, вызванные различным пониманием прав и обязанностей. Не случайно поэтому, что некоторые новоприбывшие не удерживаются на своей первой работе и требуется время, чтобы они усвоили американский стиль работы и взаимоотношений.

Многие советские эмигранты используют привычные им установки (аттитюды) в отношении властей при своих контактах с еврейскими организациями, помогающими им в процессе адаптации к новой жизни.

Советские евреи, как правило, недовольны этими организациями, а последние недовольны ими (правда, нередко эти организации бюрократизированы, обслуживаются сотрудниками, не знающими психологии своих клиентов; предоставляя финансовую поддержку эмигрантам в течение нескольких месяцев и устраивая их на языковые курсы, они мало помогают им в поисках работы). Взаимное раздражение и непонимание часто приводит к конфликтам. Представления советских людей о жизни в США часто оказываются далекими от реальности. Свое недовольство трудностями адаптации эмигранты иногда распространяют на американское правительство и "систему", не понимая, что роль правительственных учреждений в американской жизни весьма ограничена. Некоторые продолжают находиться под влиянием советской пропаганды. Они думают, что в американском обществе, как и в советском, все делается "для показухи". Даже телевизионные программы они считают пропагандной правительственной продукцией. Отдельные эмигранты убеждены, что за ними все время следит секретная служба. Нередко советские эмигранты ведут себя так, будто бы их обманом заманили на Запад, обещая "золотые горы", а затем бросили на произвол судьбы.

Специалисты и люди искусства возмущены тем, что американские научные, художественные и литературные круги не считаются с их знаниями, опытом, талантом. Их советские дипломы и звания в Америке не ценятся, а конкуренция в области науки и искусства оказывается весьма серьезной.

К этому присоединяются описанные выше несогласия диссидентов с политическими взглядами большинства американского

общества. Они также возмущены тем, что западная пресса, гонящаяся за сенсациями, быстро теряет интерес к их борьбе и судьбе.

Часть бывших советских дельцов, из числа тех, которые приехали в США только для того, чтобы "делать деньги" (к счастью их не так уж много), обманывает благотворительные организации, правительственные агентства, страховые компании. Но этого, конечно, оказывается недостаточным, чтобы "разбогатеть".

Эмигранты испытывают общие американские трудности, связанные с инфляцией, рецессией и поисками работы, но у них эти проблемы усугубляются языковым барьером и другими "правилами игры" в США.

Встречая неизбежные затруднения, эмигранты обращаются за помощью к своим американским родственникам и знакомым. Однако последние, воспитанные в индивидуалистических традициях Запада, неохотно идут им навстречу, напоминая, что они сами, в свое время, добивались всего без чужой помощи. Это вызывает у эмигрантов чувство обиды. Они обвиняют американцев в эгоизме, бессердечии и жадности, хотя более правильно было бы сказать, что американцы просто привыкли надеяться только на самих себя и считают, что все люди должны придерживаться такой же жизненной философии.

Другим чуждым для советского человека феноменом американской жизни является взаимная изолированность людей, их отгороженность друг от друга. Некоторые советские эмигранты считают, что американцы эмоционально холодны, что с ними легко общаться, но трудно близко сойтись, трудно дружить. По контрасту с традиционным русским гостеприимством, когда хозяева тратят последние деньги, чтобы угостить гостей "шикарно", американские обеды и приемы кажутся советским людям скудными.

Наконец, традиционный русский экстремизм, откровенность, склонность к резким высказываниям и отстаиванию своей точки зрения, чужды большинству американцев. Последние воспринимают это (не без основания) как невежливость и проявление плохих манер. Многих советских интеллектуалов поражает тот факт, что интересы большинства американцев огра-

ничены. Советские специалисты с удивлением рассказывают, что на конференциях в университетах, лабораториях и медицинских учреждениях почти не бывает дискуссий. По окончании доклада задаются два-три вежливых вопроса, а затем докладчика благодарят за его "блестящее выступление". Один русский ученый сказал мне: "Когда я начал спорить с докладчиком — на меня посмотрели как на дикаря". Автору этой статьи часто приходилось слышать от советских эмигрантов, что их попытки возражать и дискутировать вызвали враждебное к ним отношение. Как сказал мне один бывший профессор Московского университета: "Когда я попал в американский университет, меня встретили очень вежливо, затем после нескольких дискуссий с коллегами, они перестали со мной любезно беседовать и только здоровались, наконец, после того, как я подверг критике одну неудачную работу, некоторые перестали даже здороваться. Но ведь такая поразительная обидчивость ведет к стагнации в науке?!" — воскликнул мой знакомый.

Естественно, что приобретение нового опыта часто оказывается болезненным процессом для эмигрантов, в особенности для людей более пожилых. Последние вдобавок испытывают ностальгию, и прошлая жизнь в СССР временами представляется им в "розовых" красках. На этом фоне легко возникают чувства разочарования и желание вернуться обратно.

Потеря социального статуса

Как указывают социологи и психологи, достижение определенного статуса оказывает положительное влияние на взаимоотношения индивидуума со средой. Напротив, потеря социального статуса ухудшает эти отношения и может вызвать эмоциональные расстройства.

Во время эмиграции из различных районов Российской империи до Первой мировой войны, подавляющее большинство эмигрантов (евреев, белорусов, украинцев), выезжавших из местечек и сёл, не имели образования и специальности. Они охотно брались за любую работу в Америке. Нынешняя советская эмиграция — иная. В ней очень значительна прослойка специалистов, занимавших нередко относительно высокие должности в СССР. Приезжая в США, они должны начинать все

сначала: инженеры становятся чертежниками или парикмахерами, профессора с трудом находят место младших научных сотрудников, а опытные врачи должны вновь проходить курс медицинского образования, сдавать экзамены, а затем поступать в резидентуру. Положение усугубляется тем, что значительная часть эмигрантов-профессионалов находится в той стадии развития личности, когда человек испытывает потребность быть признанным специалистом в своей области, иметь учеников и пользоваться уважением. Вместо этого, он сам оказывается в роли неопытного ученика, который говорит на плохом английском языке, с мнением которого никто не считается.

В "пролетарском" советском государстве чрезвычайно высок престиж интеллектуальной работы и высоко оцениваются разные звания и знаки высокого положения. Для советского эмигранта оказывается крайне унижительным работать не по специальности, на низкой должности и тем более выполнять физическую работу.

Потеря статуса тяжело переживается человеком. Она вызывает чувство обесцененности, резко снижает самоуважение и уязвляет самолюбие. Эмигрант считает, что он утратил уважение своих близких и знакомых, хотя он обычно утверждает, что у него "все в порядке". В виде ответной реакции у многих наблюдается тенденция подчеркивать свое прежнее высокое положение в СССР (действительное или мнимое), постоянно говорить о своих заслугах с любым человеком, который согласен слушать, нередко отмечается зависть и враждебность к более удачливым соотечественникам.

Реакции на стресс и фрустрации

Вышеописанные явления представляют собой варианты типичных реакций, возникающих в ответ на тяжелую, эмоционально напряженную ситуацию (так называемый стресс) и на невозможность удовлетворить свои желания (так называемая фрустрация). Число таких реакций очень велико. Сюда относятся депрессия и тревога, сопровождающиеся потерей сна и разнообразными так называемыми психосоматическими расстройствами (гипертония, головные боли, язвенная болезнь

двенадцатиперстной кишки, аллергии и др.).

Обычно депрессивные реакции кратковременны и не носят тяжелого характера, но в отдельных случаях они затягиваются и могут сопровождаться мыслями о самоубийстве.

Другой формой реакции на фрустрацию является чувство раздражения и гнева. Этот гнев может быть направлен непосредственно на причину фрустрации, т. е. на новую страну и ее граждан или, еще чаще, на конкретных "виновников" трудностей: американских чиновников, не желающих "войти в положение", владельцев фирм, не принимающих эмигрантов на работу, медицинскую ассоциацию, не признающую советские дипломы и т. п.

Нередко чувство раздражения принимает характер "смешенной агрессии", направленной против близких, которые являются "козлом отпущения". Ссоры и даже драки в семьях эмигрантов — распространенное явление. Известно также и несколько случаев попыток убийств эмигрантами своих жен и агрессия против посторонних лиц в случайной ссоре во время карточной игры, что весьма нетипично для еврейской общины.

Отношение эмигрантов к своим компатриотам можно назвать амбивалентным. С одной стороны, они идентифицируют себя с "русскими" и стремятся общаться с ними. С другой стороны, возникающие в результате стресса и фрустраций реакции, делают такое общение затруднительным. Сплетни, ссоры, недоброжелательство, подозрительность, радость при чьей-то неудаче и даже доносы придают эмигрантской общине большого американского города своеобразный советский колорит. Нередко "русская" община оказывается расколотой на отдельные враждебно настроенные друг к другу группки. Теоретически считается, что русские люди более "теплые", чем люди Запада и больше склонны помогать друг другу и всем попавшим в беду. В ряде случаев это все еще так, во всяком случае, среди представителей старшего поколения. Но некоторые, ранее прибывшие эмигранты не стремятся помочь новоприбывшим или делают это в обидной форме, хвастаясь своими успехами и опытом. В результате и покровительствуемые и покровительствующие остаются недовольны друг другом. У первых возникает чувство раздражения и они обвиняют "покровителей" в надменности и

недостаточной помощи. Вторые остаются недовольны неблагодарностью своих подопечных.

В отдельных случаях эмигранты начинают избегать общения с другими "русскими": встречая их на улице или слыша русскую речь, стремятся поскорее уйти. В основе этой реакции лежит также чувство смущения и раздражения, вызванные тем, что в своих бывших согражданах эмигранты видят собственные недостатки, смешные качества и проблемы ("проекция"). Иногда это объединяет людей, но нередко, напротив, разъединяет. В последнем случае, в результате "проекции", возникает враждебное отношение к соотечественникам, которых обвиняют во всех грехах. Одним из последствий стресса может быть регрессия, т. е. возврат к "детским", "зависимым" формам поведения. Регрессия выражается в том, что взрослые, в прошлом самоуверенные мужчины, начинают искать поддержки у жен, родителей. Стремясь преодолеть чувство неуверенности, одиночества и изоляции, эмигранты стараются вызвать в США своих родственников и друзей. Некоторые эмигранты отказываются (частично или полностью) от борьбы и поиска работы и живут за счет супругов, переходят на социальное обеспечение. Таких случаев, однако, немного.

Третья стадия — адаптация

В большинстве случаев советские эмигранты оказываются достаточно устойчивы и активны. Они успешно преодолевают критический период, справляются с комплексом описанных социальных и психологических проблем и хорошо адаптируются в американском обществе, где, фактически, имеются все возможности добиться успеха и благополучия. Многие из них делают хорошую карьеру.

Некоторые из них женятся или выходят замуж за американцев. Многие американцы удивляются тому, как быстро их "русские друзья" овладевают английским языком, усваивают американский стиль жизни, находят работу, продвигаются по службе, покупают дома. Таким образом, нынешняя волна советской эмиграции, которую условно называют "третьей", довольно хорошо приспосабливается к условиям американской жизни.

Дети эмигрантов практически уже не знают эмигрантских проблем и часто идентифицируют себя с американцами.

Это, конечно, только схема. Фактически эмигранты, даже социально адаптированные, могут долго не адаптироваться психологически. Так один мой знакомый русский еврей, эмигрировавший 15 лет тому назад, получивший хорошую специальность, свой бизнес и купивший два дома, продолжал идентифицировать себя с Россией. Он враждебно относился к американцам и предпочитал покровительствовать вновь приехавшим эмигрантам, с которыми он пил водку и периодически ссорился.

В некоторых, к счастью немногочисленных, случаях стадия адаптации вообще не наступает или происходит как бы "дефектная" адаптация. В этих случаях эмигранты оказываются в "хронической дизадапционной стадии". У некоторых эмигрантов развиваются настоящие психические заболевания, более серьезные, чем те временные расстройства, которые были описаны выше. Однако проблема "настоящих" психических заболеваний среди эмигрантов требует специального обсуждения в психиатрическом журнале.

Заключение

"Ну что же... они люди как люди... Любят деньги, но ведь это всегда было... Ну легкомысленны... ну что же... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем напоминают прежних, квартирный вопрос только испортил их..." (Булгаков, "Мастер и Маргарита").

Прошло полвека с тех пор, как Сатана из романа Булгакова сделал этот вывод по поводу советских людей. За это время не только квартирный, но и многие другие, более серьезные вопросы портили граждан первого в мире социалистического государства. Они стали еще меньше напоминать прежних русских людей и милосердие еще реже стучится в их сердца.

Я понимаю, что нарисованная мною картина может показаться несколько мрачноватой. Но ведь объективный анализ всегда отличается от пропаганды или оптимистических иллюзий.

Советская пропаганда утверждала и продолжает утверждать, что в условиях советской системы сформировался новый тип человека, свободного от недостатков личности, созданной капитализмом. "Появление в СССР и других странах социализма социалистической личности — факт выдающегося значения, признанный во всем мире как друзьями, так и идейными противниками", пишет Г. Смирнов в книге "Советский Человек". По заявлению официальных коммунистических борзописцев, личность советского человека отличают "социалистическая направленность", "коммунистическая идейность", дух коллективизма, братства и интернационализма, благородство, честность, преданность общественным интересам и стремление к труду как высшему смыслу жизни.

Мало-мальски объективное исследование позволяет убедиться, что весь этот пышный набор эпитетов никак не применим к советскому человеку. Советским людям не в меньшей, а даже в большей степени, чем людям капиталистического мира, свойственны национальные предрассудки, склонность "филонить", лень, обман, коррупция, жадность, эгоизм, преступность, алкоголизм.

Конечно, понятие "советский человек" условно, как условны и понятия "американец" или "француз". Как отмечает социолог Алекс Инкелес, понятие "национальный характер" давно уже критикуется за его родство с дискредитировавшими себя теориями о расовой психологии. Однако, нет сомнения, что национальная психология — хотя она обусловлена не генетически, а исторически — все же существует, и имеются определенные различия между национальными популяциями в распределении тех или иных черт и типов личности. Советский характер складывался под влиянием опыта жизни в советском обществе. Это не значит, конечно, что различия между отдельными этническими группами в СССР исчезли. Они сохранились. В частности, еврейскому населению СССР все еще свойственны такие типичные еврейские, черты как динамизм, предприимчивость, умение приспособливаться, которые были порождены многовековым опытом дискриминации и необходимостью выжить в условиях неблагоприятного, а нередко и прямо враждебного окружения. (Эти черты проявлялись и проявляются как в

положительной, так и отрицательной форме, в зависимости от обстоятельств). Однако нельзя не признать, что в процессе совместного тяжелого исторического опыта, в результате урбанизации, миграции населения, под воздействием одних и тех же средств обучения и массовой информации (в советских условиях — дезинформации) этнопсихологические различия народов СССР в известной мере стираются. Таким образом, можно сказать, что "советский человек" как некое социально-историческое целое все же существует, хотя он, конечно, не является предсказанным Ницше полностью деградированным "последним человеком", принципиально новым видом человеческой расы, особым *Homo Sovieticus*.

У среднего "советского человека" все еще можно обнаружить кое-какие формы поведения, которые были свойственны "среднему" россиянину, а именно: недостаток внутренней дисциплины (анархизм) и недоверие к властям, сочетающиеся с авторитарными установками и уважением к силе (пассивно-агрессивный комплекс), экстремизм и нетерпимость, сочетающиеся с эмоционализмом и отходчивостью, зависть, сочетающаяся с добротой. Эта внутренняя противоречивость, исторически порожденная, по мнению Бердяева, двумя противоположными началами: языческой стихией и аскетическим монашеским православием, всегда вызывала различную реакцию у иностранных наблюдателей. Поэтому, как заметил Бердяев, русский народ внушал к себе и любовь и ненависть.

Под влиянием революции и послереволюционного тоталитарного режима эти типично российские черты, однако, определенным образом видоизменились. "Средний" современный советский человек формально несколько более образован, чем его крестьянские и рабочие предки. Вместе с тем, он более озлоблен и хамоват, менее религиозен и трудолюбив, менее проникнут чувством долга, чем были эти последние. Культ материальных благ, мошенничество, грубость, пьянство, хулиганство стали основным стилем жизни воинствующего советского мещанина. Указанные свойства в той или иной мере проявляются у представителей всех советских национальностей, являя, так сказать, их "социалистическое содержание". Но это "содержание" может облекаться в различную "национальную форму". Так русское

население утратило последние барьеры, сдерживающие безудержное пьянство, кавказские народности все менее склонны проявлять свое традиционное патриархальное гостеприимство, а евреи — желание помогать своим соплеменникам. Разумеется, было бы тенденциозным упрощением относить эти процессы исключительно за счет опыта жизни в социалистическом обществе. Как было отмечено во введении, явления "десублимации" носят всемирный, универсальный характер и обусловлены упадком религиозного содержания культуры, влиянием "просвещения", урбанизации, распада семьи. Однако в условиях социализма эти процессы протекают особенно быстро и злокачественно. С другой стороны, говоря о типичном "среднем" советском человеке, мы имели в виду типичного советского мещанина. Наряду с ним, играющим доминирующую роль в стране, "пришедшим Хамом" и там, в СССР, и здесь, в эмиграции, можно встретить огромное количество добрых и порядочных людей. Таких людей можно найти и среди "народа", и среди российской интеллигенции. В частности, высшая прослойка последней — ее духовная элита проявляет благородство, мужество и самоотверженность — не известную часто осторожным и прагматичным людям Запада.

Духовная элита советского общества много пережила и многое поняла — много больше, чем благополучные западные интеллектуалы. Большинство советских диссидентов может повторить теперь, вслед за лидером кадетов Маклаковым, что революция либо глупость, либо преступление. Их опыт довольно полезен для американских либералов. Последним постепенно все труднее отмахиваться от этих новых и "странных" русских идей.

Что касается адаптации к американской жизни, то, как было показано выше, ряд особенностей советского человека делает этот процесс затруднительным. Я уделил, естественно, большее внимание трудностям адаптации. Между тем, имеется немало число эмигрантов, которые сравнительно легко и быстро приспосабливаются к условиям жизни свободного, открытого общества. Следует, кроме того, учесть, что некоторые качества советского человека, порождаемые его социальным опытом, не только не мешают, но и помогают ему справиться с эмиграционными проблемами. Советские люди привыкли преодо-

левать бюрократические преграды: либо атаками на них, либо "обходными" путями. Правда, эти навыки, далеко не всегда этичны и часто не применимы в американских условиях, но психологическая их основа, т. е. умение бороться с трудностями, несомненно помогает "третьей волне".

Среди эмигрантов, покидавших в прошлом Старый Свет для поисков новой жизни, свободы и счастья в Америке, всегда было много людей дискриминируемых, беспокойных, неудовлетворенных и, наконец, эмоционально неуравновешенных. Советская эмиграция не составляет в этом отношении исключения. Однако ошибаются советские руководители, радостно потирающие руки при мысли о том, что они, как говорит американская поговорка, "убили одним камнем двух птиц", избавившись от бунтарски настроенных диссидентов, и препроводив их вместе с другими "плохо приспособленными" или социально и национально нежелательными "элементами" за рубеж. Дети этих "нежелательных элементов" могут стать в Америке способными инженерами и учеными, талантливыми писателями и музыкантами. СССР не будет богаче и сильнее в результате того, что кремлевские старцы "освободились" от них, а точнее, освободили их от советской власти.

Д-р Борис Сегал

МЁРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ

ОТРЫВКИ ИЗ ПРОЛОГА И ЗАКЛЮЧЕНИЯ*

Первого ноября 1980 года в Алжире тогдашний советник президента США по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский бросил крылатую фразу: "Европоцентрическая эра закончилась".

Ах, как легко мы бросае́мся звучными фразами! И при этом любиме́я собой, становя́сь мысленно на место благодарных слушателей...

А чья же, чьего лидерства, эра началась?

Кто сменил, или сменяет, или вот-вот сменит лидировавшую до второй трети XX века европейскую цивилизацию, которой принадлежат и США, и Канада, и Австралия и еще несколько островков на разных материках?

Второго ноября 1980 года американские газеты сообщили, что, по словам Збигнева Бжезинского, "Соединенные Штаты признают конец 'европоцентристской' эры в истории человечества. К концу нынешнего века в Азии, Африке и Латинской Америке будет проживать 85 процентов мирового населения, которое будет организовано в единую политическую силу, и Соединенные Штаты намерены сотрудничать с Третьим миром с целью направлять его развитие по позитивному пути".

Сотрудничать — это хорошо. Направлять по позитивному (с чьей точки зрения?) пути развития — ещё лучше. Но кто же

---

*Из ещё не опубликованной книги. Д. Ш.

сплотит и "организует в единую политическую силу" "85 процентов мирового населения"? Кого США соглашаются направлять "по позитивному пути развития"?

Это очень важный вопрос. 15% населения планеты, действительно, не могут решать за остальные 85% её населения. Но, с другой стороны, большинство никогда не бежит всё, скопом, впереди самого себя. В каком направлении ни шло бы развитие, в позитивном (?) или в негативном (?), впереди идёт меньшинство, а в меньшинстве вперёд вырываются лидеры.

Правда, с таким же успехом можно сказать, что лидеры находятся не впереди, а управляют толпой изнутри или со стороны. Однако смысл остаётся один и тот же: их воля существенно влияет на поведение большинства и опережает его. При самом оптимистическом из всех возможных отношений к будущему, нельзя полностью исключить предположение, что лидером значительной части Азии, Африки и Латинской Америки может оказаться в обозримом будущем СССР. И тогда именно с ним придётся Соединенным Штатам сотрудничать... в первую очередь, именно его направлять "по позитивному пути развития". Можно ли сегодня договариваться с любой из стран, руководящей и направляющей силой которой является СССР, через голову лидера? Например, с Польшей, с Чехословакией, с Кубой? Нельзя. Приходится учитывать волю и позицию лидера.

В этой связи интересно взглянуть повнимательнее на тех, кто являлся лидерами в истории самого СССР. На Ленина, на Бухарина, на Троцкого. Почему не на Хрущева и Брежнева? Да хотя бы потому, что первые трое являются исторически более близкими современной европейской стихии и ситуации и, как это ни странно, более злободневными для неё, чем Хрущёв и Брежнев. Последние — далекое для европейского мира будущее победившего коммунизма. Европейский мир (в том числе, повторяю, США, Канада, Австралия и ещё несколько стран на каждом материке) переживает сейчас российские 1910-е годы. Его ленины еще не подсунули трибун под его троцких. Они не подготовили ещё всего, что нужно его сталиным. Его бухарины ещё не пытаются, рушась, противостоять хотя бы в чём-то логике сотворённой ими самими системы.

Европа (то есть все те же 15%, которые не входят ни в

коммунистический, ни в "третий" мир) может, впрочем, и переключиться через многолетнее ступенчатое вызревание господ Баадер-Майнгоф в господ Хрущёвых-Брежневых. Мы уже наблюдали, как советские лидеры 1930-х — 1980-х гг. пересаживают подпавшие под их власть общества из любой фазы исторического развития в советский способ существования.

Помимо всего прочего, Ленин, Троцкий, Бухарин и психологически ближе современному европейцу, чем Хрущёв и Брежнев. Первые трое и сами-то ещё европейцы, европейские социал-экстремисты, а двое последних уже Homo Sovieticus со всеми вытекающими отсюда различиями в мироощущении и психологии.

Ну, а Сталин?

Сталина я живописать не берусь, но и уйти от него в этих историях некуда. Он будет присутствовать в них неизбежно, потому что с 1923 года он один из главных двигателей происходящего. Сталин одновременно и уникален, как слитая с ним система, и ординарен, как все супертираны. Но он — преемник, сохранивший и укрепивший систему, а не её основатель. Меня же в этой книге интересуют в первую очередь основатель и те, кого многие склонны считать носителями альтернативных ленинизму-сталинизму начал.

Недавно мне пришлось беседовать с одним из своих коллег об этой книге. Мне был задан вопрос: "Вас можно понять так, что вы собираетесь заставить говорить мёртвых?"

В значительной мере, да. Мёртвые говорят языком своих сочинений, писем, приказов, отчётов, зафиксированных речей. Для того чтобы мёртвые заговорили, не нужно ни мистики, ни хитроумной техники, ни древних оккультных, ни каких-либо сверхновых наук. Достаточно углубиться в книги и документы. Но заставить живых по-настоящему, во всей полноте теми сказанного прислушаться к мёртвым неизмеримо труднее, чем заставить мёртвых заговорить.

II

При вхождении в тоталитарный тупик возникает настоятельнейший вопрос о личных свойствах людей, образующих высшие

отделы мозга совокупного властителя, взявшего на себя в неведомой доселе мере полномочия всех прежде бывших правящих классов истории.

Будь они, эти люди, и семи пядей во лбу, и глубочайше порядочны, и добры, они не смогли бы преодолеть фундаментальных пороков внеконкурентного управления. Но стали бы они игнорировать эти пороки, будь они прозорливы, добры и порядочны?

При всех их индивидуальных различиях, некоторые основные черты отцов любых коммунистических партократий можно "вычислить", исходя из фундаментальных свойств системы, которую они создают. Создавать такие системы, укреплять и охранять их *любой ценой*, игнорируя их бесчеловечность, могут лишь люди определенного склада.

Интеллектуальная и моральная безответственность — это, пожалуй, главное качество всех трех героев моих очерков. Я не присоединяю к ним Сталина не потому, что он обладал интеллектуальной и моральной ответственностью, а потому, что к нему неприменимы даже в отрицательном смысле эти критерии. Их просто не к чему в нем применить.

А в Ленине, Бухарине, Трошкем есть к чему ?

По моему читательскому впечатлению — есть. Я уже писала, что они — ренегаты от слоя, в котором прошли их детство и юность, от идеалов великих литератур, на которых выросли. В душе ренегата всегда сохраняется уголок, в который он старается не заглядывать.¹ Кроме того, в начале своих путей они — утописты и лишь постепенно утрачивают личную веру в идеалы, которые позднее сами же и предают, избирая ложь, а не отказ от утопии. Был ли когда-нибудь утопистом-идеалистом Сталин, я не знаю.

Слово "ответственность" естественно вызывает вопрос: "Перед кем?"

Я не склонна объяснять страшную безответственность моих героев исключительно их атеизмом. Отношение человека к Богу вопрос глубоко личный. Воинствующий атеизм сам по себе

---

1. Собираательный образ деятеля и мыслителя такого типа представлен А. Кестлером в лице Рубашова — героя его романа "Мрак в полдень".

есть уже проявление умственной безответственности: нельзя утверждать, что *знаешь* то, во что, по причине его рационалистической недоказуемости, можно только верить или не верить. Верующий так и говорит: "верую", а не "знаю". Он честен. Атеист утверждает, что он знает, но это неправда: он верует в недоказуемое отсутствие Бога и в материю (термин, ничего о возникновении мира не сообщающий). Есть, однако, еще и третья позиция, поневоле противопоставляющая обеим верам (в Бога и в отсутствие Бога) свое "Не знаю". "Не знаю" — предел того, на что может решиться разум в дискуссии с верой. Но если для верующего человека интеллектуальная и нравственная ответственность есть ответственность перед Богом, то для не знающего, есть ли Бог и каков он, — это ответственность перед своей совестью и перед людьми, которых он куда-то взялся вести за собой.

Мои персонажи не испытывают ни ответственности перед Богом, ни ответственности перед собственной совестью и людьми, которых не только зовут или ведут куда-то, но и безжалостно уничтожают по своему усмотрению.²

"Он чужд сомнения в себе, сей пытки творческого духа", — таков лучший из возможных эпитафий к сочинениям и деяниям каждого из трех моих персонажей. Они лишены атрибутов творческого духа, ибо таковым не обладают. Они манипуляторы, а не творцы; эксплуататоры идей, а не их генераторы. Они поразительно, до хлестаковской "легкости в мыслях необыкновенной", самоуверенны.

Это не значит, что они не ведают сомнений при выборе того или иного тактико-стратегического маневра — в маневре они сомневаться могут. Это значит, что они никогда не сомневаются *в себе*: в своей способности вести, в своем праве выбирать за отдельных людей, за группы, за классы, за народы, за все человечество, что тем думать и говорить, как тем работать и жить, быть или вовсе не быть тем на свете.

При этом они легко проговариваются о приблизительности своих целей, о расплывчатости дорог, на которые взялись заго-

---

2. Когда я говорю "уничтожают", я имею в виду не функции палачей, а приговоры, приказы, декреты, законы, подстрекательства, поощрения и сочинения.

нять человечество любой ценой, словом и делом.

У моих персонажей есть и такое общее свойство, как удивительная слабость теоретической мысли. Я бы назвала это их качество атеоретизмом мышления.

На их глазах опровергалось жизнью одно положение учения Маркса за другим — они выходили из положения посредством жалких словарных подмен и не сделали ни одного продуктивного научного вывода из своего провала. Ни диктатуры пролетариата, ни эгалитарного свободного общества, ни мировой "безвластной коммуны" они не создали. Но продолжали цепляться за фикцию "пролетарского государства" и не приблизились к беспристрастной переоценке своих действий и своей исходной тематики. Заодно с игнорированием ошибок Маркса, они постарались проигнорировать (а может быть и впрямь упустили из виду) одну его блистательно подтвердившуюся догадку.

Я имею в виду мысль Маркса о том, что реальная структура разделения труда в каждом обществе обуславливает его реальную правовую иерархию. Современное разделение общественного труда не позволяет совместить выработку стратегических и тактических решений (управление) с исполнением этих решений в жизни каждого человека, а значит, и всех членов общества. Уничтожив одну "государственную машину", придется взамен тотчас же создавать новую. Уничтожив частных и групповых собственников (распорядителей) производства, необходимо немедленно препоручить их функцию наемным чиновникам. Одного желания масс и правителей для создания "безвластной коммуны" мало: нужны такие преобразования в технологии, в структуре общественной занятости, которые недоступны ни современной технической и социальной мысли, ни современной социальной эмпирике, опыту. По этой линии Маркс-аналитик выиграл против Маркса-преобразователя и пророка.

Личные качества моих персонажей обретают особый вес еще и потому, что эти деятели политически ошеломительно активны — в степени, убывающей от Ленина к Троцкому и Бухарину и скачкообразно возрастающей в Сталине. А серьезная и честная мысль их оппонентов издавна и по сей день больна остройшей

гипертрофией личной и социальной ответственности, перерастающей в парализующую рефлексю. Легко представить себе, чем чревато такое распределение качеств: активность в сочетании с безответственностью и пассивность в сочетании с правотой!

И все-таки они, конечно же, очень различны.

Б. Бажанов пишет в своей уже упомянутой мною книге: "Когда я начал знакомиться с настоящими материалами о настоящем Ленине, меня поразила его общая черта со Сталиным: у обоих была маниакальная жажда власти. Всю деятельность Ленина пронизывает красной нитью лейтмотив: "во что бы то ни стало прийти к власти, во что бы то ни стало у власти удержаться". Можно предположить, что Сталин просто стремился к власти, чтобы ею пользоваться по-чингизхановски, и не очень отягощал себя другими соображениями, например: "А для чего эта власть?", в то время, как Ленин жаждал власти, чтобы иметь в руках мощный и незаменимый инструмент для построения коммунизма, и старался удержать власть в своих руках для этого. Я думаю, что это предположение близко к истине. Личные моменты играли в ленинском стремлении к власти меньшую роль, чем у Сталина, и во всяком случае, иную".³

Я тоже так думаю. Но вот представление о коммунизме и о путях его построения было у Ленина, судя по его собственным признаниям и писаниям, более чем приблизительным. Однако власть своей партии он крепил цементом, замешанным на крови, и отступить от нее ни в коем случае не желал.

Но далее Б. Бажанов пишет об отношении Троцкого к Ленину: — "... он вызывал отвращение Троцкого, к стати морально более чистого и порядочного"⁴. А с этим уже согласиться трудно. Человек, хоть сколько-нибудь чистый и порядочный, не перешагнул бы через свое многолетнее неуважение к Ленину ради совместного движения к власти и не посвятил бы последние шестнадцать лет своей жизни (1924-1940) доказательствам своего идейного тождества Ленину.

Троцкий обязан был своим положением в партии большевиков только тому, что в 1917 году Ленин принял и высоко оценил

---

3. Бажанов Б. Записки бывшего секретаря Сталина, стр. 114 - 115.

4. Там же, стр. 115.

его помощь, а в 1918-1923 гг. не поминал ему своих старых с ним расхождений. Ленин и в "Завещании" упомянул о "небольшевистском прошлом" Троцкого весьма корректно. Ветераны большевизма открыто набросились на Троцкого только в 1924 году — после смерти Ленина и "Уроков Октября". Троцкий же и пальцем не шевельнул, чтобы помочь больному Ленину в борьбе против Сталина и ничем не попытался ослабить блокаду вокруг умирающего. И здесь поведение Троцкого было уклончивым и непорядочным. Но после смерти Ленина он стал размахивать его цитатами и кричать об ортодоксальности своего ленинизма с таким же азартом, как его оппоненты. Он и троцкистов-то именовал не иначе, как "последовательными большевиками-ленинцами". В своих последних больших работах "Что такое СССР и куда он идет" и "Сталин" он обнаруживает среди большевистских вождей и всего-то двух праведников-марксистов: себя и Ленина.

Б. Бажанов прав и тогда, когда он пишет, что победа Ленина в России говорит не столько о его гениальности (правда, в тактической сверходаренности ему не откажешь), сколько "о слабости его противников (чемпионов революционной разрухи), об их неумелости и отсутствии политического опыта, об общей анархии, в которой небольшая группа прилично организованных ленинских профессиональных революционеров оказалась более умелой и чуть ли не единственной чего-то стоящей организацией. Особого ленинского гения я как-то во всем этом найти не смог.

Чего Ленин хотел? Конечно, осуществления коммунизма. К этому после взятия власти Ленин и его партия шли напролом. Известно, что в течение трех-четырёх лет это привело к полной катастрофе. В позднейших партийных изложениях это стыдливо изображается не как крах попытки построения коммунистического общества, а как крах "военного коммунизма". Это, конечно, обычная ложь и фальсификация. Провалился в эти годы коммунизм вообще. Как Ленин принял этот провал?"⁵

И Ленин, и Троцкий, действительно, пишут о том, что "военный коммунизм" был неудачной попыткой введения в России

---

5. Там же, стр. 115 - 116.

1918-1921 (по март м-ц) годов "подлинного коммунизма" (Троцкий). Поразительно, как ускользает от обоих авторов абсолютно немарксистский характер такой попытки. Их коммунизм это есть лишь синоним огосударствления экономики и диктаторской власти коммунистической партии. Он не имеет ничего общего с *утопическим* книжным коммунизмом Маркса — безгосударственным, бесклассовым и изобильным, как скатерть-самобранка из русской сказки. У Ленина и у Троцкого "по потребности" означает "по представлению коммунистической власти о потребностях ее подданных". Иными словами, потребность здесь целиком отчуждается от потребителя: определяют потребности (в том числе свои) одни слои общества, составляющие его управляющий Центр, потребляют (или погибают) — другие. Что в этом строе нового по сравнению с любой формой рабовладения — от античной до ГУЛаговской?

Вот слова Ленина о коммунизме, сообщенные Б. Бажанову секретаршами Ленина: — «"Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по щучьему велению. Между тем, это вопрос десятилетий и поколений. Чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе, мы должны изображать перед ней возврат к меновой экономике, к капитализму как некоторое временное отступление. Но для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни, нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос ещё, сохранили ли бы мы власть в этой всероссийской мясорубке"».

Я всегда думал об этих словах Ленина, когда через несколько лет Сталин начал осуществлять всероссийскую мясорубку, загонять народ в коммунизм силой. Оказалось, что, если не останавливаться перед десятками миллионов жертв, это может выйти. А власть при этом сохранить можно. Ленина остановил Кронштадт и Антоновское восстание. Сталин перед Архипелагом ГУЛагом не остановился». ⁶

Я подозреваю, что Ленина остановили Кронштадт, массовые крестьянские восстания и рабочие выступления лишь

---

6. Там же, стр. 116 - 117.

постольку, поскольку после уничтожительного подавления и того, и другого, и третьего ни сил, ни ресурсов, ни резервов для дальнейшей эскалации террора подобной мощи у партократии в ту пору попросту не осталось. Ленин уже в 1922 году писал о вероятном возобновлении в обозримом будущем экономического террора (от политического он не отказывался никогда). Но тогда для продолжения политики "военного коммунизма" просто не оставалось ни сил, ни хлеба. А народ в 1921 году входил в состояние той абсолютной безвыходности отчаяния, когда самые мирные люди восстают против убийственной тирании, смертью смерть поправ.

Ведь и Сталин пошел на "большой террор" не с 1923-го, а примерно с 1930 года. Так что отнюдь не боязнь превысить какую-то меру жестокости остановила Ленина в 1921-м году. В Кронштадте и под Тамбовом ни Ленин, ни Троцкий милосердия не проявили. Иное дело, что у них могли нервы не выдержать там, где Сталин и не подумал бы взволноваться. Кроме того, и Ленин, и Троцкий, и более всех остальных Бухарин ощущали тотальный террор как некую насущно необходимую, но чрезвычайность⁷ (все-таки чрезвычайность), а Сталин никакой чрезвычайности в этом не ощущал.

Я не буду входить в детали бажановских характеристик Сталина, Троцкого и Бухарина, надеясь, что каждый заинтересованный историей большевизма читатель читал или прочтет его книгу. Еще совсем молодым человеком Б. Бажанов понял и написал, "что в мире началась мировая гражданская война и что коммунизм представляет для человечества сейчас главную опасность".⁸ Эти его предупреждения — "рассматривались, как партизанское преувеличение русского эмигранта (и потом, какой-то молодой русский пытается учить старых, опытных специалистов политики)".⁹

"Молодой русский", который говорит это о себе, понял

---

7. Что даже отразилось в первоначальном названии основного охранно-караательного органа созданной ими партократической диктатуры — ВЧК — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с саботажем и контрреволюцией.

8. Бажанов Б. Записки бывшего секретаря Сталина, стр. 284.

9. Там же, стр. 284.

тогда в происходящем не только больше, чем понимают по сей день многие "старые, опытные специалисты политики", но и оценил ситуацию куда вернее, чем оценили ее по день своей гибели вожди большевизма. Многие в его книге побуждают к серьезному раздумью, в частности следующие рассуждения. Как все эмигранты, любящие свою родину, но неспособные оставаться в ее пределах, Б. Бажанов стремится осмыслить и обосновать свой побег из СССР: — "Мое личное положение парадоксально: ГПУ меня ненавидит, маниакально подозрительный Сталин не обращает никакого внимания на доносы ГПУ, все секреты власти в моих руках. А я серьезно изучаю вопрос, чем я могу помочь для свержения этой власти.

Впрочем, иллюзий у меня никаких нет. Народные массы, как бы далеко ни зашла эта рабовладельческая система, сбросить власть не смогут; время баррикад и пик давно прошло, у власти не только танки, но и громадная, небывалой силы полиция; а кроме того, правящие ни перед чем не остановятся, чтобы власть удержать — это вам не Людовик XVI, который не хотел проливать крови подданных, эти прольют — сколько угодно.

Переворот мог бы прийти только сверху — из ЦК. Но и это почти невозможно: для этого людям, желающим ликвидировать коммунизм, надо скрывать, что они антикоммунисты, и завоевать большинство в ЦК. Вижу весь личный состав большевистских верхов; не вижу людей, которые бы склонны были это сделать.

А я сам? Исторический случай дает в моем лице врагу коммунизма возможность знать все его секреты, да и присутствовать на всех заседаниях Политбюро и Пленумов ЦК. Я могу сделать основательную бомбу (кстати, я иногда еще работаю в Высшем Техническом в лабораториях качественного и количественного анализа; там есть и азотная кислота, и глицерин) и пронести ее в портфеле на заседание — никто не смеет любопытствовать, что в портфеле у секретаря Политбюро. Но для меня совершенно ясно, что это не имеет ни малейшего смысла — сейчас же будет избрано другое Политбюро, другой состав ЦК, и будут они не хуже и не лучше, чем этот, — систему бомбой убить нельзя. К разным фракциям правящей верхушки я равнодушен: и троцкие, и сталины одинаково проводят коммунизм.

Наконец, подбирать и организовывать свою группу в партийной верхушке — дело совершенно безнадежное — пятый или десятый побежит докладывать Сталину. Да кроме того, я лишен возможности делать что-либо скрытое — ГПУ внимательно следит за каждым моим шагом в надежде найти что-либо против меня.

Что же я могу сделать? Только одно — продолжать скрывать мои взгляды и продолжать делать большевистскую карьеру с надеждой стать наследником Сталина и тогда все повернуть. Дальнейшее показало, что это совсем не фикция: Маленков, заняв после меня место секретаря Политбюро, именно это и проделывает: то есть проделывает первую часть программы — нормально выходит в наследники Сталина (к смерти Сталина — он второй человек в стране, первый секретарь ЦК и председатель Совета Министров); наоборот, будучи достойным учеником Сталина и сталинцем, совершенно чужд второй части моей программы — заняв место Сталина, все повернуть.

И эту возможность я отвергаю. Я знаю Сталина и вижу, куда он идет. Он еще мягко стелет, но я вижу, что это аморальный и жестокий азиатский сатрап. Сколько он будет еще способен совершить над страной преступлений — и надо будет во всем участвовать. Я уверен, что у меня это не выйдет. Чтобы быть при Сталине и со Сталиным, надо в высокой степени развить в себе большевистские качества — ни морали, ни дружбы, ни человеческих чувств — надо быть волком. И затратить на это жизнь. Не хочу. Но тогда что мне остаётся в этой стране делать? Быть винтиком машины и помогать ей вертеться? Тоже не хочу.

Остается единственный выход: уйти за границу; может быть, там я найду возможности борьбы против этого социализма с волчьей мордой”.¹⁰

Итак, "систему бомбой убить нельзя".

Возникает привычное для бывшего подсоветского человека впечатление, что роль субъекта (личности) в создании, укреплении, выживании рассматриваемой здесь социальной системы — ничто. Пресловутые же объективные законы развития общества неотменимы и в любом случае выделяют из массы людей

---

10. Там же, стр. 219 - 220.

нужную им фигуру. Но ведь социализм-коммунизм — система особая, не возникшая, как другие общественные системы, стихийно, "общественно-бессознательно" (Маркс), а (подобно и национал-социализму) изобретенная и сознательно организованная определенными лицами! Здесь возникают порой такие исторические моменты, когда вывод из игры главного действующего лица или очень узкого круга лиц способен решительно изменить игру.

Имеется достаточно оснований предполагать, что не приезд в Россию весной 1917 года Ленина, или приезд Ленина без немецкого золота, или гибель Ленина в 1918-1921 гг. могли бы изменить дальнейшее развитие российской и мировой истории. Таковую же роль в определенные моменты советской истории могло бы сыграть и устранение Сталина.

Несомненно, что не совершенная Б. Бажановым акция могла бы, совершись она, оказаться гибельной для ее осуществителя. Но в те годы, когда двадцатилетие "большого террора" еще не сдвинуло и не сплестило партию в бездумно-исполнительный монолит, срезать самую верхушку партийной иерархии (Сталина) — означало раскрепостить фракции, борьба которых могла привести в конечном счете и к изменению строя. Троцкисты ослабили бы диктатуру своим догматическим идеализмом и политическим авантюризмом; "правые" привели бы, возможно, к реставрации экономической и политической демократии. В истории немало моментов и ситуаций, когда определенный характер и даже шаг в определенном месте и в определенный период решают очень и очень многое.

Партократии побеждают и выживают только тогда, когда полностью отдают себе отчет в значимости каждой своей тактической акции.

Почему, например, не были реабилитированы в 1956-1961 гг. ни Троцкий, ни Бухарин, ни главные участники связанных с их именами процессов?

Потому что Бухарин и Троцкий боролись не только за власть и не только были в личной конфронтации со Сталиным (Бухарин в таковой и не состоял), но проповедовали тактические ходы, которых ЦК КПСС и сегодня без риска для своего существования принять не может. Ни открытая тактика и пропа-

ганда мировой революционной войны, ни воссоздание независимого крестьянства, индивидуального и кооперированного, для КПСС невозможны. Реабилитация этих деятелей означала бы снятие запрета с их произведений. В этом случае работы Бухарина могли бы повлечь критически мыслящую часть общества куда дальше, чем, возможно, хотел того сам Бухарин, а возвращение к экстремистским работам Троцкого разоблачало бы фикции советской видимой дипломатии.

Я уже цитировала слова А. Авторханова о том, что у Бухарина и его друзей не было целей, отличных от целей Сталина: все они стояли на почве единовластия ВКП(б) и построения (в конечном счёте) национализаторского социализма в СССР. Различия были, по словам А. Авторханова, чисто тактические. То же он говорит и о расхождениях между Троцким и Сталиным: "Собственно говоря, вся разница между Сталиным и Троцким была не в программных вопросах, а в тактике".¹¹

В книге "Что такое СССР и куда он идёт", обещая народам СССР профсоюзную, советскую и партийную демократию и даже многопартийность, Троцкий полагает возможным допустить сосуществование всех тех партий и фракций, которые, стремясь к общей цели (построение социализма и коммунизма во всём мире), расходятся "только" во взглядах на тактику и стратегию этого построения.

Ошибка всех тактических оппонентов Сталина и многих исследователей конфликтов между Сталиным и его оппонентами заключается в неощущении как фракционерами, так и упомянутыми учеными единственности той тактики, которая могла обеспечить победу и выживание коммунистической партократии в СССР. Сдвиг на волосок "вправо" или "влево" от этой единственной тактики означал бы недостижение цели.

Мировой социалистической системы тогда не существовало, и тактические промахи партократического руководства СССР не могли компенсироваться помощью извне, как сегодня "выравнивает" СССР все отклонения от нужного ему курса в партийно-государственной жизни своих сателлитов. Да и масштабы СССР (как и масштабы КНР) не допускают такого "выравнивания"

---

11. Авторханов А. "Технология власти", 1975, стр. 100.

извне. Последнее эффективно лишь по отношению к сравнительно малым государственным образованиям.

Коммунистические государственные структуры формируются, выживают и утверждаются либо оккупационно, либо при уникальной безошибочности тактической линии своей партократии. Таким уникальным тактико-хронометрическим чутьём обладали Ленин и Сталин и не обладали их оппоненты.

В силу того, что результат всегда предопределяется *и* тактикой своего достижения, а не только желанием его достичь, утверждение, что оппозиционеры расходятся с некоей политической линией лишь тактически, само по себе не может служить основанием к их реабилитации в глазах такой силы, как партократия. Эта сила противостоит всему обществу покорённой ею страны и всему ещё не колонизованному ею миру. У неё всегда не ладится с экономикой, с техникой, с научным прогрессом, с экологией — со всем тем, для чего нужны раскрепощённые творческие возможности, а не только централизованное усилие, насилие и дезинформация. Сила, пребывающая в такой позиции, не может позволить себе тактических заблуждений.

Уничтожение Сталина *до коллективизации и "большого террора"* было бы акцией не тактического, а стратегического масштаба, не исключено, что и судьбоносной, ибо второго Сталина (третьего Ленина) тогдашняя партократия могла бы в нужный момент и не выдвинуть.

Шаг Бажанова мог оказать на дальнейшее развитие событий в СССР и в мире не меньшее, но с обратным знаком влияние, чем роковой для России шаг Александра II в сторону его убийцы Гриневицкого 1-го марта 1881 года.

Когда партия была еще по существу своему конгломератом разномыслящих фракций, объединяемых наиболее сильной верховной волей, решительно изменить ситуацию могло именно уничтожение этой объединяющей, бдительной и всеподчиняющей воли. Во всяком случае, нет оснований предполагать, что Ленина мог бы заменить Троцкий, а роль Сталина — сыграть Бухарин. Персонажи этой исторической трагедии отнюдь не взаимозаменяемы. И только двое из них: Ленин и Сталин в нескольких горячих точках истории 1917-1940-х гг. были действительно незаменимы. Даже в 1953 г. естественная

смерть (или устранение?¹²) Сталина приостановила развитие в стране ряда процессов, представлявших большую опасность для многих слоев, включая тогдашние верхи партии; и привела к известным изменениям партократического режима, хотя и не решающим.

Но у этого ретроспективного "переигрывания" (в уме или на словах) российской исторической драмы XX века есть еще одна сторона. Предположим, что Ленин и Сталин были исключены из игры в один из моментов, когда ход событий зависел, в основном, от них, и партократия пала, не успев утвердиться и развернуться. То, что условно называется ныне советской властью, было бы вскоре мифологизировано, и лидеры несостоявшейся или рухнувшей партократии, подобно парижским коммунарам или Сальвадору Альенде, обрекли бы мученический ореол. Режим, построение коего было бы сорвано где-то в 1917-1930 годах, остался бы в памяти человечества как одна из величайших и желаннейших возможностей, не реализованных только в силу победы злобной реакции.

Ведь даже сегодня, когда партократиям удалось развернуться в полную мощь во множестве стран, часть человечества, еще партократиями не освоенная, либо недооценивает их мощь, либо парадоксально идеализирует их качества и возможности. Неслучайно ряд серьезных исследователей вопроса высказывает предположение, что непартократическая часть мира войдет в тупик партократии как раз тогда, когда ныне тоталитарная часть его начнет с боями выбираться из этого тупика. Не решаюсь ни на какие прогнозы, но в том, что несостоявшаяся партократия была бы навек занесена не только в коммунистическо-социалистические, но и в либерально-прогрессистские святцы, не сомневаюсь.

Не берусь утверждать категорически, но подозреваю, что в кругу современной советской правящей олигархии нет такой решающей личности, как Ленин и Сталин. Полагаю, однако, что и в нынешнем СССР или Китае решают судьбу своих стран (и в существенной степени — мира) не миллион-другой "аппаратчиков" и администраторов, а достаточно узкая вершинная

---

12. Авторханов А. Загадка смерти Сталина.

олигархия.

Поэтому и в СССР, и в Китае есть некая крайне малая вероятность (появись на достаточно высоком уровне умелая, скрытая оппозиционная группа) верховного правительственного переворота. В большинстве же прогнозов на будущее возникают либо вечная тирания, либо страшное апокалиптическое все-крушение. Последнее объясняется тем, что слишком уж погрязшими в деспотизме и лжи представляются со стороны все обитатели верхних этажей партократических иерархий. Но — как знать: может быть, при достаточно плотной изоляции извне, при исключении дальнейшей эскалации во внешний мир, под напором внутреннего недовольства, проснулись бы недоубитые души и на этих ступенях? Вряд ли, впрочем, такая надежда (греза) реалистичней, чем вера в то, что свободный мир успеет решиться на плотную изоляцию СССР и Китая, на прекращение внешней экспансии СССР...

О таком блестящем исходе, как изменение восточной политики Запада и авторитарный, с раскрепостительными тенденциями, переворот в СССР, пока можно лишь изредка пометчать (чтобы не до конца отчаяться).

На деле могучей, агрессивной, но неспособной прокормить себя и своих сателлитов державой твердо и бдительно управляет кучка безличностей, чью власть утвердили и обеспечили страшные, но незаурядные личности: Ленин, Троцкий и Сталин. Бухарин пусть останется от них отделенным: в конце своей жизни он попытался воспрепятствовать злу и погиб ужасно...

Дора Штурман

О КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКЕ

Людам свойственно судить о явлениях по определенному, уже сложившемуся шаблону. Р. Гуль в своих воспоминаниях "Я унес Россию" (т. I. "Россия в Германии") пишет, что русская интеллигенция попала впросак, прилагая к большевицкой революции термидоровское мерило: — "Тому же Сологубу принадлежит другое острословие: 'Октябрьская революция — это обезьяна французской'. Ничего не скажешь — остро. Но история показала, насколько это суждение было ошибочно и упрощено. А, к сожалению, именно так большинство русской интеллигенции восприняло ленинский Октябрь, измеряя его 'французским термометром', что привело многих к роковым заблуждениям, личным трагедиям и политической пустоте" (стр. 165). "Большевицкий тоталитаризм давно переброшен через границы СССР: Китай, Камбоджа, Вьетнам, Восточная Германия, Чехословакия, Венгрия, Польша, Болгария, Румыния, Югославия, Албания, Абиссиния, Куба, некоторые арабские и африканские страны (добавим от себя: Лаос, Никарагуа, В. П.). Уже больше полмира захвачены лапами Ленина. Мы давно вступили в новую эпоху бесчеловечья. Всего этого русская политическая эмиграция 20-х гг., конечно, не предвидела, не могла предвидеть, относя всяческие зверства к 'экссессам революции' — к гильотине на Гревской площади. Но ведь пришел же — после гильотины — Термидор? Пришел Наполеон? Пришла даже реставрация Бурбонов? 'Французский термометр' жестоко подвел русскую политическую эмиграцию..." (стр. 167). Мало кто попытался изучить марксистско-ленинскую

идеологию и понять из ее сущности этот новый феномен. Вернее, многие изучали и критиковали марксизм, Н. Бердяев, Б. Выше-славцев, С. Франк, С. Булгаков и многие другие, не с такими известными именами как вышеперечисленные. Но изучали и критиковали чисто теоретически. Тогда как практику нередко сознательно отделяли от этих весьма умных, даже гениальных теоретических анализов. Бердяев первый совершил ошибку, связав практику слишком тесно с русским национальным характером и русской историей. Нет сомнения, национальный характер народа той страны, где победил марксизм-ленинизм, накладывает на практику известный отпечаток. Но это только "индивидуальная окраска" того же самого феномена, и формы в таких разных странах, как, скажем, быв. Российская империя, Китай и Куба (возьмем те страны, где коммунизм победил изнутри), весьма похожи друг на друга. Бердяев этого, конечно, знать не мог.

Странно, что не только в первые годы эмиграции, но и во все эти десятилетия мало кто из эмиграции обратил внимание на роль диалектики в стратегии мирового коммунизма. Революционную роль гегелевской диалектики заметил еще М. Бакунин, указав на нее в своей знаменитой статье "Реакция в Германии", опубликованной в 1842 г. Но мало кто думал о том, что эта диалектика всерьез, а не только с целью риторической казуистики внедрена в самую сущность коммунистической политики. Мы говорим о сущности политики, стратегии, тактики, а не о сущности самого коммунизма. Сущность его остается неизменной, но политика, стратегия, тактика постоянно меняется в соответствии с учением диалектики, которую Мао Дзедун назвал "наукой о том, как побеждать".

Стратегию и тактику коммунизма нельзя мерить вчерашним масштабом, ошибочно думать, что то, что коммунизму вчера было вредно, ему так же вредно и сегодня. То, что вчера ему было вредно, может быть сегодня уже полезно, а завтра опять вредно. Каждый отдельный этап нужно анализировать. Только тогда можно понять, куда направляются в данный момент стратегические усилия коммунизма.

Прежде всего, важно не забывать, что по-прежнему существует мировой коммунизм. Скорее можно понять тех, кто в

период между мировыми войнами соблазнил “государственностью”, надеждою на восстановление государства Российского и преодоления интернационального коммунизма внутри России. Но как можно теперь, когда коммунизм распространяется с такой быстротой на такие различные и с Русской империей никогда в прошлом не связанные страны, — все еще рассматривать Сов. Союз и его политику в полной изоляции от мирового коммунизма, называя эту страну упорно “Россией” — уму непостижимо. Между тем, почти вся третья волна именно так и поступает. Ее представители редко говорят о Сов. Союзе, они почти всегда говорят только о “России”. Они почти никогда не стараются анализировать тактику коммунизма, зато толкуют вкривь и вкось русскую историю, стараясь из нее, а не из идеологии марксизма, объяснить то, что произошло и происходит. Если читать их писания, можно подумать, что кроме России не существует ни одной коммунистической страны на белом свете.

Попробуем же посмотреть, что для мирового коммунизма сейчас полезно, а что вредно. Прежде всего мы думаем, что для мирового коммунизма сейчас уже не вредно, если пишется о жестокостях в странах коммунизма, особенно о прошлых жестокостях Сталина, или о нарушениях прав человека, о тяжелом положении населения. Это НЕ значит, что обо всем этом не надо писать. Мы обязаны перед своей совестью и перед людьми, непрерывно страдающими под коммунистической диктатурой, это делать. Но мы не должны иметь иллюзий: Сов. Союз стал такой мощной державой, что никакие самые жестокие и бесчеловечные действия комдиктатуры не поведут к разрыву отношений с этой мировой державой, не поведут к ее изоляции. Это могло еще случиться во времена коллективизации или террора конца 30-х гг., если б тогда широкая западная общественность знала всё то, что происходило в Сов. Союзе. Тогда сов. режим панически боялся широкого распространения информации о страшных жестокостях, происходивших в стране. Теперь Сов. Союз этого не боится. Информация эта ему не очень вредит.

Не вредит она слишком и мировому коммунизму. Для него опасны не столько информация о фактическом положении в коммунистических странах, как *обоснование* того, *почему* в

коммунистических странах произошло всё то, что произошло, *почему* в этих странах создалось такое положение.

Если давать такие ответы, какие дают некоторые авторы из третьей волны, а именно, что во всех несчастьях виновата русская история, историческое воспитание или исторические привычки русского народа, — в Китае же, вероятно, история Китая и историческое воспитание китайского народа, на Кубе — история Кубы, а в восточноевропейских странах то, что их угнетают русские и т. д., то при таком обосновании сторонники коммунизма в любой, еще не захваченной коммунизмом стране, могут сказать, что история их страны и народа не дает повода для опасений. У них совсем иные традиции, а потому и коммунизм у них будет совсем другой. Если же в той или иной стране победит коммунизм и сложится в уже известные нам формы, то и тогда можно всегда найти какое-нибудь локальное обоснование новой неудаче. Следующая страна и следующий народ могут опять надеяться, что в его-то стране коммунизм будет иным.

Важно показать, что в самой сущности марксизма, в самой сущности социализма заложены семена, которые не могут дать иных плодов, чем те, которые мы видим в Сов. Союзе, Китае, на Кубе и т. д. При попытке, однако, это разъяснить, можно наткнуться на обвинение в историческом детерминизме. В то время, как каждый человек понимает, что если он посадит зерно плевел, то из него не вырастет куст роз, даже и в том случае, если сажавший это зерно был субъективно уверен в том, что вырастут розы. Мало кто понимает, что и в истории из известных предпосылок может вырасти не все что угодно, а только нечто определенное. Большинство людей впадает то в одну, то в другую крайность, то признается полный детерминизм в истории, то утверждает, что человек может провести в жизнь любую утопию.

Чтобы избежать последней ошибки, надо было бы основательно изучить основы марксизма-ленинизма и ясно представить себе, какие результаты эти идеи должны были бы дать в жизни, если их систематически в жизнь проводить. Тогда стало бы ясно, что ждать от этих семян иных плодов, чем те, которые появились на практике, — иллюзия, притом весьма опасная. Однако мало кто дает себе труд заняться этим изучением.

Сталинский период коммунизма в СССР поразил умы людей. И до сих пор считается, что сталинский период был самым характерным периодом по меньшей мере советского коммунизма и что всякое отклонение от сталинской линии уже является ослаблением или изменением этого коммунизма. На самом же деле сталинский период — это только один из этапов коммунизма. Он необходим и, в той или иной вариации, был в каждой коммунистической стране, был или еще длится. Но по мере распространения коммунизма по миру стало ясно, что методы сталинского времени во многих аспектах должны быть изменены. И это не были исключительно прагматические рассуждения: в учении о диалектике, в диалектическом методе заложены корни стратегических и тактических изменений, наблюдаемых теперь.

Коммунизм стал плюралистичен. Это слово, однако, имеет совсем другое значение, чем то, которое ему придается в демократии. Это не означает, что каждая коммунистическая страна в отдельности стала плюралистичной, допустив некоммунистические общественные силы. Понятие это имеет в виду, что теперь имеется много коммунистических государств, не отличающихся друг от друга по-существу, но слегка различных в своих вторичных признаках. Кроме того, нет общего центрального диктаторского руководства вроде прежнего Коминтерна.

Почти все наблюдатели расценивают это явление как ослабление коммунизма, не обращая внимания на то, что коммунизм продолжает быстро распространяться и явно не выказывает никаких признаков ослабления. Мы, во всяком случае, видим в этом явлении не ослабление, а усиление коммунизма. Теперь выяснилось самое страшное в коммунизме: он оказался в состоянии держать свои ряды одной идеологией, без фактической власти одного мощного центра над всеми другими.

Так как мы упомянули об идеологии, то напомним читателю еще раз, как мы охарактеризовали марксистскую идеологию с самого начала: это — наука о том, как побеждать. Вероятно, жажда власти и убеждение, что именно марксизм дает в руки оружие этого знания, и держит коммунистов вместе, не дает этому международному движению распасться.

Оговоримся: мы вовсе не имеем в виду *народы*, подчинен-

ные коммунистическим режимам. Мы имеем в виду *коммунистов*. Нет сомнения, что народам восточно-европейских стран удалось бы постепенно смахнуть свою собственную правящую клику, — или хотя бы некоторым из этих народов удалось бы это сделать, — если б за их спиной не стояла такая мощная коммунистическая держава как Сов. Союз. Но мы говорим не о народах, а о коммунистах. Не забудем, что и в Венгрии, и в Чехословакии нашлись коммунисты, которые поспешили на помощь своей центральной коммунистической мощи, Сов. Союзу.

И на этот наш тезис сейчас же найдутся возражения: — ссоры коммунистов между собою, Югославия, Албания, Китай, "еврокоммунисты"... Если мы начнем с последних, то увидим, что уже в самом наименовании заложена ложь. Коммунизм с самого своего основания был еврокоммунизмом. По Европе бродил "призрак коммунизма", и об его "брождении" возгласили Маркс и Энгельс, очевидные европейцы, а не азиаты, не африканцы. Но уже в самом лживом наименовании теперешних коммунистических партий Италии и Испании (Франция, видимо, лежит вне Европы, т. к. ее коммунисты "еврокоммунистами" не являются: они всегда были очень верны московской линии и недавно сделали даже заявление о правомочности вторжения советских войск в Афганистан), внушается народам, что до сих пор коммунизм был ненастоящим, азиатским, а вот только на 128-м считая от года издания Коммунистического Манифеста и до первого употребления термина "еврокоммунизм" в 1976 г. — году своего существования коммунизм в Западной Европе претерпел свою очередную мутацию и стал настоящим еврокоммунизмом. Это снова одна из линий той дезинформации, которой напичкиваются народы еще свободного мира. Те же, которым неловко употреблять этот явно лживый термин, говорят о "реформистском коммунизме". Но беда в том, что никто не может *конкретно* указать, в чем же этот "реформизм" заключается? Словесный отказ от диктатуры пролетариата и обещание многопартийного государства исходил в 1945 г. уже от всех коммунистов теперешних стран-сателлитов. Но и чешские коммунисты, придя к власти в 1948 г. без помощи советских войск, эти обещания поспешили забыть.

Оставим "еврокоммунистов". Даже для многих западных наблюдателей ясно, что их самостоятельность от Москвы, скорее, игра. О них последнее время уже мало говорят, особенно после того, как распропагандированная, как "реформистский коммунизм", скучнейшая книга Сантьяго де Карильо "О государстве" на поверку оказалась все той же знакомой марксистской жвачкой.

Но как обстоит дело с Югославией и, главное, с красным Китаем? Относительно Югославии я хотела бы сослаться на ряд статей М. Михайлова в "Новом Русском Слове". Мне думается, что он убедительно показал, какой тесной была на самом деле связь коммунистической Югославии с коммунистическим Сов. Союзом. Вопреки распространенной пропаганде Тито не только не протестовал против вторжения сов. войск в Венгрию в 1956 г., — напротив, требовал вторжения, т. к. с полным основанием был сам испуган. Не надо забывать, что Югославия была очень разорена войной, а социалистический строй не в состоянии поднять страну из разорения. Он скорее способен разрушить хозяйство цветущей страны. Поэтому была совершенно необходима хозяйственная помощь, дать которую могли только свободные страны, а не Сов. Союз.

Однако это не значит, что ссора была ненастоящей. Она только ни в коем случае не вылилась бы в смертельную борьбу. Тот же М. Михайлов указал на известный факт, что во время войны Иом-Кипур в 1973 г. в момент острого напряжения между США и Сов. Союзом Тито моментально открыл военный аэродром в Дубровнике для советских самолетов.

Отталкиваясь от примера Югославии, мы хотим указать на чрезвычайно важную закономерность, из которой исходит марксизм, не только в теории, но и в *практической тактике коммунизма*. Это закон о единстве и борьбе противоположностей. Опять-таки Мао назвал его самым важным законом диалектики. Мы хотим указать на то, что развенчание того или другого умершего вождя вовсе не означает отказа от его теоретических размышлений и практических указаний. Если они по-прежнему применимы, то ими пользуются дальше, не ссылаясь больше на их автора. Закон противоречий — центральный закон марксизма, и от него марксисты никогда не отка-

жутся.

Закон противоречия говорит, что в *каждом* феномене есть две стороны, есть внутреннее противоречие и борьба между этими двумя сторонами. Марксистский социализм и коммунизм не могут быть исключениями. И внутри социализма, даже внутри коммунизма должны быть противоречия и должна быть борьба между ними. Разница только в том, что внутри социализма противоречия — неантагонистические и борьба несмертельная, а между социалистическим и свободным (капиталистическим) миром противоречия антагонистические и борьба носит смертельный характер.

В начале статьи мы уже указали на то, что большинство западных советологов считает сталинский период "развития" Сов. Союза — самым типичным, и всякое отступление от единичности этого периода они считают по меньшей мере ослаблением, если не перерождением коммунизма. Но как раз это и есть роковая ошибка. Еще в начале 20-х годов Сталин написал 14 пунктов для молодых коммунистических партий Европы. И уже там говорилось о различном пути развития разных коммунистических партий и предупреждалось, что копировать Сов. Союз не следует. Фактическое развитие, однако, пошло иным путем, т. к. выяснилось, что необходимы крайне крутые меры для того, чтобы сломить волю народа и его сопротивление коммунистической диктатуре. А. Федосеев хорошо излагает эту необходимость, когда рисует нам четыре этапа развития социализма. Каждая коммунистическая страна, включая Югославию, Кубу и Китай, прошла через этот этап сильнейшей централизации и жестокого террора.

Но коммунистические идеологи не забывали, что, собственно говоря, не только различия, но и противоречия должны быть и в их лагере, особенно, если он разрастётся и распространится за пределы бывшей Российской империи. Неантагонистические противоречия и борьба между различными коммунистическими направлениями дают мировому коммунизму много преимуществ. Таким путем испробуется различная тактика, различные пути и, главное, это чрезвычайно облегчает проникновение в еще некоммунистический мир. Поскольку западные политики фиксированы на одной точке, именно Москве, они охотно позво-

ляют распространяться коммунизмом других национальностей, даже помогают им. Но потом обычно Москва перенимает над ними верховное руководство. Но даже если это в каком-либо случае будет иначе, от этого не будет легче ни подпавшему под коммунистическую диктатуру народу, ни еще оставшемуся свободным остальному миру.

Классическим примером сотрудничества в ссоре между Сов. Союзом и красным Китаем является период войны во Вьетнаме. Укажу сейчас только на то, что лишь ссора между двумя коммунистическими державами смогла затянуть США в безвыходную ситуацию ведения войны без желания победить. Только надежда на то, что рассорившийся с КНР Сов. Союз устроит, в конце концов, относительно почетный мир и поможет нейтрализации Южного Вьетнама, побудила администрацию США лавировать между двумя решениями, каждое из которых было бы лучше, чем эта война без желания победить: меж решением вести войну во всю мощь или решением уйти из Вьетнама сразу же. Западные политики сначала ожидали, что Вьетнам ввиду его территориальной близости к красному Китаю станет его сателлитом. Но Вьетнам попал под преимущественное влияние Сов. Союза.

Если США вооружат Красный Китай и дадут ему современную технологию, то смерть свободного мира будет, вероятно, запрограммирована. Во всяком случае, оба коммунистических государства ни в коем случае не вступят в *смертельную схватку между собой, пока еще будет существовать относительно сильный свободный мир*. Они будут продолжать свое проникновение в еще некоммунистические страны уже испытанным путем, который в классической немецкой военной стратегии называется *getrennt marschieren, zusammen schlagen*. В случае необходимости они всегда объединятся для совместного удара.

Вообще обратим внимание на то, что советские войска вступили в страну-сателлит только тогда, когда была угроза *самой коммунистической диктатуре*, т. е. когда, говоря языком марксистской теории, неантагонистические противоречия могли перейти в антагонистические. Ни в Югославию, ни в Албанию советские войска не вступили.

Не вступили они пока и в Польшу, что было вдумчивым

наблюдателям ясно с самого начала. 1) В Польше в противоположность Чехословакии 1968 г. уже стоят советские войска в достаточном количестве, чтобы занять все важные стратегические пункты, если это будет нужно. 2) Только если польские войска целиком (не только отдельные мятежные части) начали бы войну с советскими войсками, тех войск, которые сейчас стоят в Польше не хватило бы. Но после того, как еще в 1956 г. Запад не помог Венгрии, *у окруженной* верными коммунистическими странами Польши никаких шансов на успех в такой войне бы не было. Зачем же нужно вступать в Польшу дополнительным советским войскам? Тем не менее, на всякий случай власть объединили в руках генерала (статью я пишу в конце октября, после избрания генерала Ярузельского секретарем партии).

Тем не менее, следует ожидать, что Ярузельский будет продолжать политику Кани и не ликвидирует профсоюз "Солидарность", а только его несколько дисциплинирует. Валенза, находясь в Париже, уже сказал, что он приветствует избрание Ярузельского, т. к. с *одним* человеком легче будет договариваться, чем с несколькими. Думается, что сохранение неантагонистического внутреннего противоречия между "Солидарностью" и коммунистическим руководством страны входит в план стратегии мирового коммунизма. Это *не* значит, конечно, что рабочее движение в Польше было спровоцировано самими коммунистами. Но коммунисты, к сожалению, умеют ловко приспособлять свою тактику к создавшейся ситуации. Они, в самом деле, постоянно анализируют каждую только что возникшую ситуацию, и быстро переорганизуют тактику в соответствии к ней.

После того, как было допущено известное разнообразие среди разных коммунистических партий, встал вопрос о создании неантагонистического противоречия внутри собственной страны. Условием его должно было быть, чтобы оно не было совершенно отдельным политическим движением (партии, по-настоящему не зависимые от коммунистической, не допускаются), чтобы оно признавало коммунистическое руководство ("Солидарность" признала, ей ничего другого и не оставалось), чтобы оно непрерывно находилось под контролем партийного руководства, не выходя за поставленные рамки.

Даже в самом Сов. Союзе было положено такое начало. И там "диссидентское" движение при Хрущеве было, конечно, спонтанным, ни в коем случае не инсценированным сверху. Но после первой растерянности коммунистической власти удалось им овладеть. Часть, в глазах власти, наиболее опасных, была арестована, часть выслана, а часть держат сейчас для показа иностранцам: мы, мол, не такие уж теперь варвары, это не сталинское время. Понемногу начинает даже пропагандироваться неосталинизм, который уже подхвачен частью эмигрантской прессы, в частности, очень массивно "Посевом". Значительная же часть высланной оппозиции (я говорю о персонально высланных, а не уехавших в анонимной массе евреев или тех, неевреев, которым удалось выскочить в "еврейской волне") и за границей представляет собою легальную оппозицию и проповедует непротивленчество, т. е. остается "неантагонистическим противоречием" по отношению к советскому режиму. Перекрыв прежнюю остро антикоммунистическую эмиграцию, эта "лояльная оппозиция" скорее помогает, чем вредит режиму, хочет она сама этого или не хочет, и независимо от того, кто из ее рядов это замечает, а кто не отдает себе в этом отчета.

Среди немецких наблюдателей только К. Г. Штрём, человек хорошо осведомленный в делах Восточной Европы и владеющий русским языком, на страницах газеты "Ди Вельт" робко высказал предположение, что сейчас в Польше строится модель для приманки Западной Германии. Это очень интересная мысль. Как по мановению палочки незримого дирижера, в Германии началась широкая кампания пацифизма и нейтрализма. Она ведется, конечно, под сугубо лживыми лозунгами. Так например, огромная "демонстрация мира" в Бонне 10 октября 1981 г. происходила под лозунгом "Мир и разоружение". Правильно было, однако, написать лозунг "Разоружение и война". Одностороннее разоружение Запада, которого фактически требуют демонстранты, привело бы неизбежно рано или поздно к войне. Но каждое логическое возражение тонет в эмоциональной волне, заливающей сейчас страну.

Серьезнее то, что в эмоциональной атмосфере искусственно раздутого страха перед, якобы, ставшей возможной нуклеарной войной, не только молодежь, но и политические силы, с кото-

рыми следует считаться, склоняются к этим лозунгам. К этим силам относятся в первую очередь молодые социалисты, смена правительственной партии. Их лидер Пичек заявил, что самым опасным теперь является решение НАТО, принятое в декабре 1979 г. о довооружении НАТО. "Это решение мы должны опровергнуть", — сказал Пичек. Он требует также выхода Западной Германии из НАТО, а Восточной из Варшавского пакта. Это старый советский план, т. к. если это осуществится, то после короткого периода нейтралитета для Сов. Союза будет легко захватить всю Германию. Пичек и молодые социалисты, к сожалению, не одиноки в своей партии. Более крупные политики, даже ведущие, как Эрхард Эпплер, Оскар Лафонтен, Гюнтер Янзен, Клаус Маттизен, депутаты бундестага Копик, Тюсен и их 50 последователей, высказывают аналогичные мысли. Всё же 51 депутат бундестага из социал-демократов высказались письменно в пользу "демонстрации мира", в которой не только участвовали коммунисты, но организовали инфильтрированные коммунистами организации. В сущности и ловкий, скользкий Эгон Бар принадлежит к числу нейтраллистов, чего он пока открыто не скажет. В демонстрации участвовали и молодые свободные демократы, и не только молодые: на ней выступал 85-летний Вильям Борм, которого, однако, давно считают связанным с коммунистами.

Иными словами, в обеих правительственных партиях есть уже крупные силы, прямо и откровенно ведущие линию на выход Западной Германии из НАТО и на нейтрализацию Германии. Позиция, которую занимает в этом вопросе председатель социал-демократической партии Вилли Брандт неясна, думаем, он сознательно оставляет ее неясной. Во всяком случае, его речь во время дебатов в бундестаге 9 октября 1981 г. относительно предстоящей демонстрации была совсем иной, чем речь канцлера Шмидта. Последнему чаще аплодировала оппозиция, чем депутаты его собственной партии. Но уже до болезни Шмидта было ясно, что он на нисходящей политической линии. Вряд ли он останется канцлером до 1984 г.

В народе сейчас велико разочарование коалицией, не столь из-за ее внешнеполитического курса, как из-за урезывания социальных выплат и общего хозяйственного положения. Согласно

опросам партия христианских демократов получила бы, если б в ближайшее время были выборы, абсолютное большинство. Но эта партия может удержать свои позиции только, если она и в вопросе НАТО, нейтрализма и "демонстрации мира" останется на своих твердых позициях. И вот, как будто, чтобы подорвать позиции своей собственной партии, уже находятся оппортунисты, которые начинают "вилять хвостом" в сторону "демонстрантов мира", и притом такие известные, как профессор Биденкопф и генеральный секретарь партии христианских демократов Гейслер. Мы уж не говорим о "молодом союзе", молодой смене христианских демократов. Среди них, увы, немало симпатизанов в отношении "демонстрации мира".

У нас, живущих в Германии, создается впечатление, что в США политики удивлены быстрым распространением в стране отравленной атмосферы враждебности к довооружению НАТО и даже к самому НАТО, антиамериканизма и склонности к нейтралитету Германии. Между тем, уже со времени канцлерства Брандта и его политики было ясно, куда постепенно идет тенденция. Смещение Брандта в 1974 г. и канцлерство Шмидта не означало окончательный отказ от желания повернуть Западную Германию на линию нейтрализма. Канцлерство Шмидта было только перерывом, временем торможения. Сейчас движение снова приняло характер ускорения.

Совершенно ясно, что одной из основных целей советской стратегии и тактики в Европе является попытка вывести Западную Германию из НАТО. Для этой цели Сов. Союз, возможно, выпустит из Варшавского пакта Восточную Германию. Нейтрализованная объединенная Германия, конечно, не осталась бы долгое время свободной.

Но при чем тут Польша? Разве теперешняя ситуация в голодающей Польше, которой немцы усиленно шлют продуктовые пакеты, волнения, забастовки, страх, — образец для подражания? Конечно, нет! Но на Западе создается впечатление, что Сов. Союз уже настолько ослабел, что не в состоянии "навести порядок" в Польше. Для того, чтобы создалось такое впечатление, Москва время от времени грозит полякам, но своих угроз не выполняет. Напротив, теперь время от времени пускаются слухи, что советские войска вот-вот войдут, производились маневры на

границе. Такие слухи обычно пускают сами коммунисты, ибо советскому правительству нужно создать впечатление, что они готовы ввести войска, но не решаются. В широких немецких кругах, во всяком случае, создалось впечатление, что времена переменялись, что мощь Сов. Союза надломлена, что он не может даже дисциплинировать своего сателлита. Из этого многие немцы делают вывод, что нейтрализация для Германии не была бы опасна: если Сов. Союз так ослабел, что не может справиться с Польшей, то тем более не справится с будущей сильной объединенной Германией.

Такое суждение исходит из шаблонного мышления, что для коммунистов *всегда* самое выгодное — это полный покой и абсолютное подчинение центру всех его владений. Но в наше время это суждение совсем не соответствует действительности. Нашими рассуждениями мы ничуть не хотим умалить героической борьбы польских рабочих за ту чуточку свободы, которую они пока что получили и в любой момент снова могут ее потерять. Они-то действовали не по планам коммунистов, они рисковали и рискуют каждую минуту многим. Мы только хотим указать на настоящую дьявольщину мирового коммунизма, который очень многое умеет использовать в своих целях, а также указать на то, что к стратегии и тактике коммунистов нельзя подходить с шаблонными мерками. Нельзя забывать, что она покоится на очень гибкой диалектике.

Под конец можно спросить: если коммунизм из тактических соображений начинает допускать некоторые вольности, "неантагонистические противоречия", то не просчитаются ли они? Не поведет ли это к изменению режима, к его эволюции, к высвобождению других сил и, в конце концов, к ликвидации коммунистической диктатуры? Не вступит ли в силу второй закон той же диалектики и не произойдет ли из накопления количества изменение качества? Безусловно, такая надежда в наших глазах и опасность с точки зрения коммунистов существует. Коммунисты это знают, но они не боятся рисковать, если думают, что смогут удержать риск в известных границах. Они знают, что без риска не может быть глобальной политики по коммунизации всего мира. Они уверены, что они контролируют развитие и в любой момент могут его подавить,

если оно перейдет известные поставленные ему рамки. И в Польше они могут всё подавить.

Конечно, и советские стратеги могут ошибиться. И такими ошибками должен бы был воспользоваться Запад. Для этого анализ стратегии коммунизма должен исходить из его собственной идеологии и из стратегических соображений самих коммунистов. К сожалению, пока не создается впечатления, что Запад именно так поступает.

В. Пирожкова

ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ФОНД НОВОГО ЖУРНАЛА

В 138, 139, 140, 142 и 143 кн. "Н.Ж." опубликованы списки жертвователей в издательский фонд "Нового Журнала". Всего 8.246 долл. Позже поступило еще 281 долл.: по 100 долл. — О. Ильинский и С. Рафальский (Франция), по 25 долл. С. Гордон и Г. Чириков, по 10 долл. — Н. Мицкевич и А. Сергиевский (Франция), 11 долл. от М. Колан (Австралия). Всего 8,527 долл.

Редакция сердечно благодарит всех жертвователей.

Большое спасибо!

”ИСТИННЫЙ” СОЦИАЛИЗМ ХЛС

Несколько лет тому назад я вызвал ”социалистов с человеческим лицом” объяснить, что они конкретно под этим социализмом понимают. Только сейчас один из них, Храбрый Любитель Социализма (далее ХЛС) дал в печати такое объяснение. Я намеренно не называю ни имени ХЛС, ни издания, где он опубликовал свою формулу, чтобы не связывать моей критики с определенным человеком. Моя критика относится только к идее.

Формула истинного социализма по ХЛС следующая.

”Социализм — это /1/ максимальное обеспечение жизни *Рода* путем обеспечения составляющим его индивидуальностям наиболее высоких в данных условиях гарантий безопасности, т. е. /2/ обеспечения от стихийных неприятностей (жилище и комфорт), /3/ обеспечения от голода (безработицы), /4/ страховки на случай болезни и старости, /5/ страховки от произвола работодателей путем коллективных договоров, общественной и государственной инспекции, участия в управлении предприятием и участия в его прибылях”. Он же добавляет, что ”дело не в собственности”. Находится она во владении общества или корпораций или частных лиц — не имеет значения.

Если, по мнению ХЛС, не имеет значения, кому принадлежит собственность, я вправе рассмотреть по пунктам его формулу в приложении ее к нынешнему СССР. К ”нынешнему” потому, что я не должен учитывать ужасы строительства социализма (67 миллионов трупов, например, в СССР и 122 миллиона трупов в Китае, не говоря о миллионах трупов в других странах). Я должен рассматривать ”зрелый” социализм.

Прежде всего, ХЛС подчеркивает: “обеспечение жизни Рода”. Раз обеспечение жизни рода, то значит обеспечение жизни общества в целом, т. е. жизни государства. СССР весьма бдительно охраняет жизнь государства от любых разрушительных атак, часто прибегая для поддержания жизни Рода-общества-государства к уничтожению подрывающих эту жизнь личностей. Таким образом, СССР полностью соответствует этому пункту формулы ХЛС. В СССР все население обеспечено “от стихийных неприятностей” жилищем и комфортом, наивысшими “в данных условиях”, т. е. в условиях СССР. Для многих индивидуальностей это будет угол или комната на всю семью и часто (в деревне) без водопровода и канализации. Однако это и есть “наивысшая в данных условиях” гарантия от стихийных неприятностей. Большого данные условия обеспечить не могут. Таким образом и пункт /2/ в СССР удовлетворяется.

В СССР подавляющая часть населения не умирает с голоду и имеет работу. Уровень же питания и привлекательность работы (весьма неудовлетворительные по западным стандартам) “в данных условиях” являются наивысшими. Для более высокого уровня нужно радикально поднять очень низкую производительность труда населения, чтобы произвести в достатке продукты питания и заменить тяжелый ручной труд машинным. А производство машин для этого требует и еще больше мозгов и труда, т. е. опять большей эффективности труда. Таким образом пункт /3/ тоже удовлетворяется в СССР.

В СССР для всех трудящихся имеются пособия и по болезни, и по инвалидности и пенсии по старости. Уровень их “в данных условиях” по западным меркам чрезвычайно низок. Увеличение этого уровня “в данных условиях” невозможно из-за очень низкой производительности труда населения (раз в 5 ниже, чем в США). Пункт /4/ тоже в СССР удовлетворяется.

Любое предприятие в СССР обязательно имеет коллективный договор между коллективом трудящихся и администрацией. При выполнении плана и при наличии плановой прибыли трудящиеся СССР получают соответствующие премии (бонусы), а также бесплатные или льготные путевки в дома отдыха или в санатории, участвуя таким образом в прибылях.

Все трудящиеся СССР состоят в государственных проф-

союзах и 14 миллионов их, являясь членами КПСС, непосредственно участвуют вместе с членами профсоюзов в управлении предприятиями. Политбюро и Совет Министров дают ведь только директивы.

Что касается общественных и государственных инспекций, то их в СССР так много, что все руководители советских предприятий в один голос жалуются на непрерывные инспекции и проверки. Инспекцию в СССР ведут: Комитет Народного Контроля с множеством местных отделений, Государственный банк, все Советы от местного до Верховного, милиция через специальную службу ОБХС, парторганизации, профорганизации, комсомольские организации, включая "Комсомольский Прожектор", газеты и ряд журналов, а также трудящиеся массы, как через свои организации и специальные проверочные комиссии, так и лично через письма в соответствующие контролирующие органы. По сути дела вся эта система контроля и инспекции имеет, главным образом, цель повысить производительность, эффективность труда населения с тем, чтобы поднять уровень жизни в стране. Однако она не достигает и не может достигнуть цели, действуя, скорее, в противоположную сторону, отрывая людей на контроль от работы и внося атмосферу хаоса. По любым возможным меркам общественная и государственная инспекции в СССР абсолютно всепроникающи. На Западе никогда ничего подобного по масштабу не было. Не будет преувеличением сказать, что минимум 80% трудящихся вовлечены в контроль. Таким образом и последний пункт /5/ в СССР полностью удовлетворяется.

Получается, что СССР полностью соответствует понятию истинного социализма, сформулированному ХЛС, оставаясь, тем не менее, удушающей диктатурой и тоталитаризмом, не способными удовлетворять даже элементарные нужды трудящихся. Однако доподлинно известно (из многочисленных высказываний ХЛС), что истинный социализм, по мнению ХЛС, отличается от советского и аналогичных ему режимов, от капитализма и от буржуазной демократии. Остается отметить, что ХЛС не сумел показать нам (и видимо, себе), что такое есть его "истинный" социализм и чем он отличается от всех остальных общественных формаций. Очень любопытно, что ХЛС не

включил в свою формулу ни права человека, ни другие признаки свободы. Казалось бы также, что определение "истинного" социализма должно включать в себя не просто хорошие пожелания, а соответствующую общественную, экономическую и политическую структуру, от которой, безусловно, осуществление этих пожеланий по сути прямо зависит. ХЛС этого не сделал. Поэтому, пользуясь определением "истинного" социализма ХЛС, можно легко "влопаться" в неистинный и в нем погибнуть.

Давайте, однако, рассмотрим формулу социализма ХЛС саму по себе, без сравнения с СССР или другими странами.

"Сохранение Рода"

В течение всей человеческой истории отдельные люди дрались против других отдельных людей, семьи против других семей, племена против других племен и государства против других государств. Это обстоятельство совершенно точно показывает у человека отсутствие какого то ни было инстинкта или стратегии сохранения Рода и явное существование лишь инстинкта личного самосохранения, включающего в себя, как правило, семью и близких. И в этом факте проявляется мудрость мира. Действительно, мозг человеческий крайне ограничен по отношению к неисчислимым фактам и явлениям не только Вселенной, но и простейшего человеческого общества. Человек, как часть общества, не может объять своим разумом целого и понять во всех необходимых деталях все законы его существования и развития. Поэтому человек, не всегда умеющий отчетливо понять даже свои собственные личные интересы и стратегию их осуществления, конечно, не в состоянии понять и сформулировать интересы Рода и стратегию их осуществления. Не говоря уже о том, чтобы обозреть все последствия своих действий, предпринятых, якобы, в интересах Рода. В результате "интересы Рода" неизбежно заменяются интересами государства и, в конечном итоге, интересами власть имеющих.

В то же время, можно заранее утверждать, что совокупность разнонаправленных (часто, противоположных) интересов личностей, составляющих человеческое общество (Род), и есть

выражение интересов человеческого Рода. Доказательством этого служит изумительный прогресс человечества на протяжении многих тысяч лет и превращение человеческого рода в "Царя природы". Чрезмерное же воздействие личных интересов управляющих властителей (любых: снизу доверху), наоборот, как правило, отклоняет равнодействующую совокупности миллионов личных интересов людей в сторону от удовлетворения интересов Рода и от соответствующего прогресса человечества. Следовательно, чем мощнее власть управителей над людьми, тем хуже для интересов Рода, не известных ни властителям, ни нам самим. Таким образом, только личный интерес, инстинкт самосохранения, взаимодействуя (по необходимости) с миллионами других, ведет к осуществлению интересов человеческого Рода. Интересы сохранения Рода, кому-то, видимо, нечеловечески избранному, якобы известные и отделенные от равнодействующей личных интересов миллионов, есть миф и, в сущности, обман, служащий интересам властителей, а не Рода.

Бедствия человечества в СССР, Китае и в других социалистических странах проистекают не потому, что Сталин, Брежнев, Ким Ир Сен, Мао и другие некомпетентны или действуют со злым умыслом. Они не менее компетентны, чем любой из нас (включая гениев) и действуют во имя собственных личных интересов, как и все мы. Их личный интерес, сводящийся к сохранению и укреплению их власти, естественно, не совпадает не только с нашим, но и с миллионами других. В то же время воздействует на нас со страшной силой концентрированной власти и поэтому воспринимается нами как дьявольское зло.

Наша большая расположенность к властителям Запада объясняется отнюдь не их большей компетентностью или меньшим "злым умыслом", а лишь меньшей их властью над нами. Если их власть резко возрастет (к тому и ведет централизация и монополизация), то различия между западной демократией и социализмом исчезнут.

Президент Рейган тем и знаменит, что он хочет ослабить чрезмерно возросшую власть управителей над нами. Если это ему удастся сделать, он будет достоин имени Доброго Гения Человечества. В этом смысле он восстанавливает действие ни

ему, ни нам не известных интересов человеческого Рода, как равнодействующей многих миллионов личных интересов.

Именно в силу более познаваемых личных интересов происходили и разделение труда, и разделение функций людей в обществе и мера их сотрудничества, приводившие к повышению благосостояния Рода. Именно наши легче познаваемые личные интересы диктуют нам необходимость следовать правилам общежития и пресекать их нарушения. Все это и ведет к сохранению Рода через личное сохранение в условиях взаимодействия с миллионами других личных интересов.

ХЛС как-то странно толкует о своем социализме, как о чем-то внешнем к человеку, что может человеку “дать” или “обеспечить”, когда, в действительности, все создается и обеспечивается только самими людьми, а совсем не их управителями. Хорошее управление, следовательно, то, которое дает максимальную свободу *творческим, созидательным* действиям миллионов людей. Только они, эти действия, и могут всё дать и всё обеспечить для сохранения и развития Рода.

“Обеспечение жилищем и комфортом”

Почему, спрашивается, наши предки жили в пещерах, а не в защищенных от погоды и зверей домах? Кто-нибудь их зверски эксплуатировал и лишал жилища? Конечно, нет. До домов-то нужно было додуматься, надо было научиться их строить. Нужно было поднять эффективность своих мозгов и мускулов, чтобы при их ограниченных ресурсах начать создавать и дома и многое другое. Дома и всё прочее появились в результате знания, умения, энергии, предприимчивости относительно небольшой части людей. Без них человечество осталось бы жить в пещерах. Тем не менее и сейчас в мире есть сотни миллионов людей, не имеющих самых элементарных жилищ? Почему? Потому, что их умение, их производительность труда слишком недостаточны и их мозгов и труда едва-едва хватает на то, чтобы жить впроголодь, даже не мечтая о жилище. Может быть вы потеснитесь и предложите им свое жилище или дадите им свои деньги на устройство жилища? К сожалению, дело не в вашем жилище или деньгах. Деньги будут быстро истрачены без пользы. Ваши

деньги и, вообще, благотворительность не повысят умения и эффективности их труда, труда этих бездомных, а именно в этом все дело. Благотворительность — прекрасное, благородное дело. Её можно только приветствовать. Однако она не решает задачи. Задача решится только тогда, когда эти, ныне отсталые люди, научатся умению добывать материалы, умению строить, умению организовать свой труд так, чтобы он давал им больше результата. И материальный и духовный прогресс человечества всегда осуществлялся и будет осуществляться только через рост производительности труда. Этот рост производительности происходит благодаря предприимчивости, мозгам и труду относительно небольшой части человечества, организующей обучение и труд остальных людей во имя своих личных материальных и духовных интересов. Как только вы лишите их этих личных интересов, наступит всеобщий упадок и материальной и духовной культуры, если считать, что он еще не наступил. В СССР, Китае и других странах социализма он явно наступил.

Для того, чтобы обеспечить всех жилищем и комфортом, людям нужно не делить поровну то, что есть, лишая материальных и духовных стимулов всех, включая, конечно, самую активную часть человечества, а увеличить строительство жилищ с помощью повышения производительности труда. Что же обеспечивает рост производительности труда? Отнюдь не профсоюзы, не нынешнее централизованное государство, не гигантские монополии корпораций. Только свобода творческой деятельности миллионов, неравенство, только свободная конкуренция без монополий, без государственных и профсоюзных регламентаций и стеснений, конечно, при обеспечении стабильности порядка и действия правил общежития. Это последнее должно быть главной, а не самой последней функцией государственной власти. Как показывает опыт, социализм, а также, так называемые, "гуманизм" и либерализм к этому совершенно не способны.

ХЛС должен был бы не просто пожелать обеспечения жилищем и комфортом, а в первую очередь, указать экономическую и политическую структуру общества, при которых это в достаточной по ХЛС степени возможно через максимально высокую производительность труда.

“Обеспечения от голода (безработицы)”

Одна сторона этого вопроса — обеспечение жизни безработных, т. е. обеспечение их пищей, одеждой, жилищем. Ясно, что это тоже определяется не деньгами, которых можно напечатать, сколько угодно, а достаточно высокой производительностью труда при производстве пищи, одежды и жилищ, чтобы их хватило (при достаточно низкой цене) не только для работающих, но и для безработных. Все это ведь с неба не валится.

Вторая сторона вопроса — обеспечение продуктивной работой. В недостатке работы виновато, как не трудно видеть, не так называемое “перепроизводство”, вызывающее излишек рабочей силы. Отнюдь не роботы и автоматизация. Даже в самых развитых странах нет никакого перепроизводства: имеется огромное количество нуждающихся людей, не имеющих возможности удовлетворить свои даже элементарные нужды. Вы можете лишь пройтись по улицам городов, чтобы обнаружить и уйму неудовлетворенных общих нужд в очистке, в ремонте дорог и домов и т. п. Тем более смешно говорить о перепроизводстве в неразвитых странах. Дело, конечно, в ценах. Убавьте цены в два раза и все магазины станут в момент пустыми: всё раскупят. Однако, чтобы понизить цены, нужно соответственно повысить производительность труда и тем удешевить товары. (К сожалению, повышение производительности труда подавляется и профсоюзами, и корпорациями, и государством). Правильная для обеспечения работой последовательность действий такова: повышение производительности труда (а не снижение ее, как это происходит в государствах Запада и давно произошло в странах социализма) — ведет к понижению (а не повышению) цен — ведет к повышению потребления особенно со стороны беднейших слоев населения — ведет к расширению производства, к постройке новых фабрик и заводов — ведет к увеличению числа рабочих мест и к ликвидации безработицы. Заметьте, что безработица тоже ликвидируется повышением, а не понижением производительности труда, как, к сожалению, очень многие думают. В частности, уменьшение числа часов в рабочей неделе понизит количество производимых товаров и повысит их цену — ведет к понижению потребления (достаточному, конечно, для вас, но недостаточного еще для

очень многих) — ведет к сокращению производства, к банкротствам и к расширению, а не к сокращению безработицы.

Опять ХЛС не должен был бы ограничиваться благими пожеланиями, а указать экономическую и политическую структуру общества, которая способна поднять производительность труда и тем ликвидировать безработицу, заодно уничтожая нищету. Пожелания же благ — благ не увеличивают.

“Страховка на случай болезни и старости”

Ясно, что в этом случае речь должна идти не о простом пожелании “страховки”, а о необходимости достижения достаточно высокой производительности труда, чтобы можно было за счет работающих лучше кормить и обеспечивать больных и стариков (конечно, через налоги, а из них через пособия и пенсии). То, что этой страховки нет в неразвитых странах объясняется не тем, что они не понимают нужды в этом или не хотят, а тем, что не могут: их производительность труда слишком низка. Если в стране производится недостаточно пищи и других благ даже для работающих, то их, тем более, не хватает для неработающих. Что касается “объедания” и “эксплуатации”, то они происходят, в основном, от все распухающих государственного аппарата, корпораций и, безусловно, профсоюзов. Именно они и понижают общественную производительность труда.

“Страховка от произвола работодателей”

Не знаю, в каком мире живет ХЛС, но в реальном мире в настоящее время усилиями государства, профсоюзов, монополистов, либералов, “гуманистов” и самих трудящихся работодатели загнаны в абсолютный тупик. Какой уж тут произвол работодателя!?

Однако работодатели это те предприимчивые и знающие люди, которые обеспечивают и рабочие места и повышают производительность труда, и улучшают организацию производства. Душить их, значит душить производство, снижать производительность труда, ухудшать качество товаров и услуг, создавать безработицу, снижать уровень жизни, увеличивать

нищету, т. е. ввергать самих трудящихся в бездну бедствий. Ведь обо всем том, о чем работодатель заботится, исходя из личных интересов, не позаботится ни государство, ни монопольные профсоюзы, ни либералы, ни "гуманисты", ни даже монопольные корпорации. Только частный работодатель может что-то противопоставить близорукому эгоизму трудящихся. Все остальные на это не способны и даже такой задачи не имеют.

Для самих трудящихся была бы крайне полезна некоторая степень произвола частного работодателя, чтобы защитить трудящихся от последствий их эгоизма. К сожалению, имеет место не произвол работодателя, а чрезвычайный произвол трудящихся, и не только по отношению к работодателю, а по отношению своих семей, больных, стариков, безработных через забастовки, инфляцию, безработицу, нищету, понижение уровня жизни, которые они своими эгоистическими действиями вызывают.

"Общественная и государственная инспекция"

Если у вас плохо работает телевизор или автомашина, никакая инспекция этому не поможет: нужен ремонт. Так и с общественной "машинной". Если конструкция общества является плохой, то инспекция тоже не поможет. Во всех социалистических странах инспекция настолько велика, что отрывает от производительного труда огромное число людей. Тем не менее машина социализма продолжает плохо работать, не обеспечивая элементарных нужд людей.

Государственная инспекция против государственных злоупотреблений, вообще, абсурд. Общественная инспекция тоже еще нигде не приводила к искоренению злоупотреблений. Она, вообще, бесполезна. Как вы проинспектируете дела любого предприятия или учреждения, если вы токарь или слесарь, инженер механик или профессор истории? Вы же ничего не понимаете в инспектируемых делах! Специалисты, которых вы инспектируете, обведут вас вокруг пальца за милую душу. Действенная инспекция требует по меньшей мере такого же объема специальных знаний, какой есть у инспектируемых. Это необходимое условие действенной инспекции полностью исключает пользу от

всякой общественной, не специализированной инспекции. В то же самое время для частного предпринимателя (не монопольного) потребитель его продукции или услуг, рынок, является превосходной инспекцией: не удовлетворил публику и разорился. Когда я работал в советской комиссии у РСА в США в 1938-1940 годах, я видел там в офисах лозунги: "Качество нельзя получить контролем или инспекцией. Оно должно быть обеспечено соответствующей конструкцией и технологией изделия". Это совершенно верно.

"Участие в прибылях"

В этом вопросе у ХЛС явное недоразумение. Давайте на реальных цифрах посмотрим, что это может значить. Возьмем для примера гигантскую нефтяную компанию "Шелл". В 1974 году "Шелл" выручила за свою продукцию огромную сумму в 17.749 миллионов фунтов стерлингов. Прибыль составила также огромную сумму в 1.161 миллион фунтов стерлингов (хотя всего 6,5% от выручки). Из этой прибыли 870 миллионов фунтов стерлингов было вложено обратно в производство для его расширения и усовершенствования. Остаток прибыли в 291 миллион фунтов стерлингов (всего 1,6% от выручки) был распределен между миллионами держателей акций в виде процентов на их вложения. Работники фирмы получили в виде зарплат колоссальную сумму в 8.895 миллионов фунтов стерлингов.

Представим себе, как случай максимального участия в прибылях, что акционеры не получили ничего, а вся прибыль, выплаченная им, была бы выплачена работникам фирмы, как их доля участия в прибылях. Добавка 291 миллиона к зарплате в 8.895 миллионов составит лишь около 3%. Трудящиеся фирмы этой прибавки даже не заметят (если им специально не сказать), а акционеры, не получив процентов, потребуют от фирмы свои вложения обратно и разорят ее, сделав несколько сот тысяч работников фирмы безработными. Ну, а как насчет участия в убытках? У гиганта "Крейслера" оказался убыток в 1.000 миллионов, а у гиганта "Форда" тоже около 500 миллионов убытка...

Дело в том, что и прибыль и убыток кажутся огромными суммами, но если их распределить на всех работников фирм, то для каждого трудящегося это будут незначительные гроши. На аналогичном недоразумении основано и представление очень многих, что их кто-то объедает и эксплуатирует. Вот, к примеру, цифры налогового управления Англии. Как и другие налоговые управления Запада, оно не упустит обложить налогом любого при любом его источнике дохода от скромной пенсии или зарплаты, до выигрыша на Бирже, до стрижки купонов акций и вплоть до заработка на проституции. Поэтому все легальные "объедалы" и эксплуататоры неизбежно фигурируют в цифрах налогового управления. Что касается преступных, нелегальных доходов, то о них нужно говорить в разделе о преступности.

Итак, в 1974/75 г. в Англии по цифрам налогового управления было всего 28.274.000 налогоплательщиков из 56 миллионов населения. (Кстати, работающих было всего около 22 миллионов, т. е. действительно были учтены все источники доходов). Наивысшая категория полного дохода (до налога) — 20.000 ф. ст. и выше в год. Эта категория насчитывала 33.000 налогоплательщиков. Общий доход этой группы составил 1.060 млн., а доход остальных всех групп составил 64.675 млн. Таким образом эти "объедалы" и эксплуататоры получили 1,6% всех доходов в стране. Это значит, что если этих "объедал" полностью ограбить, то трудящиеся получают добавление в ничтожные 1,6% к своим доходам и потеряют множество работодателей. Однако эти цифры даны до выплаты налога. Налог на эту группу "объедал" в среднем составил 66% при среднем налоге на всех 18,4%. После вычета налогов эта группа получила 356 млн. из 52.828 млн., т. е. 0,67%. Таким образом, если ограбить "объедал" после уплаты ими налога, то добавка у трудящихся будет и еще ниже — всего 0,67%. Трудящиеся ее и не заметят. Фактически, главным "объедалой" и эксплуататором является государство, забирающее такие колоссальные суммы у трудящихся, которые не снились даже сказочным эксплуататорам и "объедалам".

"Участие в управлении предприятиями"

К сожалению, и это основано на известной ленинской идее,

что всякая кухарка может управлять государством (а тем более, предприятием!), т. е. опять на недоразумении. Прежде всего, никому на Западе (и на Востоке) не возбраняется высшая форма участия в управлении — кооператив. Однако трудящиеся старательно избегают кооперативов. Почему? Потому, что кооперативы наименее эффективная форма производства, весьма нестабильная и малодоходная для членов. Кооперативы, как правило, работают в убыток и требуют государственных субсидий. Только очень и очень редкие добиваются сводить концы с концами. Почему так? Представьте себе, что каждый футболист в футбольной команде будет обязан советоваться с коллегами прежде, чем ударить по мячу. Ясно, что такая "кооперативная" команда может играть только против такой же "кооперативной", а против обычной неизбежно проиграет. Необходимость коллегиальных решений (кстати, как и в корпорациях) приводит к замедлению, к упущению подходящего момента и к неэффективности решения из-за необходимости компромиссов между участниками. Пробовали ли вы объяснять другим мотивы *ваших* решений и получать у них одобрение? Одобрения, как правило, не бывает, каждый посоветует что-то другое. Ведь вы, в сущности, как правило, решаете интуитивно, без достаточной для решения информации, с множеством сомнений, так что даже себе не можете доказать правильность вашего решения. Тем не менее это есть самый верный способ повседневного решения. Вы решаете и несете сами ответственность за свое решение. Добавление коллегии многократно увеличит сомнения (по числу участников), а спасительная интуиция будет некредитоспособной для коллег. Лучшее решение есть, конечно, решение одного, квалифицированного, опытного и компетентного человека, учитывающего, естественно, интересы подчиненных в соответствующей мере. Успешный предприниматель не может позволить себе не учитывать совсем интересы подчиненных, исходя, конечно, из своих же личных интересов. Этот учет, безусловно, в его личных интересах, в интересах дела.

Что может знать токарь, слесарь, сменный инженер или мастер об искусстве управления? Ведь он ему не учился ни в теории ни на практике. Конечно, управитель предприятия должен быть в курсе интересов работников. Для этой цели, ко-

нечно, необходим представитель работников или профсоюз для контакта с управителем. Однако о равноправном участии в управлении и речи быть не может, если вы не хотите разрушить экономику предприятия и привести его к банкротству.

Коллегиальное (по настоящему коллегиальное) управление вполне эквивалентно крыловской басне о лебедь, раке и щуке, пытающихся тянуть повозку вместе, но, естественно, в разные стороны.

Вывод

Отдельное обсуждение формулы “истинного” социализма ХЛС показывает, что она основана на тех же социалистических и марксистских идеях, что и “ненастоящий” социализм СССР и является плодом недоразумения и неведения основных, достаточно известных законов экономики. ХЛС не дает в своей формуле самого главного — экономической и политической структуры общества, которая определяет возможность осуществления всех пожеланий ХЛС. Вопреки утверждению ХЛС, именно структура собственности является самым главным фактором в успехах общества (или неудачах).

Мне кажется, несоциалистический проект Конституции Новой России, представленный и объясненный в моей книге (“О Новой России. Альтернатива”) в гораздо большей степени может обеспечить желания добра ХЛС, чем его собственная формула. Этот проект обеспечивает свободу творческой деятельности всех миллионных масс в условиях законности, порядка, радикального ограничения концентрации власти над людьми в монополиях и у государства. Именно *свободное творчество масс* одно может обеспечить и духовное и материальное процветание общества.

А. Федосеев

РЕСПУБЛИКА СВЯТОЙ СОФИИ

В 1917 году пала в России последняя самодержавная монархия православного Востока. Ее предшественница и недостижимый образец, Византия, погибла еще в 1453 году. Теперь уже нет ни одного православного государства с самодержавно-теократической идеологией. На Балканах утвердилась атеистическая тирания новейшего типа, за исключением Греции, маленького островка конституционной свободы, уцелевшей от 19 века. Но если погибли все самодержавные царства, то не погибла их идея, разделяемая, пусть немногими, но страстными последователями. Замечательно, что в России в последнее трагическое царствование, византийское теократическое сознание переживало свой мрачный расцвет. Монархия хотела быть не только неограниченной, как западный абсолютизм, уже отошедший в историю. Она хотела быть живой носительницей воли Божьей на земле, средоточием вселенской православной церкви — словом, теократией. Таково было сознание самого несчастного царя, царицы и целого ряда церковных деятелей: митр. Антония, еп. Феофила, Гермогена и других. После революции Карловацкий собор 1931 года, правда, больше под влиянием мирян, утвердил этот теократический "догмат": нет церкви без царя, и царя самодержавного. И сейчас встречаются не только в церковных,

---

Эта статья Георгия Петровича Федотова была напечатана в журнале "Народная Правда" (ноябрь, 1950, №11-12). В сборнике статей Г. П., озаглавленном "Христианин в революции" (Париж, 1957), ее нет. Журнал "Народная Правда" достать трудно. Статья же "Республика святой Софии" — мы полагаем — во многих отношениях будет интересна современному читателю. Поэтому мы ее и перепечатаваем. *РЕД.*

но и в светских газетах эмиграции попытки связать живой и вечный организм церкви с политическим мертвецом, с призраком погибшей Византии.

Здесь не место входить в богословские споры с защитниками этих теорий. Я хотел бы предложить широкому кругу читателей не более как историческую справку, показывающую: во-первых, что православная церковь могла жить веками без царя, и, во-вторых, что она могла жить и в республике, и что именно в одной из республик она осуществила теократию, параллельную теократии монархической.

Дело идет о вещах нам близких, о нашей собственной родине. Беда лишь в том, что господствующее течение русской историографии, даже либеральной (Соловьев, Ключевский), настолько было подавлено фактом московского царства, как создателя Российской Империи, что Москва заслонила собой все предшествующие пять веков древней жизни, несравненно более богатых культурой и духовной жизнью.

Как известно, венчание на царство великого князя московского произошло лишь в 16 веке (1547). Когда-то Василий I, сын Донского, говорил: "У нас есть церковь, но нет царя". И хотя патриарх Константинопольский поучал его: "невозможно иметь церковь и не иметь царя", но эта византийская точка зрения находила немного сторонников на Руси. В самом деле, по византийской теории вселенского царства, все христиане в мире должны быть подданными одного императора. Все православные народы были его вассалами. Русские князья были пожалованы званием стольников византийского двора. Понятно, что на Руси не считались с этими теориями, унижительными для национального сознания, и ни один греческий митрополит на Руси не смог проводить их серьезно. Для наших предков греческий император был только идеальным центром христианского мира, как римский (германский) император оставался таким для Франции и Англии. С другой стороны, никто другой не мог притязать на его место. Хотя литургия церкви была пронизана византийскими теократическими идеями и отголоски их слышались и в церковных поучениях, ни один из русских князей не притязал на самодержавную власть. Князь был ограничен разнообразными общественными силами: вече, боярством, епи-

скопами. Для церкви это положение создавало слишком большие преимущества, особенно, духовные, чтобы она стремилась разрушать собственную свободу. Обиженный князем епископ искал суда у митрополита Киевского, а Киевский митрополит, назначившийся в Византии, был подсуден только патриарху Константинопольскому. Вот почему он, и не играя активной роли в политике, стоял высоко над местными силами, даже над князем. Не даром один из митрополитов XII века мог говорить киевскому князю: "Мы поставлены унимать вас от кровопролития".

Иначе, чем в княжеских волостях, сложились отношения между церковью и государством в Великом Новгороде.

Но, прежде всего, надо отвыкнуть от ходячего представления, что Новгород это один только город со своей округой, и что, следовательно, говоря о Руси, можно обойти молчанием его исключительную судьбу. Территория Новгорода была огромна; под его властью и правом жила вся Северная Русь, вплоть до Урала, и даже захватывая край Сибири. Даже после поглощения Москвой всех княжеских уделов, владения Новгорода были обширнее московских. Правда, большая часть этих земель были пустыни, леса и тундры, населенные инородцами, среди которых были вкраплены поселки русских колонистов. Но на западе Новгороду принадлежало не мало значительных городов: Торжок, Ладога, Старая Руса, некогда и сам Псков. Здесь выросли и знаменитейшие русские монастыри: Валаам, Соловки, Кириллов, Ферапонтов на Белом озере. В истории русского искусства средних веков (13-15), Новгороду принадлежит первое место. Здесь сформировался и в наибольшей чистоте сохранился великорусский тип, вдали от татарской неволи и крепостного рабства. Здесь и сейчас фольклористы находят лучшие песни и былины, старинные костюмы и интереснейшие памятники деревянного зодчества. И, наконец, Новгород, торговавший с Ганзой, был главным на Руси окном в Европу. Прорубая вторично это окно, царь Петр сознавал, что он возвращает Россию на старые новгородские рубежи. Новгородский князь Александр, победитель шведов и немцев, должен был стать ангелом новой западной Империи.

Словом, Новгород не курьезный нарост на русской жизни, но наиболее русское в ней явление, наиболее чистое от татарской

примеси, и вместе с тем, как будто таившее в себе возможности будущего свободного и культурного развития.

Был ли Новгород республикой? Да, по крайней мере, в течение трех с половиной веков своей истории (12-15). Существование княжеской власти в Новгороде не должно нас обманывать. С тех пор, как фактически прекратилось политическое единство Руси, с упадком Киевской монархии, по смерти Владимира Мономаха (1125), княжеская власть в Новгороде не была ни наследственной, ни пожизненной. В любое время народное вече могло "указать князю путь" из города. С другой стороны, князь не только не был полновластным хозяином в Новгороде, но даже не был главным лицом в его администрации. Его главное значение было военное; он был временным начальником вооруженных сил. Но даже и здесь он делил военное начальство с тысяцким. Как судья, он разделял власть с посадником и другими. Он не был даже номинальным главой города-государства. Не от его имени писались грамоты, заключались договоры. Приглашенный со стороны вечем, без всяких династических прав, подобно подеста итальянских средневековых республик, князь легко включался в систему республиканских властей. "господ", правивших Новгородом. Следовательно, Новгород, был, действительно, в течение столетий фактически республикой или, по выражению Костомарова, народоправством.

Правда, с конца 14 века, Новгород перестал произвольно выбирать и менять своих князей. Великий князь Московский, уже по положению своему, признавался и князем Новгородским. Но это не увеличивало еще его прав и власти в новгородской территории. Не живя в Новгороде, он был представлен там своим наместником, который довольствовался строго определенными по договору доходами и юрисдикцией. Новгороду было выгодно такое положение, когда его военным защитником был самый сильный князь великорусского государства. А, главное, мирные отношения с ним обеспечивали беспрепятственные торговые связи с "низовой" Русью. Без подвоза хлеба с Юга, Новгород не мог существовать.

Все знают, что полнота власти в Новгородской республике принадлежала вечу, или собранию всех свободных граждан. Вече выбирало все свое правительство, не исключая архиепископа,

контролировало и судило его. Это была прямая, то есть не представительная демократия, подобно республикам античного мира. Лишь тот, кто участвовал в народных сходках, мог осуществлять свои политические права. Огромная территория управлялась жителями одного города. Это было слабое место в республиканском строе и Афин и Рима. "Агора" и "форум" не могли управлять империями.

Но говоря о Новгороде, обычно преувеличивают беспорядок и неорганизованность вечевого управления. Мы мало знаем о нормальном течении дел. Летописи говорят только о его нарушениях. Традиционные картины побоищ на Волховском мосту являлись сравнительно редким исключением. По большей части "владыкам" удавалось примирять враждующие партии до начала кровопролития. А, главное, забывается о существовании "господ", верхней палаты, ведущей все текущие дела и подготавливавшей важнейшее для решения веча. Эта палата состояла из выбранных вечем сановников, настоящих ("степенных") и бывших, под председательством не князя, а архиепископа. Весьма вероятно, что работа народного веча с трудом укладывалась в упорядоченные формы. Борьба партий легко переходила в междоусобия. Но это обычная плата, которую демократия платит за свободу. Княжеские усобицы на остальном пространстве русской земли пролили больше крови и слез, чем драка на Волховском мосту. И, конечно, за все века существования Новгорода, в его стенах не пролилось столько невинной крови, как за несколько дней его посещения Грозным в 1570 году.

Но вернемся к новгородскому правительству. Не даром мы видим, что в Совете Господ председательствовал архиепископ. В сущности, именно он был "президентом" республики, если искать современных аналогий. Посадник был первым министром, главой победившей партии. Владыка стоял выше партий и выражал единство республики. Чтоб сделать реальной его независимость, кандидаты, избранные вечем, подвергались жеребьевке. Три жребия на престоле Софийского собора символизировали Божественную волю в судьбах города-государства. В политической символике Великого Новгорода, его сувереном, носителем верховной власти представлялась сама Святая София. Святая София была не только именем всей поместной новгород-

ской церкви, как это выражалось в формуле: "Святая Соборная и апостольская церковь Святой Софии". Нет, это было имя самой республики, от этого священного имени писались договоры и торжественные грамоты, ей приносили присягу князья и власти. Она мыслилась собственницей новгородских земель, особенно церковных ("дом святой Софии"). В ней народная воля нашла себе небесный символ, свободный от капризной изменчивости настроений толпы.

Не в одном Новгороде средневековая демократия осуществляла себя через посредство небесных символов. То же мы видим в городских республиках Италии. Милан был городом св. Амвросия, Флоренция — Иоанна Крестителя. Между Италией и Новгородом нельзя предполагать взаимных влияний. Но общее теократическое сознание, жаждущее религиозного освящения политической жизни принимало сходные формы и в католической и в православной республиках средневековья.

Что такое или кто такое Святая София, это вряд ли было ясно рядовому новгородцу, вряд ли было ясно и многим из местного клира. Новгород, столь много давший русскому искусству, не оставил богословских трудов. В этом он не отличался от других уделов средневековой Руси. Новгородский собор был наречен в XI веке по имени Киевского и Константинопольского храмов. Греки-епископы знали, конечно, что София, Премудрость Божья, есть одно из имен Христа. Знали это и более ученые из русских книжников. По крайней мере, в некоторых русских рукописях встречается такое объяснение. Но во всех известных случаях присяги новгородцы целуют икону Богородицы. Это заставляет думать, во-первых, что в средние века еще не существовало известного иконографического типа св. Софии в виде огненного ангела, а во-вторых, что в Новгороде возобладало богородичное или женственное понимание Софии, предвосхитившее идею Софии у современных русских богословов из школы Вл. Соловьева.

Как бы ни представляли новгородцы св. Софию, *она* была владычицей и покровительницей города и государства. На земле ее представлял всенародно избранный архиепископ. Истинный президент республики, он сосредоточивал в своих руках огромную материальную и даже военную силу. "Дом св. Софии" был

крупнейшей хозяйственной единицей в Новгороде, а "владычный полк" заметной частью его гражданского ополчения. В XI веке, новгородцы прилагали большие усилия, чтобы сделать свою церковь совершенно независимой от Москвы. Однако патриарх Константинопольский не согласился на раздел русской митрополии. Впрочем, привилегии митрополита московского большей частью сводились к денежным поборам, связанным с отправлением церковного суда. Самого митрополита старались держать подальше от Новгорода. Если же отношения с Москвой становились слишком натянуты (в XV веке), была еще возможность поставления архиепископа, минуя Москву. Можно было получить хиротонию в Литве у православного митрополита Западной Руси. Так был поставлен св. Евфимий, один из лучших владык новгородских.

Часто говорят, что избранный на вече архиепископ не имел достаточной независимости, и мог быть сведен со своей кафедры, подобно посаднику и князю. Факты не подтверждают этой теории. Во всей истории новгородской церкви мы видим один смутный период, два десятилетия в самом начале 13 века, когда борьба суздальской и патриотической партий достигла большой остроты. Тогда архиепископы той и другой стороны не раз должны были оставлять свою кафедру, и снова возвращаться на нее. Но это было исключительное время. Свобода личности могла легко подавляться в средневековых теократических республиках. Но свобода церкви была, во всяком случае, лучше ограждена в Новгородской республике, чем в самодержавной Москве, где с конца 15 века удаление митрополитов по воле великого князя и царя сделалось скорее правилом, чем исключением.

Но владыки Новгородские защищали свободу не только церкви, но и свободу "града", то есть республики. Жития последних святых архиепископов Евфимия и Ионы накануне падения Новгорода об этом свидетельствуют. Так, Иона уже в глубокой старости, едет в Москву, чтобы отвратить угрозу против своего отечества. Он увещевает великого князя (Василия II): — "Тихими очами смотри на своих подданных и не начинай обращать свободных в рабство". В духе пророчества он обещает наследнику (Ивану III) "свободу от Ордынского царя" — "за свободу

града моего". Если же князь посягнет на свободу невинных людей, то увидит в собственных детях "зависти око" и разделение.

К несчастью, эти выражения религиозного идеала свободы в православии не были развиты в канонические трактаты. Дух свободы остался жить на страницах древних летописей и отчасти в местных культах. Так, местная чудотворная икона, "Знамения" Божьей Матери, осталась навсегда связанной с памятным чудом 1170 г. В сознании новгородцев, эта именно икона обратила в бегство коалицию князей во главе с Андреем Боголюбским и спасла их свободу.

Икона "Знамения" (Чуда), как и символ св. Софии, вместе с именами св. епископов новгородских Иоанна, Евфимия и Ионы, оставались в памяти новгородской, как религиозные символы политической свободы.

История судила победу другой традиции в русской церкви и государстве. Москва стала преемницей одновременно и Византии и Золотой Орды, и самодержавие царей не только политическим фактом, но и религиозной доктриной, для многих почти догматом. Но когда история покончила с этим фактом, пора вспомнить о существовании иного крупного факта и иной доктрины в том же самом русском православии. В этой традиции могут почерпать свое вдохновение православные сторонники демократической России. Конечно, наша эпоха чужда теократии. Религиозная основа жизни глубоко подорвана в народных массах. Всякая теократия таит в себе опасность насилия над совестью меньшинства. Раздельное, хоть и дружеское сосуществование церкви и государства является лучшим решением *для сегодняшнего дня*. Но, оглядываясь в прошлое, нельзя не признать, что в пределах восточно-православного мира Новгород нашел лучшее разрешение вечно волнующего вопроса об отношениях между государством и церковью.

Г. Федотов

НАРОДНИЧЕСТВО

Не вмещает ум человеческий, ни индивидуальный, ни коллективный, сразу и всецело тайны существования, но, развиваясь постепенно и облагораживаясь, гомеопатическими дозами, приобщается божественной мудрости, участь на ошибках и заблуждениях. Так, напр., наука о космосе, шествует от гипотезы к гипотезе, все уточняя картину мира, а историософия — от мифа к мифу... Старые и разоблаченные мифы отмирают, как отсыхающая шелуха луковицы, но возрождаются, от смысловой сердцевины, — в новой форме. Одним из таких историософских мифов, созданным в России в XIX веке, а в XX — разоблаченным, оказался миф о НАРОДЕ, глас которого, вместо того, чтобы явить собой глас Божий (вокс попули вокс Дзи), оказался гласом из преисподней. Ожидалось, что русский народ скажет свое СЛОВО всему миру, и он сказал его в 1918 г., но слово это оказалось — скверным, похабным, богохульным! Будем живы надеждой, что это было не последнее его слово.

Сентенция "глас народа — глас Божий" существует с римских времен: это основной принцип демократического строя. Абсолютизировать эту максиму, однако, не стоит, ибо во многих случаях от имени народа провозглашается что-либо активной меньшей его частью *вопреки* невысказанной воле "молчаливого большинства"; бывает также, что истина высказывается отдельными личностями. Божественность "гласа народа" не присуща народу самому, а проистекает из более высокого Источника; если народ выражает что-либо, согласное с волей и замыслом Творца, то он исполняет роль рупора, и только! Но и в этой роли народ в какой-то степени проявляет свободную,

творческую активность: ему надо открыться, надо самому настроиться на высоту транслированного звучания, надо пожелать *изречь* услышанное. Это — *синергия*, т. е. богочеловеческое "содействие". Бог *избирает* данный народ для определенной промыслительной цели; путем нарочитого откровения Он — *призывает* его к соучастию в осуществлении ее; но если народ отвергает этот призыв, то он и теряет свою избранность. "...всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь" (Матф. 3, 10).

Словом (Логосом) Бог создал мир. Не графемой слова, и не фонемой его, конечно, а симемой-смыслом, орудием творческого духа. И человеческое слово, в соответственных обстоятельствах, обладает творческой силой. Не только математические или химико-физические формулы являются "словом", преображающим материю и создающим новые реальности, но и художественное слово, и всякое другое — каждое в свою меру. Слово-клич, напр. "Ура!!!" во время атаки, действует сильнее, чем физический толчок.

Слово-девиз, напр. "За веру, царя и отечество!", неоднократно проявлялось в жертвенности, вплоть до пожертвования своей жизни.

Но нас здесь интересуют те слова, которые известны, как социально-политические стимулы: это — слоганы, лозунги, жизнь которых более продолжительна и влияние более широкое, чем вышеприведенных кличей. Таковы: "Бытие определяет сознание", "Грабь награбленное!", "Долой самодержавие!" и др. Сюда примыкают и слова-сентенции, слова-поговорки, выраженные однажды устами отдельных личностей, но затем обретшие самостоятельное существование и затем уже постоянно влияющие, в обратном порядке, на среду, в которой они возникли. Есть слова — "мнимые величины", слова-вампиры, высасывающие кровь из общественного сознания, и слова-нагнетатели, слова-гипнотизеры, заставляющие людей жить в полутрансовом состоянии: ими пестрят страницы советского канцелярита.

Возьмем под увеличительный объектив речение: "Глас наро — глас Божий" и рассмотрим более детально, к чему привело некритичное уверование в него, вернее — абсолютизация его пер-

вого члена... Ибо, как нам известно, жрецы народопоклонничества и пророки народовластия перестали внимать гласу Божию и на его место возвели глас народа, возомнив его непререкаемым и непогрешимым авторитетом.

Для того чтобы избежать двусмысленности, определим точно содержание термина "народ", и отметим, в каком понимании мы будем употреблять это слово. В греческом языке имеется два эквивалента этого слова: "этнос" и "лаос". Польский язык знает, соответственно, "наруд" и "люд". С развитием форм государственной жизни возникает новый термин: "нация". В английском языке имеется три синонима: nation, people, folk. В русском языке наряду с понятием народа имеется и слово "люд", но оно сравнительно редко употребляется. А вот "народу" гений русского языка придал два значения: народа, как *нации* (русский народ вообще, все его социальные классы вкупе), и народа, как простонародья, люда, простолюдинства. В этой статье, говоря "народ", мы будем иметь в виду прежде всего именно массу социально низших классов крестьянства, рабочего люда, в отличие от дворянства, духовенства, военных и интеллигенции. Это хорошо видно из модного в XIX в. выражения — "хождение в народ", сходжение вниз по социальной иерархической лестнице, погружение себя в простолюдинскую стихию, как бы миссионерство в социально чуждой среде.

Вот именно народ в этом втором значении мы и попытаемся рассмотреть в мессианической перспективе, вернее — в свете лжемессианских концепций, созданных русской интеллигенцией XIX века. Но, предварительно, нужно сказать несколько слов и о ней самой.

Интеллигенция — социально-культурный феномен чисто русского происхождения, просуществовавший сравнительно недолго, с царствования Петра I и по царствование Николая II, и затем выродившийся в "образованщину". Понятие "интеллигенции" трудноопределимо, ибо она в период своего существования меняла неоднократно свой характер — в зависимости от сменяющегося мирозерцания и переменчивого личного состава ее носителей.

Г. Федотов назвал интеллигенцию "особым интеллектуально-этическим орденом". В своих трудах он отмечает, что

многие интеллигентные люди не принадлежали к интеллигенции; последняя представляла собой скорее тип мышления, чем "образованный класс".

У Федотова же находим следующее определение: "Русская интеллигенция есть группа, движение и традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей".¹

Под это широкое определение можно подтянуть различные типы интеллигентов: "сорокадесятников", "шестидесятников", "семидесятников" и т. д. Как возник этот социальный класс, к которому с подозрением относилось и правительство, и народ?² Некоторый свет на это проливает исследование, посвященное этому специальному предмету.

В статье "Трагедия интеллигенции", одной из лучших когда-либо написанных на эту тему, Федотов исходит из интересной точки зрения. Он постулирует, что сам факт получения русской Библии на родном языке, определил в какой-то степени и судьбу нашего народа. В то время, когда на Западе умы трудились над изучением латыни и, попутно, древнегреческой мудрости, русские легко и естественно приняли Евангелие, написанное на языке хотя несколько и отличающемся от тогдашнего разговорного русского, но тем не менее совсем понятном. Русь переняла от Византии "благолепие" христианства скорее в интуитивном, чем в интеллектуальном плане. Строя, в подражание Константинополю, "софийные" храмы, Русь подозрительно относилась к "логосности", которую охотно отождествляла с "лжемудрствованием".

Все жизненные силы России были употреблены на *сохранение* государственного быта (пусть даже путем агрессии на восток и на юг) и на *сохранение* веры. Бытовой и формальный элемент преобладал в этом процессе над этическим и интеллек-

---

1. Г. П. Федотов, "Трагедия интеллигенции", сб. "Лицо России", Имка-Пресс, 1967, стр. 79.

2. Известные лозунги революционных громил: "Бей шляпу!", "Бей очкастого (или очкарика)!" Приведем весьма характерный случай: когда блюститель патриаршего престола митр. Сергей осудил о. Сергия Булгакова за его "неправомыслие", то поставил ему в упрек, что он "рассуждает, как истый интеллигент", чем вызвал гневную реплику Бердяева: "То ли дело, если бы о. С. Булгаков был лавочником или консисторским чиновником, тогда ему, очевидно, были бы открыты тайны православия", "Путь", № 49, 1935, стр. 73.

туальным. Географические особенности русского государства диктовали ей *экстенсивную* жизненную политику, тогда как на Западе, из-за тесноты территориальной политика имела *интенсивный* характер. Квант народной энергии в России приходился на несравненно большую площадь, чем на Западе, поэтому и сила его действия была обратно пропорциональна. По тем или иным причинам, в области разума (науки и философии) Россия отстала от Западной Европы почти что на тысячелетие.

Допетровская Русь имела свои достижения, по преимуществу в области зодчества и фольклора, но быт ее не был легким. Поэтому, когда при царе Борисе Годунове восемнадцать избранных боярских детей были посланы учиться на Запад, *ни один из них не вернулся на родину*. Запад показался им свободным и чудесно-интересным по сравнению с отечественным домостроем. Это были родоначальники "западников", духовные предки интеллигенции. Западная Европа лежала "за тридевять земель" и только редкие путешественники по государственным надобностям привозили домой волнующие сведения о мире, который был позднее назван "страной чудес".

Интеллигенция, по существу, родилась у нас после того, как через "прорубленное в Европу окно", да еще и при поощрении царя-новатора, хлынула в Россию, как через рухнувшую плотину, западная цивилизация. Но, разлившись по русским ширям, она сразу измельчала, оросив собою лишь самый верхний слой народа.

"Сейчас мы с ужасом, — писал Федотов, — и отвращением думаем о том сплошном кощунстве и надругательстве, каким переломилась Петровская реформа. Церковь ограблена, поругана, лишена своего главы и независимости. Епископские кафедры раздаются протестантствующим царедворцам, веселым эпикурейцам и блюдолизам. К надругательству над Церковью и бытом прибавьте надругательство над русским языком, который на полстолетия превращается в безобразный жаргон. Опозорена святая Москва, ее церкви и дворцы могут разрушаться, пока чухонская деревушка обстраивается немецкими палатами и церквями никому не известных, календарных угодников, политическими аллегориями новой Империи (...). Не знаю, было ли все это неизбежно. Неизбежны ли были самоубийственные формы

опричины Грозного, коммунизм большевистской революции?

Откуда эта разрушительная ярость всех исторически обоснованных процессов русской истории? Они протекают с таким "запросом", что под конец не знаешь — и через столетия не знаешь —: что это, к жизни или к смерти?"³

Но это — одна сторона медали. Та же самая Петровская реформа из Руси, полуазиатского государства, делает великую державу, вливает будоражащую струю западной философии в застоявшуюся тень русской мысли, является стимулом для развития наук и кладет основания великой русской культуры. И вместо вопроса, нужно ли было это все, неизбежно ли было это все, хочется спросить: нельзя ли это все было сделать иначе? Остерегаясь охаивать огулом царствование Петра, не следует переходить и в другую крайность, пища ему сплошную хвалу. Были светлые стороны, были и темные. И вот к этим последним, несомненно, следует отнести быструю перемену настроения дворянства, охотно пошедшего навстречу импортированной "западнине". Можно ведь было воспринимать западную культуру осторожно, без внезапного презрения к своему родному быту. Но такова, видно уж, "широта" русской природы.

Как первородный грех прельщения плодами "дерева познания добра и зла" расколол цельность человеческой природы, так стремительное дело Петра раскололо народ на два класса: дворянскую интеллигенцию и остальную часть сословий. Припомним себе, что за полвека до того Россия пережила свой первый раскол — церковный!

За поразительно короткое время класс "господ" и "вельмож" почувствовал себя очень далеко, вернее — высоко, над остальным людом и чувство это вылилось в презрение к "поповству", мещанству, "мужичью". За поразительно короткое время развилось в этом классе сибаритство, самодурство. Но быстро-растущий государственный аппарат способствовал возникновению нового класса, чиновничьего, рекрутировавшегося сперва из дворянской среды, а затем и из низших сословий. Таким образом дворянское сословие начало разрезаться элементами, вносившими с собой "менталитет" разночинства.

---

3. Г. П. Федотов, цит. произв., стр. 91.

При наличии двух бассейнов культуры различного уровня выравнивание потенциалов совершается низами (мы имеем в виду идейные низы, а не сословные). Информация, что "человек произошел от обезьяны" беспрепятственно проникает даже в широкие массы; декартова энтимема "мыслю, следовательно существую" воспринимается труднее, а николае-кузанское "непостижимое постигается постижением его непостижимости" — доступно было лишь немногочисленным представителям умудренного неведенья. Итак, во время Екатерины Великой русская интеллигенция начала вдыхать не тяжеловатую схоластику, а "облегченную" философию периода просвещения с Вольтером во главе. Затем подул мартинистский ветер, розенкрейцеровский и масонский в XVIII веке, а затем уж романтизм и идеализм в XIX в. Там, где эти течения встречались с мирозозерцаниями, созревшими и окрепшими под влиянием восточной патристики, получался сплав высокой пробы (Хомяков, Чаадаев, Одоевский, Киреевский).

В умах, менее подготовленных к принятию западной философской "твердой пищи", влияние последней вызывало головокружение и брожение и, как результат, — соскальзывание на более примитивные диалектические ступени. Возьмем, для примера, гегельянство. Практически, оно допускает двоякую рецепцию: *идеалистическую*, если опереться на исходную позицию примата духа над природой, и *материалистическую*, если (с научной точки зрения и непоследовательно) выйти из диалектической противоположности идеи — т. е. из природы. Так возникли две школы гегельянцев: правая и левая. Правая школа повлияла на *русскую философию*, левая же (возглавляемая Д. Ф. Штраусом, Людвигом Фейербахом, братьями Бауэрами, Карлом Марксом и Энгельсом) — на *русскую социальную и политическую мысль* (диамат).

И снова парадокс: диалектический материализм, как анти-тезис идеи, в русском пореволюционном применении сам становится идеей — лжедогматом.

"У всех людей, — пишет Федотов, имея в виду интеллигенцию, — есть идеал, которому они служат и которому они стремятся подчинить всю жизнь: идеал достаточно широкий, включающий и личную этику и общественное поведение; идеал, практи-

чески заменяющий религию (у Чаадаева и некоторых других, впрочем, связанный с положительной религией), но по происхождению отличный от нее. Идеал коренится в "идее", в теоретическом мировоззрении, построенном рассудочно и властно прилагавом к жизни, как норма и канон. Эта "идея" не вырастает из самой жизни, из ее иррациональных глубин, как высшее ее рациональное выражение. Она как бы спускается с неба, рождаясь из головы Зевса, во всеоружии, с копьем, направленным против чудовищ, порождаемых матерью-землей. Афина против Геи — в этом мифе (отрывок гигантомахии) смысл русской трагедии, т. е. трагедии русской интеллигенции. Говоря простым языком, русская интеллигенция "идейна" и "беспочвенна". (...) Идейность есть особый вид рационализма, этически окрашенный (...). Этот рационализм весьма далек от подлинной философской "рацио". К чистому познанию он предъявляет, поистине минимальные требования. Чаще всего он берет готовую систему "истин", и на ней строит идеал личного и общественного (политического) поведения (...) Беспочвенность есть отрыв: от быта, от национальной культуры, от национальной религии, от государства, от класса, от всех органически выросших социальных и духовных образований".⁴

С такой позиции — уже шаг к нигилистической базаровщине, которую Федотов определяет как "презрение к людям — и готовность отдать за них жизнь; маска цинизма — целомудренная холодность; холод в сердце, вызов Богу, гордость непомерная — сродни Ивану Карамазову; упоение своим разумом и волей — разумом без взлета, волей без любви; мрачность, замораживающая истоки жизни — таково это новое воплощение Печорина, новая демонофания, в которую нам не мешает вглядываться пристальнее: в ней ключ к бескорыстному героическому большевизму "старой гвардии".⁵

В такую русскую интеллигенцию вливается начиная с 80-тых годов естественно-беспочвеннейшая еврейская интеллигенция, сочетающая целенаправленный интернационализм с чертами расовой солидарности. Еврейство, которому чужда была православная религия, история и культура, считало, что

---

4. Там же, стр. 77-78.

5. Там же, стр. 103.

революция в России может стать трамплином для всемирной революции, в хаосе и уравниловке которой оно, обладая свойствами и призванием "избранного народа", сможет проводить свой мессианизм, хотя и в измененных формах и обстоятельствах.

Тот же Федотов, которого невозможно заподозрить в антисемитизме, пишет: "Его (еврейства) ненависть к царской и православной России не смягчается никакими бытовыми традициями. Еврейство сразу же занимает в русской революции руководящее место. Идейно оно не вносит в нее ничего, хотя естественно тяготеет к интернациональному еврейскому марксизму".⁶

Но, как мы уже упоминали выше, в это "беспочвенное" русло направилась не вся интеллигенция. Часть ее, как бы предчувствуя ледяной холод устремления в *национальное ничто*, сперва инстинктивно, а затем и сознательно, пыталась ухватиться за что-либо, но ввиду обанкротившихся первых двух членов мессианической триады — государства и церкви, ей ничего не оставалось, как устремить свои взоры на третий член — народ. Так образовался следующий лже-мессианизм — *народничество*.

Русская интеллигенция в целом металась из крайности в крайность. С начала XVIII века, т.е. со времен Петра Великого, она почти целое столетие, по меткой оценке Федотова, идет с царем "против народа" (период нарождения империи и роста самодержавия); с 1825 г. по 1881 г. — в период наиболее ярко выраженной беспочвенности — против царя и народа, а затем, с семидесятых-восьмидесятых годов по революцию — с народом против царя. Это весьма упрощенная схема, конечно, но в ней есть своя правда.

Народничество выражалось в двух направлениях: одно, вполне здоровое, и другое, болезненное, вырождающееся в народопоклонство, в демолатрию. Первое направление — это желание интеллигенции найти нечто общее со своим народом, нести ему всякого рода помощь: просвещение, медицинское обслуживание,

---

6. Там же, стр. 113.

организацию труда, аграрные реформы. Но и это направление имело свою положительную и отрицательную стороны. Идеи-ные работники на этой ниве, жертвенные и преимущественно безукоризненные в своей личной жизни, параллельно помощи народу, проводили в народ социалистические и революционные идеи, материализм и атеизм. Правительство недоверчиво следило за этими людьми и не давало им той помощи, которую они в какой-то мере заслуживали. Подозрительность правительства была оправданной. Сторонники "бакунинской" идеологии действительно желали организовать крестьян для всеобщего восстания против властей, для бунта, который бы переродился во всенародную революцию, направленную на свержение монархического строя в России. Интеллигенты-народники в то время никак не сознавали, что революция обыкновенно провозглашается во имя народоправства, совершается на путях "народо-расправства" и завершается "с-народом-расправством".

Мы не будем здесь перечислять различные виды народничества, но сосредоточим свое внимание только на том, который обладал псевдо-мессианическими чертами.

Народ, как целое, подобен айсбергу: большая часть его скрыта под водой и в лучах солнца сверкает только его верхушка. Но таять айсберг начинает именно с верхушки и когда это таяние достигает предела — центр тяжести его перемещается и весь он переворачивается вверх ногами. Так случилось и с Россией.

Установление крепостничества разделило население России на два класса: господ и мужиков, т. е. рабовладельцев и рабов. Пусть участь крепостного, в среднем, была лучше участи современного колхозника, но сам факт, что на Св. Руси завелось рабство, говорит за себя. И если личные качества одних помещиков облегчали гнет барщины, то тем не менее крестьянин всецело зависел от своего барина. Если дворянин Троекуров мог затравить дворянина же Дубровского, то что же говорить о доле простого мужика. Отсюда — полная отчаяния поговорка: "До Бога высоко, до царя — далеко!" И как правильно отметил это социальное явление гений русского языка: имение помещика определялось количеством "душ", которые можно было про-давать, менять, закладывать и проигрывать в карты. О, Боже!

Как это было далеко от идеала Св. Руси!

Благороднейшие из "господ" со временем начали задумываться над этим явлением, но, со свойственной русским горячностью, перекинулись в другую крайность: хорошо их позицию выразил Лавров в формуле "неоплатного долга перед народом". Отсюда и пошло "народопоклонничество" и "хождение в народ". Пропустим мимо нашего внимания социальные и экономические аспекты народничества и сосредоточимся на аспектах историософских.

Европейский романтизм был реакцией против рационализма и позитивизма. Разочарованные в сухих схемах дискурсивного разума мыслители искали оживляющих веяний в прошлом (антицизм, неоязычество), либо обращали свой взор на целинную природу простого народа. Так человека, пресыщенного тортами и пирожными, тянет к деревенскому ржаному хлебу. Это настроение, как поветрие, прошло через всю Европу, но в России оно приняло особые формы, ибо совсем особой была и переломляющая среда. Проследим это явление на примере самого Достоевского, который если и не хронологически, то идеологически может считаться отцом религиозно окрашенного народничества. Вот что пишет об этом Н. Бердяев.

"Народничество всегда было знаком слабости в России культурного слоя, отсутствия в нем здорового сознания своей миссии (...). Наш высший культурный слой чувствовал свою беспомощность перед народной стихией, — перед темным океаном народным, чувствовал опасность быть поглощенным этим океаном (...). Высший культурный слой, не имевший крепких культурных традиций в русской истории, не чувствовавший органической связи с дифференцированным обществом, с сильными классами, гордыми своим славным историческим прошлым, был поставлен между двумя таинственными стихиями русской истории, — стихией царской власти и стихией народной жизни. Из инстинкта духовного самосохранения он начал идеализировать то одно, то другое начало, то оба вместе, искать в них точки "опоры". (...) "Народ" представлялся "интеллигенции" таинственной силой, чуждой и притягивающей. В народе скрыта тайна истинной жизни, в нем есть какая-то особенная

правда, в нем есть Бог, который утерян культурным слоем".⁷

В то время как интеллигенция металась в поисках народной истины, сам-то народ с напускным смирением снимавший шапку перед "господами", в душе не доверял им и считал, что всё "господское" — это забава, детская и иногда жестокая, которую солидному человеку нельзя брать всерьез... "барская блажь". Чувство крестьянского сословного превосходства над другими сословиями выразилось с самого начала уже в былинах: настоящая, "земная" сила народная не в князе — Добрыне Никитиче, не в представителе ученого (духовного) сословия — Алёше Поповиче, а в мужицком герое Илье Муромце и его сословном родиче Микуле Селяниновиче.

О гетерономном характере нашего народа писал Н. Бердяев: "Одна и та же болезнь нашего национального духа обнаруживается на противоположных полюсах. Та же нераскрытость и неразвитость у нас личного начала, культуры личности, культуры личной ответственности и, личной чести. Та же неспособность к духовной автономии, та же нетерпимость, искание правды не в себе, а вне себя. Отсутствие рыцарства в русской истории имело роковые последствия для нашей нравственной культуры. Русский "коллективизм" и русская "соборность" почитались великим преимуществом русского народа, возносящим его над народами Европы. Но в действительности это означает, что личность, что личный дух недостаточно еще пробудились в русском народе, что личность еще слишком погружена в природную стихию народной жизни. Поэтому только народническое сознание могло чувствовать правду и Бога не в личности, а в народе".⁸

В одном из неизданных трудов о. С. Булгаков отмечает, что между русским народом и народом израильским имеются некие религиозные параллели. То же самое отмечает и Бердяев. Как Израиль верил в *иудейского* Бога, "которому не было равного среди иных богов", так и среди русских имелась склонность отождествлять религиозное с национальным. "И в русском сознании религиозное и народное так перемешаны, что трудно

---

7. Н. Бердяев, "Миросозерцание Достоевского", стр. 168-169.

8. Там же, стр. 171.

их разделить (...). Русский народ верит в русского Христа. Христос — народный Бог, Бог русского крестьянства, с русскими чертами в своем образе. Но это и есть языческий уклон в православии”.⁹

Если провести черту между софийным началом и логосным, бытийным и ведным, женственным и мужественным, интуитивным и интеллектуальным, между душой и духом, — то русских следовало бы поместить по левую сторону этой черты. И Достоевский, в котором можно найти много диалектических противоположностей, и который был ярко выраженным ”пневматиком” в одних отношениях, всю жизнь боролся и неоднократно изнемогал в этой борьбе — с искушениями психо-соматического характера. В гармонии с этим он поддавался искушению видеть ”русского Христа” и искать Его в сердце народа-богоносца. Но русский народ не оказался народом богоносцем. Это был миф, и к тому же — ложный миф. Русский народ, если, частично, и был богоносцем, то параллельно этому был и сатаноносцем.

”Достоевский открывал, — пишет Бердяев, — в русском народе жуткую стихию, страстную и сладострастную, которой не заметили писатели-народники. Не случайно в недрах русского народа народилось хлыстовство, явление очень национальное, характерно русское. В нем перемешалось русское православие с исконным русским язычеством, с народным дионизмом”.⁹

Всякая добродетель — положительное явление. Но если эту добродетель выставлять на первый план за счет остальных, то и она преобразуется в порок. Так, напр., патриотизм — добродетель, но доведенный до предела, становится абсурдным. Верность династии и престолу — была добродетелью патриотически настроенных людей, но если она собой заслоняла всё остальное, включая и благоразумие, то становилась пороком ”престолопоклонства”. Так было и у Достоевского с верой в народ. Достоевский был уверен, что здоровый инстинкт русского народа и его религиозность спасут Россию перед губительным влиянием социализирующей интеллигенции. И в этом он ошибся.

---

9. Там же, стр. 191.

В статье "Русский мессианизм и новое национальное сознание"¹⁰, очень интересной, но, на наш взгляд, слишком пессимистической, В. Горский пишет: "Но народниками были не только славянофилы, но и западники, и материалисты, и революционеры, ибо народничество — это определенное умонастроение, а не только социально-политическое течение. Вера народничества, повторяем, есть вера в то, что в глубинных пластах народной жизни скрыта та последняя правда, явлением которой будет спасена не только русская интеллигенция и Россия, но и весь мир. Славянофилы видели ее в древнерусской народной жизни или патриархальной общине; Герцен и западники веру в ту же общину связывали с утверждением, что русский народ — "социалист по инстинкту"; народники искали ее в крестьянстве и земледельческом труде; марксисты — в "угнетенном пролетариате". Народ никак не оправдал этих чаяний. "Уже в первые годы революции, — продолжал Горский, — стало очевидно, что собственная национальная культура совершенно чужда русскому народу, что даже храмы и иконы, созданные гениальными предками и занимавшие, казалось бы, главное место в духовной жизни русского человека, оказались пригодными лишь на кирпичи и дрова (...). Легкость, с которой отдаются крестьянами старинные костюмы или наследственные предметы быта, а также сараи и загоны для свиней, сооруженные ими из икон, пред которыми многие из них еще недавно молились, свидетельствует о том, что эти процессы не сводимы к одному лишь революционному террору".

В другой интересной статье, написанной Г. Померанцем, автор анализирует понятие "народа" и приходит к неутешительному выводу, что в настоящее время то, что раньше называлось "народом" вообще уже не существует, а под понятием "советского народа" разумеется "население СССР". В тон этому, хотя и раньше, Федотов ставил вопрос, не произошла ли мутация с русским народом и не возник ли совершенно новый тип русского человека.

В свое время В. В. Розанов, как всегда несколько парадоксально, писал в "Апокалипсисе нашего времени": "Былая

---

10. Вестник РСХД, № 97, 1970.

Русь... Как это выговорить? А уже выговаривается... Русь слиняла в два дня. Самое большее — три. Даже "Новое время" нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась, вся до подробностей, до частных. И, собственно, подобного потрясения никогда не было, не исключая "великого переселения народов". Там была эпоха, "два или три века". Здесь — три дня, кажется, даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Страшным образом — буквально ничего". И не стало народа-богоносца!

В этом же ключе пишет Горский, что если сравнить те черты русского народа, которые известны были нам лично и которые мы знаем из литературы, с теперешними чертами "хомо советикус", то между ними нельзя уловить ничего общего.

Много горькой правды в этих словах, но не следует поддаваться духу дефетизма. Когда выгорит степь и черный пепел покроет кажущуюся мертвой землю, то хочется верить, что пройдут своевременно дожди, настанет весна и эта самая степь воскреснет, новая поросль, буйнее старой, прорастет от корня и летом вновь расцветится и распоеся, торжествуя свое воскресение. Ведь такие люди, как Солженицын, Сахаров, Буковский, Осипов, Огурцов и др., родились и выросли в тот период, который следовало бы назвать "эра советика"! Они — залог, что не все еще пропало, что *подспудно* сохраняются в народе силы к возрождению. Это Данилевский и Шпенглер утверждали, что в жизни народа (культуры) бывает лишь одно цветение. А более поздние историософы, как напр. Питирим Сорокин, доказывают "компьютерно", что некоторые культуры иногда имели и два, и даже три возрождения. С другой же стороны, если русский народ действительно изменился после революции, то не изменились ли англичане, немцы, шведы?

Мы уже проводили сравнение народа с подводной частью айсберга, который почти никогда не плывет по прямой линии, но дрейфует, уносимый незаметными для глаза течениями. Приведем еще другой пример. Каждый человек обладает положительными и отрицательными качествами. Если записать, как в бухгалтерской книге, по одну сторону его пороки и недостатки, а по другую — таланты и добродетели, то в *данный мо-*

мент можно сказать о нем нечто определенное. Однако этот баланс дебета и кредита для каждого человека всё время меняется, под влиянием внешних стимулов или внутренних волевых мотиваций. И если у одного человека баланс активен, у другого — пассивен, то, по закону больших чисел, в целом народе можно постулировать средний, нейтральный потенциал, не поддающийся точному определению. В истории бывает, что отдельные личности дают направление народному дрейфу (Жанна в'Арк, Минин и Пожарский, теперь Солженицын...), а бывают периоды (как в нашу революцию), когда усилия отдельных людей спасти положение не дают никакого результата.

Каким же образом возникают личностные мутации в народе? Это необъяснимое чудо, тайна. Одно можно сказать определенно: богочеловеческая драма разыгрывается в личностях, а не в массах.

Игумен Геннадий (Эйкалович)

О. ШПЕНГЛЕР О ДОСТОЕВСКОМ И РОССИИ

*"Tolstoi ist das vergangene, Dostojewski
das kommende Russland".*

O. Spengler

Освальд Шпенглер (1880-1936) принадлежит к тем философам истории, которые рассматривали ход истории в виде самостоятельных циклов. Такие, по моему мнению: XVII - XVIII вв. Дж. Б. Вико, XIX века Н. Я. Данилевский и XX века О. Шпенглер и А. Тойнби. Вероятно первый, ихтиолог и философ, Данилевский указал в своем труде "Россия и Европа" на разные типы развития, разные и отличные друг от друга формы культуры. Он заметил своеобразие и замкнутость "культурно-исторического типа развития". Каждой культуре свойственен период древней, средней и новой истории. Россия же имеет свою особую, отличную от Западной Европы, культуру, историю и судьбу.

О. Шпенглер, вероятно, независимо от Данилевского, пришел к тем же убеждениям. По специальности он не столько философ, как биолог. Шпенглер не читал по-русски. Все же нет сомнения, что кроме Гёте, Ницше и Бергсона на Шпенглера влияли и русские мыслители типа Данилевского, как установил югославянский ученый В. Вуич. В 1904 году была издана диссертация Шпенглера о метафизике Гераклита (VI - V вв. до Р. Х.). Уже там мыслитель подчеркивает сродность и сходность природных явлений с историей культуры: "Государство, этика, понятия — взгляды людей, это произведения — порождения природы". В большом труде "Закат Европы"

философ утверждает замкнутость каждой души великих культур. Все они рождаются, цветут, приносят плод и умирают. В них есть сходность в разновременных проявлениях жизни культуры, то, что Шпенглер называет "одновременностью". В жизни каждого культурного цикла происходят сходные события, расцвет, зрелость и упадок и в области философии. Постепенно культура, создавшая и свой стиль и свою музыку, вырождается в цивилизацию. Эллинизм от Александра Македонского до Марии римского 300-100 гг., соответствует в Китае 480-230 гг. Цинской династии, а в Европе 1800-2000 гг. — Наполеону, времени власти диктаторов, истребительным войнам и империализму. Платон IV в. до Р. Х. "одновременен", соответствует Алфараби X века (арабская "магическая" культура), а в Европе это Гёте и т. п. И в области математики замкнутость основных понятий о числе, пространстве, времени, отличает культуру от культуры.

"Фаустовская культура" Запада исчерпана и, вероятно, на сцену истории грядет славянская Россия. С 1922 г. многое намеченное в труде Шпенглера стало фактом. Привожу мысли вдумчивого и оригинальнейшего философа о России и о Достоевском. Так, как он, никто и не думал и не говорил в 1920-тых годах о Достоевском. Я не собираюсь критиковать или толковать Шпенглера, для этого потребовалось бы написать книгу.

*

"Псевдоморфоза ныне перед вашими глазами: Россия Петра I... Петр Великий стал злым роком для того, что мы можем назвать РУССКОСТЬЮ. Настала псевдоморфоза, каковая примитивную русскую душу подчинила чужестранным формам позднего барокко, а потом веку рационализма и духу XIX века Европы... Петербург — самый абстрактный и самый искусственный из существующих городов, замечает Достоевский... Он имел ощущение, словно этот город в один прекрасный день растает вместе с душными туманами болот... Нет большей противоположности, чем русское и западное... Ненависть к чуждому, отравляющему еще нерожденную культуру материнского лона земли и есть отвращение от своей же (наносной) культуры, которой в ее вершинах уже пресытились (некоторые). Глубочай-

шее религиозное чувство мира, неожиданные озарения, страх перед сознающим БЫТИЕМ того, что должно придти, метафизическое мечтательство и страстность устремлений, находятся в начале истории (новой культуры). Молодые русские люди до первой мировой войны по Достоевскому "все по улицам и площадям толкуют о вере"... Бледные, нечистоплотные, возбужденные... Постоянно охвачены метафизикой... Всё видят глазами веры, даже если речь идет об избирательном праве, химии, или женском вопросе... Общество (высшее) было западного духа, а народ внизу нес в себе душу почвы. (Опять по Достоевскому!). И среди этих двух миров не было взаимного понимания, связи, прощения. Если захотим познать обоих великих ораторов, оба же и жертвы псевдоморфозы, мы скажем: Достоевский крестьянин, Толстой же всей душой связан с Западом... Толстой это прошлая, а Достоевский будущая Россия. Сильная ненависть Толстого говорит против Европы, а от Европы он и сам не может освободиться. Он ее ненавидит в себе, ненавидит и себя. Этим он становится ОТЦОМ БОЛЬШЕВИЗМА... Достоевский чужд этой ненависти. В существе он объял все с равнострастной любовью: "У меня два отечества — Россия и Европа". Из своего будущего он глядит, как из безмерной дали. Душа его апокалиптична, страстна, отчаянна, но уверена в будущем... Достоевский не принадлежит ни к кому, кроме разве к Апостолам начала христианства... Такая душа скользит по всему "социальному". Ни одна настоящая религия не хочет исправлять мир фактов... Религия подошедшая и к социальным вопросам уже перестала быть религией, а Достоевский живет уже в действительности непосредственно предстоящего религиозного творчества. Алеша Достоевского ускользнул от понимания всякой литературной критики, даже и русской... Толстой — художник западного романа, — "Анну Каренину" не так-то легко кому-либо достигнуть, ведь и в крестьянском тулупе он — человек (высшего) общества. Тут есть столкновение Начал и Концов. Достоевский — святой, Толстой только революционер. Только от него — Толстого, настоящего наследника Петра, исходит большевизм: не ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ, но последняя консеквенция петринизма, крайнее унижение того, что метафизическое там, что СОЦИАЛЬНО, а тем самым новый облик

псевдоморфозы... Большевики не народ, даже и не его часть. Они самый глубокий, созданный Западом слой "общества", чуждый, как и само "общество" (народу) и оттого исполненный низкой ненавистью... Настоящий русский это ученик Достоевского... Христианство Толстого было просто недоразумением. Христианству Достоевского ПРИНАДЛЕЖИТ СЛЕДУЮЩЕЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ". (См. Bd. II, München, 1922, "Der Untergang des Abendlandes", 232 - 237, 623).

*

Совсем в духе Достоевского и рассуждение Шпенглера о ХРИСТИАНСТВЕ и ХРИСТЕ: "То несравненное, чем юное христианство отличается от всех религий того, богатого ими раннего времени, есть ЛИК ХРИСТОВ. И во всех великих созданиях тех лет нет ничего, что бы могло с НИМ сравниться... Тут нет философии, Его изречения, из которых некоторые остались слово за словом в памяти ЕГО друзей и в их глубокой старости... Как блаженно тихий остров поживает жизнь рыбаков и ремесленников у Генисаретского озера, во времена Тиверия Великого, далеко от всякой светской истории... Создалась из слов и притчей Его картина Его жизни... Евангелие. В мировой истории христианство единственная религия, в которой судьба одного человека описана в современной ему жизни и стала символом и центром всеобщего творения (созидания)". Далее в духе и силе Достоевского сказал наш философ: "Когда же Иисус был приведен к Пилату, тогда противостояли два мира, мир фактов и мир истин, и столь страшно ясно и так символически, как никогда ни в одной исторической сцене... 'Мое царство не от мира сего' — есть последнее слово и от него ничего нельзя отнять. На этих словах каждый человек может определить куда его направляет его рождение и его природа. Властитель, каковой хочет поправить религию в направлении политических и практических целей есть безумец — глупец... Никогда никакая вера не может изменить мир, и никакие факты никогда не смогут опровергнуть веру... Толстой — гражданин западник — видел в Иисусе только социального моралиста и тем унизил прахристианство (начальное христианство) до степени социально-революционного движения. Так поступает вполне цивилизованный

Запад, который умеет только делить, но не отречься из-за своей нехватки метафизической силы... Достоевский — бедняк (малоимуший), но по временам почти святой, никогда не помышлял о социальных улучшениях — что бы помогло душе, если б поместья запретили?.. Под этим низким небом не существует ни единого "Я". "Все за всё виноваты"... Это основное метафизическое чувство всех творений Достоевского". (См. Vd. II, 265, 258, 263, 363). По мнению Шпенглера, кстати сказать, московский царизм есть "единственно подходящая форма, и теперь, для того, что в самом деле русское" — "die einzige Form, welche noch heute dem Russentum gemäss ist".

Перевел с немецкого изд. 1922 г.

Р. Плетнев

ДЭВЕНПОРТ И ЕГО КНИГА О СВОБОДЕ

В 1955 году в издательстве Harper Brothers в Нью-Йорке напечатана была странная книга автора, за год до того умершего, Рассела Дэвенпорта "Достоинство человека". Книга эта не привлекла в свое время внимания широкой публики, хотя была очень высоко оценена некоторыми кругами американской интеллигенции и вызывала некоторый интерес на протяжении последней четверти века. Прочтя ее сейчас, поражаешься актуальности и новостности идей, а также странному для американского образа мыслей духовному направлению этой интереснейшей книги. Я глубоко уверен, что только сейчас приходит время, когда книга Рассела Дэвенпорта будет широко читаться и комментироваться, время, когда "Достоинство человека" окажет решающее влияние на духовную жизнь Америки.

Автор, редактор журнала "Форчун", умер, не окончив рукописи, которую он писал, получив стипендию Фордовского фонда. Для всех людей, кто не признает случайностей в нашей жизни, факт, что книга осталась незаконченной и что Рассел Дэвенпорт не смог до конца выявить свою идею, является значительным. Очевидно, в то время когда писалась книга, судьба или Творец сочли преждевременным раскрывать основную идею этой интереснейшей книги. В наше же время именно такая незаконченная книга должна вызвать страстное желание довести до конечных выводов духовное дело, начатое Дэвенпортом.

Что же необыкновенного мы находим в книге "Достоинство человека"? Как и тысячи книг, написанных в Америке после Второй мировой войны, эта книга говорит о борьбе между

демократическим миром и коммунистическим, но в то время как подавляющее большинство американских авторов считает, что столкновение двух миров лежит в плоскости или политической, или экономической, или геополитической, или технологической,

Рассел Дэвенпорт доказывает, что основная борьба и решающее столкновение между демократией и тоталитаризмом происходит исключительно в сфере идей, и что основной недостаток демократического мира, и особенно Америки, — в отсутствии идеи, которую можно было бы противопоставить коммунистической. Главная борьба в наше время идет не между социалистическим и капиталистическим строем, не между Советским Союзом и Соединенными Штатами, а между двумя духовными концепциями человека. В то время как марксистская концепция, которую Дэвенпорт называет концепцией "Диалектического человека", полностью находится на вооружении всех тоталитарных режимов, демократический мир никакой своей концепции личности противопоставить марксистской концепции не может. Полностью отдавая себе отчет в том, что вопрос о свободе личности является центральным в борьбе с мировым тоталитаризмом, автор "Достоинства человека" утверждает, что именно в этом пункте и разыгрывается "назревающая трагедия, которую олицетворяет собой Америка, — это трагедия человека доброй воли, который не в состоянии осуществить свои добрые намерения вследствие философской незрелости". (Русское издание книги, "Издательство Фонда Свободы", Н. Йорк, 1960 г., стр. 83).

Отсутствие идеологического обоснования свободы, или точнее отсутствие идеологии демократического мира и является по Дэвенпорту величайшей трагедией Америки. Не раз он, участник Второй мировой войны, встретившийся на Эльбе с советскими армиями, и прекрасно знающий силу и мощь оружия, не раз повторяет в книге, что отнюдь не оружие и не превосходящее вооружение может победить в нынешней планетарной борьбе. "Мы можем вооружить западный мир до зубов, — пишет он, — вступить в величайшую войну всех времен и добиться величайшей победы, и, в то же самое время проиграть свободу. Ни наша мощь, ни наше богатство не могут завоевать свободу для нас. Мы обеспечим ее только в том случае, если

сумеет пробудить новый дух искания, способный не только остановить, но и превратить в анахронизм идею Диалектического человека” (стр. 41). И дальше: “Военная сила, как таковая, не может вступить в борьбу с Диалектическим человеком. Только идеи могут бороться против идей и побеждать их. Таким образом для победы над идеей Диалектического человека необходимо возникновение другой, более сильной идеи человека. Другими словами, разрешение вопроса лежит вовсе не в военной, а в философской плоскости” (стр. 22). Для каждого, следящего с возрастающим беспокойством за нынешними мировыми событиями и ростом тоталитарной угрозы уже на всех континентах, не может остаться незамеченным совершенно оригинальный взгляд Рассела Дэвенпорта, отличный как от основных установок так называемых западных либералов, так и от консерваторов. В то время как либералы нередко своим несопротивленчеством и желанием избежать военного столкновения с коммунистическим миром, на деле способствуют расширению и укреплению коммунистического тоталитаризма во всех концах нашей планеты, Рассел Дэвенпорт всеми силами защищает необходимость твердого и бескомпромиссного сопротивления наплыву тоталитаризма. Однако, в то время как консерваторы видят основную силу этого сопротивления коммунизму в усиленном вооружении, и вообще в сфере военного и геополитического противостояния коммунистической экспансии, Дэвенпорт, наоборот, прекрасно отдает себе отчет в том, что одним высокоусовершенствованным оружием и мощной армией не добиться победы и сохранения демократии. Особенно это ясно становится теперь, после нелепого американского поражения в Южном Вьетнаме, в котором вооружение и военная мощь коммунистов ни в какой счет не шли с американским и южно вьетнамским. И тем не менее, и мощная американская армия, и южно вьетнамская, оснащенная первоклассной техникой, проиграли сражение. А проиграли потому, что ни у американцев, тысячами дезертировавших из армии, ни у южно-вьетнамцев, часто без боя отдававших в руки коммунистов прекрасное вооружение, не было того основного, что только и движет человека в борьбе, не было ясно осознанной идеи — за что они воюют. Такую идею имели единственно редкие пере-

бежчики из коммунистического Северного Вьетнама, которые на себе, не в идейном плане, а экзистенциально, ощутили все различие между Диалектической концепцией человека и свободой. Ну, конечно, идею, за которую готовы были сложить голову, имели и фанатики коммунисты.

Дэвенпорт — один из чрезвычайно редких американцев, полностью осознавших основной недостаток американской демократии — неспособность объяснить другим народам, и идеологически обосновать концепцию свободной и суверенной личности. Он пишет: "Неспособность американской философии дать то, что эти миллионы ищут, была основной причиной наших неудач в борьбе против коммунизма. Никто не станет утверждать, что это легкая задача. Она требует совершенно нового, еще несуществующего духа исследования. Но прежде всего необходимо понять, что новый дух исследования, каков бы он ни был, не может проистекать из наивности и лишенных целостности основ американской оптимистической традиции. Покуда она владеет нашим сознанием, исключая другой любой образ мышления, наши доводы не смогут преодолеть идею Диалектического человека так же, как щебет воробья не может заглушить грохот Ниагарского водопада" (стр. 194). Какие же это цели американского общества? "Мы попадаем в заколдованный круг, — пишет он. — Законная цель индустриальной системы — потребляющий индивидуум, но неизбежная цель этого индивидуума — потребление... но народы мира, даже народы высокоиндустриализованных стран, явно несогласны с критерием, являющимся элементом американской индустриальной системы, а именно, что цель человеческой жизни заключается в достижении счастья, создаваемого техническим прогрессом... Можно предположить, что каждый человек желает лучшей жизни на земле, но нельзя считать, что достижение этой цели разрешает все проблемы человеческого существования" (стр. 77-78).

Именно в оптимистической вере в неограниченный экономическо-технологический прогресс, вере так близкой к марксистской вере в прогресс, Дэвенпорт видит главную слабость и невозможность найти духовное оружие для противостояния тому, что составляет суть марксизма. Он пишет: "Марксу удался потря-

сающий синтез двух факторов — стремление современного человека идти за наукой, куда бы она ни вела — с одной стороны, и революционной традиции с мессианской целью создания человека таким, каким он должен быть — с другой... Таким образом марксизм не неопасный случайный враг, поскольку он вырос на ошибках нашей цивилизации и бросает нам вызов с наших основных позиций. Это враг, требующий от нас отнюдь не одних военных и экономических усилий, но усилий в интеллектуальной и культурной области, направленных на истинное понимание человека” (стр. 118-119).

Вот, в этой глубокой попытке истинного понимания человека и состоит вся ценность книги Дэвенпорта. Он один из первых в Америке, и вообще на Западе, понял и показал неразрывную связь между духом современной позитивистской науки и духом марксистского тоталитаризма. Очень немногим, и то только в наше время, эта неразрывная связь становится очевидной. Вся позитивистская наука базируется на догме о том, что весь мир и космос движутся на основании непреодолимых законов природы, в которой нет никакого места для свободной воли. Дэвенпорт ясно увидел неизбежное противоречие: ”Шизофреническая позиция двадцатого века, признающая за концепцией свободы воли лишь незначительную научную ценность, или же не признающая ее совсем, тогда как мы продолжаем считать свободу нашим боевым кличем, совершенно неприемлема” (стр. 209). И дальше: ”Научный взгляд на человека сам по себе не может служить основанием для доктрины свободы. Если этот взгляд открывает всю правду о человеке и его происхождении, то великая борьба идей не может закончиться победой свободных людей. И, наоборот, если свобода является реальностью, то научный взгляд на человека не может быть абсолютно правильным” (стр. 136). Замечательно верно показывает автор ”Достоинства человека” глубокую связь между догматичной и слепой верой в науку и коммунистическим насилием. Он подчеркивает, и это совершенно новая и оригинальная мысль, что коммунизм признает насилие не только как способ ”для ускорения темпов человеческого развития”, но идет намного дальше. ”Для того чтобы обосновать свою претензию на научность, он должен найти позитивные доказательства в конкретных исторических

событиях. Поэтому диалектический материалист прибегает к насилию с тем, чтобы события развивались так, как они теоретически должны развиваться. Тогда как нам это кажется крайне иррациональным и ненаучным подходом, для них это логичное, хотя и непризнаваемое открыто, следствие теории. Сила является диалектической противоположностью того, что "буржуазный мир" понимает под поисками истины. Поэтому, если она применяется для нанесения удара по исканиям свободного мира, то результат будет диалектическим синтезом — дальнейшим шагом вперед по направлению к коммунистическому социальному абсолюту. Ввиду того, что коммунисты применяют таким образом насилие в связи с диалектическим процессом, его надо считать составным элементом этого процесса. Развивались ли бы события иначе без применения насилия, или нет, чисто академический вопрос" (стр. 130).

Дэвенпорт бесстрашно доводит до конца критику позитивистской науки, связывая ее полностью с практической политической сферой: "Но свободному миру надо считаться, а он с этим не считался, что если материалистический тезис или тезис о 'естественных причинах' правилен, то позиция коммунизма сильнее, чем позиция свободного мира. Материя несвободна, в сколько-нибудь значительном смысле этого слова; поэтому идея человека, как существа, возникшего в результате материальных процессов, не в состоянии наполнить свободу внутренним содержанием. Если человек является продуктом какой-то комбинации закономерностей и случайностей, его свобода может быть лишь иллюзией; и, таким образом, коммунизм уберегает человека от страшной и бесцельной борьбы за эту иллюзию, определяя свободу языком, прямо противоположным свободе, то есть языком подчинения человека материальным законам в истолковании, которое им дают руководители общества. ...Если энгельсовская метанаука правильна, так приблизительно правильна, по нашему мнению, и политическая экономия Энгельса-Маркса... если человек является продуктом материи и ее непреложных законов, то коммунизм для человека несравненно лучшее и несравненно более мудрое решение, чем индивидуальная свобода. А это, как показывает современная история, чрезвычайно сильная позиция" (стр. 105). Так автор этой замечательной книги шаг за

шагом доказывает, что ни свободу, ни демократию, ни достоинство человека (отсюда и название книги), невозможно ни найти, ни обосновать, ни защищать против коммунистического тоталитаризма, покуда мы признаем *единственной реальностью* физический мир и "законы природы", то есть всю сферу бытия, которой занимается позитивистская наука. Признание этой сферы *единственной реальностью* и есть материализм.

Однако именно современная наука, особенно физические науки, как говорит Дэвенпорт, "столкнулись в глубинах атома и в величественных бесконечностях межпланетных пространств лицом к лицу с духовным, не зная что это такое, и вообще не зная как к нему подходить" (стр. 203). В то же время человек в самом себе все чаще начинает находить духовные реальности, к которым позитивистская наука тоже никак не может подойти. Дэвенпорт показывает, что и сама позитивистская наука не могла бы существовать без этой внутренней духовной реальности, которая уже одним своим существованием доказывает, что сфера физического бытия, которой занимается наука, отнюдь не единственная реальность. И тут сам собой напрашивается вывод, сформулированный так: "Материализм фактически не учение о материи, а учение об истине; это определенный метод подхода к вещам, который считает, что человеческий ум может постигнуть истину лишь при условии обращенности сознания на внешний мир. ...Доктрина материализма, хотя она и берет свое наименование от материи, не больше и не меньше чем доктрина обращенности на внешний мир, считающая, что реальность постижима лишь путем внешнего наблюдения объекта и постижения опытом" (стр. 164-165). "Отождествление мышления с мозгом равносильно отождествлению человека с его телом, а описание его лишь с точки зрения логических процессов равносильно описанию человека, ограничивающемуся лишь его скелетом. Мышление это больше, чем мозг, и больше, чем логика" (стр. 206). Таким образом, Дэвенпорт подходит к древнейшему евангельскому отождествлению Истины и Свободы. Научное знание, покуда оно признается единственным истинным знанием, отнюдь не является истиной по тому простому соображению, что само это знание не могло бы существовать, если бы не существовала внефизическая, духовная реальность, которую эта

позитивистская наука не признает. Так вера во всемогущество позитивистской науки и связанная с нею вера в неограниченный экономически-технологический прогресс *порабощает, так как не является истинной*. И, наоборот, освобождает лишь истина. Дэвенпорт сделал несколько чрезвычайно важных шагов в сторону разъяснения того, что же является истиной, если позитивистская наука ее не содержит.

Особенно трудно показать дорогу к истине в наше время, когда позитивистская научная доктрина прогресса впитывается человеком буквально с молоком матери. Даже люди, уверенно сознающие факт существования нефизической реальности, не находят языка, который мог бы передать другим их собственный опыт. Дэвенпорт прекрасно понимает, что язык традиционных религий устарел, и что: — "в середине двадцатого века нужно не наставлять на путь истины верующих, а объяснять, что такое духовная жизнь тем, кто не принадлежит к их числу. Цитаты из Евангелия или ссылки на их толкования церковью тут не помогут. Мы должны найти какой-то другой путь (стр. 181)... Подчеркивающие значение духа знают, что дух существует, но мало кто из них может сказать, что это такое. Они напоминают человека, родившегося слепым. Он знает со слов других про существование так называемого зрения. Он даже может создать себе при помощи собственного воображения туманное понятие о зрении и учитывать его в своих представлениях о жизни... но он не видит этой реальности" (стр. 184). "Современный мир нуждается в проведении в жизнь определенного учения. Это учение Иисуса Христа. Но для того, чтобы быть проведенным в жизнь, оно должно быть заново открыто" (стр. 219). "Чтобы сделать это, мы должны пробить дорогу туда, где можно найти свет, в глубину человеческой души. Но доктрина прогресса считает, что это дело буддийских монахов" (стр. 80).

Путь к осознанию и удостоверению существования внутренней, духовной реальности Дэвенпорт видит в эмпирической возможности установить связь между внутренним, ненаблюдаемым миром и внешним, который является объектом науки. Он эту связь признает таинственной и освобождающей, взяв для американцев понятный пример необходимой внутренней сосредоточенности игрока в гольф перед ударом по мячу; для

показа связи внутренней и внешней реальности, он объясняет, что вне научного отношения к жизни существует еще путь внутреннего познания мира через интуицию. Если человек идет этим путем, то у него развиваются "внутренние глаза" (в средневековье это называли *oculos spiritualis*), и как говорит он "... рушится и обычный материалистический взгляд на человека. Если способности внутреннего мира человека могут постигать явления внешнего мира без участия сознания, то можно предположить, что между внутренним и внешним миром существует какая-то связь... Для того чтобы быть свободным, человек должен установить связь с истиной" (стр. 195). "Характер этой связи между человеком и природой является тайной, но при помощи нашей интуиции и нашего воображения мы можем проникнуть в эту тайну и фактически видеть вещи и явления как бы изнутри. Поэтому субъект может постигнуть объект при помощи его созерцания" (стр. 159-160). Дэвенпорт не знал, что русская философия в лице Николая Лосского и Семена Франка за несколько десятилетий до его книги полностью прошла тот же путь и описала даже интуитивистскую гносеологию. Конечно, это никак не уменьшает значения американского мыслителя, пришедшего другим путем к тем же выводам, до которых дошли русские философы. Однако, это лишь доказывает, что, раньше или позже, все думающие люди на планете пойдут тем же путем.

Теперь мы дошли до основной, однако до конца еще не выраженной идеи автора "Достоинства человека". Эта идея состоит в том, что исключительно через связь внутреннего мира человека с внешним миром, путем интуитивного постижения, а отнюдь не только позитивистской науки, человек становится свободным, и свобода познается как реальность не менее реальная, чем материальный физический мир. Осознание этого полностью подрывает марксистскую веру в позитивистскую науку, материализм и безграничный научно-технический прогресс в физическом мире. И в то же время осознание факта существования духовного мира и *реальности свободы* является той духовной основой, на которой можно построить идеологию свободы, идеологию демократического мира для борьбы с тоталитарным порабощением. И в то же время эта идеология не имеет ничего общего с установлением одной единой монополь-

ной истины. Наоборот, только на основании такой духовной основы, какой является реальность внутренней свободы и внутренней связи с внешним миром, можно обосновать и защищать идеологически и политически плюрализм. Полностью признавая, что истина одна, мы в то же время благодаря внутреннему, для каждого человека особому и свободному пути к ней, признаем плюрализм путей к этой истине. "Сила свободного мира должна быть обретена в сознании, что истина существует и в жертвенных поисках этой истины. Идея свободного человека отнюдь не является идеей человека, согласного с каждым, это идея человека-искателя" (стр. 37). "Свобода человека не является негативным состоянием, оставляющим его на милость или немилость воздействующих на него внешних или внутренних сил, а состоянием напряжения — волевым состоянием. Свобода — это творческий акт... свобода и есть напряжение" (стр. 225). "Концепция свободы может возникнуть лишь постольку, поскольку человек в состоянии эмансипироваться от природы и внешнего мира" (стр. 197).

Отсюда Дэвенпорт приходит к далеко идущим, чисто практическим политическим выводам. Если это все так, как считает он и русские философы двадцатого столетия, и если все зло происходит от духовного ослепления и догматической веры в существование одной единственной физической реальности, то тогда совершенно понятны слова Дэвенпорта, что "... наш враг не какое-то определенное государство, не какая-либо определенная армия, даже не определенная форма правления. Наш враг — именно эта концепция человека (Диалектического — М. М.). Совершенно верно, что падение советского государства было бы страшным ударом по революции и, тем не менее, мы не должны возлагать на это чрезмерные надежды. Такое крушение могло бы временно приостановить дальнейшую перековку человечества. Но оно не уничтожило бы Идею. Нельзя забывать, что Диалектический человек рожден даже не в России. Он там пришел к власти, но не считает какие-либо реки или горные цепи своими границами. Он принадлежит не Кремлю, а всему человечеству. Он живет в умах людей, обитает в их душах почти сто лет. Нет такого человеческого общества, в которое бы он не проник, нет границы, которую бы он не пересек" (стр. 20). Нетрудно вывести

далеко идущие практические выводы даже для внешней политики Соединенных Штатов из такой единственно верной постановки вопроса. Врагом свободного мира является не Сов.Россия или Китай, не только один лишь Советский Союз, а тоталитаризм во всех его формах и проявлениях. Зло, как и истина, не национальны, а общечеловечны. Как пишет Дэвенпорт, "вокруг нас лежит во тьме мир предрассудков, эмоционального символизма, эгоистических интересов и пропаганды, стремления к власти и национализма. Обеспечить свободу в этом мире, если на давление ответить давлением, на предубеждение — предубеждениями, на силу — силой, на национализм — национализмом, — невозможно. Только если нам удастся принести в этот мир свет, мы сможем рассеять страшные призраки иллюзии, непрерывно рождающиеся в нем. Этот свет может быть только светом истины" (стр. 207). И дальше: "Тот факт, что нацисты были немцами, а не американцами, в действительности не играет никакой роли. Нацисты были людьми. Зло, которое они принесли в мир, было не немецким, а общечеловеческим злом; для того, чтобы американцы обрели идею человека, с учетом особенностей человеческой природы, они должны считаться с этим злом так, как если бы они сами совершили его. Прятаться за какую-то неясную идею о своей собственной невинности — значит заранее оставить всякую надежду на обретение идеи человека, которая могла бы иметь общую ценность для всего человечества, значит отказаться от руководящей роли в деле борьбы за свободу, в которую американцы, по их словам, так твердо верят. Предположение относительно нашей "невинности" поэтому не только возмутительно, — оно равносильно самоубийству" (стр. 61). Поражает полное сознание общечеловеческой, а не национальной греховности и ответственности за зло у американца, сражавшегося с нацистами. Тем более поражает, что в наше время на Западе все чаще раздаются голоса о том, что идея свободы и демократии исключительно западная ценность, и что ее недостойны и не могут воплотить в себе другие народы. И невдомек таким западным недалеким мыслителям, что если свобода и демократия ценность не общечеловеческая, а лишь западная, то дело демократии уже проиграно. И поражает глубина христианского универсализма Рассела Дэвенпорта в сравнении с таким

частым в нынешнее время якобы обелением своего собственного народа от всякой скверны и перебрасыванием ответственности за зло на заграничные идеи, иностранцев или инородцев, со стороны людей декларативно провозглашающих себя христианами.

М. Михайлов, 1981

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

ОТ РУССКО-АМЕРИКАНСКОГО КЛУБА
К РУССКИМ ЛЮДЯМ В АМЕРИКЕ

Дорогие соотечественники!

Правление Русско-Американского Клуба в г. Ст. Петербург во Флориде совместно со Строительным Фондом обращается к Вам с большой просьбой ЖЕРТВОВАТЬ на сооружение Русского Культурного Центра в г. Ст. Петербург. Русско-Американский Клуб был основан 9 лет назад и является общественной демократической и культурно-просветительной организацией, действующей согласно уставу, зарегистрированному в штате Флорида.

Почти все члены Клуба пенсионеры, переселившиеся сравнительно недавно из северных штатов Америки и Канады. Так как, — “Не хлебом единым жив человек”, Клуб устраивает лекции, концерты, вечера, демонстрирует кинофильмы, а также помогает своим членам, оказавшимся в нужде. Благоприятные жизненные условия во Флориде все больше привлекают россиян и за последнее время русское население Ст. Петербурга сильно возросло. Наряду с этим растет и работа Клуба, который не в состоянии ее широко развернуть из-за отсутствия собственного помещения и затруднений с арендой. В результате жертвенности членов Клуба и самоотверженной работы правления, в августе с. г. за наличные деньги была куплена земля в центре наибольшего поселения наших людей. Но несмотря на жертвенность наших членов, их материальные ресурсы при современных ценах недостаточны, чтобы Клуб своими силами мог построить необходимый Культурный Центр. Мы знаем, что многие наши соотечественники, живущие на севере, мечтают переселиться в теплую, солнечную Флориду. Им мы протягиваем руку помощи в деле переселения в Ст. Петербург, а взамен просим помочь материально своим щедрым пожертвованием на постройку

Культурного Центра.

Мы обращаемся к нашей национальной гордости за рубежом — звездам экрана, оперы, балета, музыкантам, писателям, докторам, профессорам, фабрикантам, торговым людям и всем бедным и богатым россиянам — ПОМОГИТЕ НАМ! Если каждый, прочитавший это обращение, ПОЖЕРТВУЕТ ЩЕДРО, он продолжит нашу национальную деятельность в изгнании и поможет созданию благоприятных условий, чтобы скрасить и облегчить жизнь наших стариков-пенсионеров.

Клуб получил от Internal Revenue Service статус Tax exempt, поэтому все пожертвования могут быть списаны с федерального подоходного налога. Мы верим, что еще не очерствели сердца Ваши, еще теплится в душе доброта и отзывчивость, свойственные великому нашему народу, и вы откликнитесь на эту просьбу. Чеки следует выписывать: Russian-American Club. Building Fund, и посылать по адресу казначея Клуба: Mr. A. Swentizky, 750 39th Avenue North, St. Petersburg, Florida 33703.

Председатель правления Клуба

В. Д. Олсуфьев

Председатель Строительного Фонда

Др. К. Д. Арцыбушев

О ГЕН. Б. А. ШТЕЙФОНЕ

(письмо в редакцию)

Уважаемый г-н редактор, не откажите поместить нижеследующие строки. В кн. 138-й и 139-й "Нового Журнала" помещены о ген. Б. А. Штейфоне — статья д-ра В. М. Зернова "К похищению ген. Кутепова" и заметка Б. В. Прянишникова "А. П. Кутепов и Б. А. Штейфон", автора известной книги "Незримая паутина", о советских провокаторах в эмиграции и, особенно, в РОВСе. Оба автора не идеализируют ген. Б. Штейфона. Но у обоих не упомянуты два существенных факта из его биографии. Первый факт: исключение ген. Штейфона из Русского Общевоинского Союза, происшедшее по требованию генерала П. Н. Врангеля. Для исключения из РОВСа даже обер-офицера должна была быть к. н. доказанная и тяжелая провинность. А для исключения заслуженного генерала, каковым являлся ген. Штейфон, быв. начальник штаба ген. А. Кутепова, нужна была *чрезвычайно*

тяжелая провинность. И если управление РОВСа с представлением ген. П. Н. Врангеля согласилось и исключило ген. Штейфона из своих рядов, стало быть, его провинность нашли *доказанной и тяжелой*. Кстати, у ген. П. Н. Врангеля делом разведки ведал ген. Е. К. Климович, опытейший в деле розыска человек. Второй факт из биографии ген. Штейфона, не упоминаемый названными авторами, относится к времени его командования Русским Корпусом в Югославии. Этот факт следующий: командир корпуса ген. Штейфон отдал приказ по корпусу, согласованный с планом Гитлера, о награждении — после немецкой победы — немецких военных русскими землями. По этому плану Гитлер считал необходимым максимальное физическое истребление русского, украинского, белорусского населения, выселение оставшихся на восток и порабощение выживших, как крепостных-работников на русских землях у немецких победителей, представителей "герренвольфа". Надо ли говорить, что такого приказа *ни при каких обстоятельствах* не отдали бы ген. Л. Г. Корнилов, ген. А. И. Деникин, ген. П. Н. Врангель. Не отдал бы и никогда не отдавал таких приказов и трагически погибший генерал А. А. Власов, в самых трудных условиях всегда державший "русскую линию". Смерть ген. Штейфона окружена слухами. Говорили, что он был отравлен. Говорили, что он умер, приняв чрезмерную дозу снотворного. Во всяком случае, это не была естественная смерть от болезни.

С уважением, *Левашов*.
(Вена)

ПЯТЫЙ СЪЕЗД ПРАВОСЛАВНОЙ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Уже второй год, как съезд проводится вблизи Нью Йорка, на территории русского православного общества "Отрада". На съезде, как и в прошлом, участвовало от 100 до 150 человек. Темой съезда в этом году был вопрос: "Возможно ли в наше время жить на моральном уровне наших предков?". В свете этого вопроса рассматривались важнейшие события ближайшего будущего для православия и России: прославление новомучеников и тысячелетие со дня крещения Руси. Также касались положения Церкви в СССР — какие масштабы и какое направление принимает движение духовного возрождения в СССР?

Этим вопросам был посвящен ряд докладов: "Возможна ли христианская мораль в государственной жизни?" — Свящ. С. Женюк. "Современное состояние православия у нас на родине" — Прот. А. Лебедев. "О прославлении новомучеников российских" — Прот. А. Киселев. "Особенности русской философии" — Проф. С. А. Левицкий. "Святые в жизни православной церкви" — Проф. С. С. Верховской. "От неверия к вере — поэтическое творчество Солоухина" — Проф. Н. Г. Косачева. "Достижимо ли преодоление вражды потомков в год 1000-летия крещения праотцев?" — М. Н. Беляева. "В чем может и должно выразиться торжествование юбилейного года?" — Прот. В. Шишков и Проф. Е. Л. Магеровский.

Неотъемлемой частью съезда были ежедневные богослужения, всенощные и литургии.

БИБЛИОГРАФИЯ

П. ПАГАНУЦЦИ. ПРАВДА ОБ УБИЙСТВЕ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ. Джорданвилл, Н. Й. 1981. (235 стр., 63 фотографии).

Хорошо некогда написал Георгий Адамович, что если день 17 июля 1918 г. русские забудут, не признав свой грех царубийства, то "лучше бы не быть русским!" Книга проф. Пагануцци написана горячо, с преданностью своему труду и пиететом. Многие страницы ее нельзя читать без сердечного волнения и скорби. Ряд злодеяний большевиков встают перед читателем. Показана и особая роль австро-венгерских пленных и латышей. Весьма ценны все дополнительные сведения, почерпнутые автором из собрания подлинных документов по делу убийства царской семьи: предварительное следствие Н. А. Соколова по бумагам Гаутонской библиотеки (так наз. Копия Роберта Вильтона) и отдельная копия и коллекция генерала М. К. Дитерихса. Проф. Пагануцци дает отдельно и разбор вымыслов и ошибок в книгах иноземцев и советских "опусов" типа книги Касвинова "Двадцать три ступени вниз". Борзописец Касвинов в своей книге противоречит постоянно не только фактам, но и самому себе: Николай II-й то у него

“пьяница”, то вообще “почти не пьет” и т. п. Пагануши обращает наше внимание и на значение надписи и стихов Гейне на стене подвального помещения в доме Ипатьева (место гибели царской семьи). Надпись была открыта следователем И. Сергеевым. На стр. 68-69 дан и снимок кабалистических знаков. Знаки и стихи из “Валтасар” Гейне значат, по мнению Энеля (в передаче Саммерс-Менгольда), следующее: “Полное раскрытие тайного значения надписи выражается так: ‘Здесь, по приказанию тайных сил, царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы’”. Со своей стороны замечу, что “Валтасар” Гейне основан на пророке Данииле (гл. V, ст. 25 сл.).

Проф. Пагануши не только использовал известные труды С. П. Мельгунова, но и очень хорошо использовал переписку Николая II и Александры Федоровны, чтобы еще раз документально показать и доказать всю ложь о германофильстве царицы. В Приложении № IV даны новые дополнительные данные о гибели вел. кн. Михаила Александровича (из коллекции ген. Дитерихса). В главе IX проф. Пагануши описывает убийство вел. кн. Михаила Александровича, его секретаря Н. Н. Джонсона, вел. кн. Елизаветы Федоровны, сыновей вел. кн. Константина Константиновича (Иоанна, Константина и Игоря), вел. кн. Сергея Михайловича и юного Владимира Павловича Палея, чьи стихи, написанные перед смертью, напечатаны на стр. 136. Еще раз подчеркну, что рецензируемая книга полна выписок из разных русских и иноземных документов.

Из мелких упущений П. Н. Пагануши отмечу, что Рой Медведев не живет в Англии, а его брат Жорес по специальности не историк, а биолог. На стр. 125 верно указано, что советчик спутал двух Васильчиковых, но корректор всё испортил и опять возникает неясность. Книгу в Джорданвилле напечатали очень небрежно. Далее, стих Некрасова 1856 г. не “Поэтом можешь ты не быть, но человеком быть обязан”, а “Поэтом можешь ты не быть, но *гражданином быть обязан...*” (стр. 132). Но все это мелочи. Каждому русскому можно только рекомендовать прочесть книгу П. Пагануши. На многое, ранее тайное, она бросает яркий свет правды.

Р. Плетнев

БИБЛИОГРАФИЯ
ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

Дорогой Роман Борисович,

14 октября 1981 г.

Давно я хотел писать к Вам, говорить о Вашей книге — "Я унес Россию". "Радость человека в ответе уст его. И как хорошо слово во время", говорит мудрость Библии. Вспомнилось мне это именно, думая о "Я унес Россию". Друг мой, я хочу написать не рецензию — они уже были — а отклик на книгу, то что говорят: — сердце сердцу весть подают. Все истинные эмигранты — беглецы мы, не эмигранты, — нечто унесли от России в уме, памяти сердца, памяти больной и ярой. Ну, разве Ваша матушка или моя, Ваша так показанная, что все читатели ей кланяются и любят ее образ, разве они эмигрантки? А несчастная няня, она эмигрантка? Но Вы унесли *больше* нашего, зорче видели, ярко осветили унесенное и приблизили родное родным русским сердцам.

Мне драгоценна книга, ибо она вся о Прошлом, о Минувшем-Живом в духе и правде. Все меньше тех, кто кипел в гражданской войне и вот, особо дорого-драгоценно правдивое слово участника-добровольца из офицеров. Вспоминаю Лавра Георгиевича Корнилова, выстрел Каледина... Нет, Вы были правы — народ-то нас не поддержал. Да и единой платформы, общей идеологии-веры не было. А "в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань". Часто массе были ближе "зеленые", чем мы. Впрочем, и люди типа ген. Брусилова дело Добрармии забили.

У Вас меня захватывает в описаниях *движение* и *портрет в действии*. А весь Берлин русский, эмигро-советский! И еще правда-правдоучая и о себе самом, об ошибках и переоценке. Смело, умно, честно, а смелость и города и сердца берет. И еще и еще типы господ писателей. Их лики и душевно русское, увы, не всегда на высоте морали, да были, было и ...благодаря Вам большем не поросло. Возьмем хоть Федина! Да, прочтя у Вас о нем, его ошибках, шатаниях, но он живой тут. Мне и жаль его и жалею, что доставил ему через "почту" и "некоего путника" мои гневные строки и предсказание скорой смерти. Ошибся я только на две недели. Я вопиял: "Не веришь? Не веришь, знаю. А с чем туда уходишь?.." Теперь вот из-за Вашего правдивого писания о нем, смутилось сердце. Живя не в СССР, многих, здесь сидя, судить-то надо, да осудить ли?

Хватает за сердце и тот незаметный на первый взгляд юмор, подбор слов, сцен, стихов. Таков, например, Н. Я. Агнивцев или Ю. Н. Тынянов, или пропуск имени Рыкова в стихах В. Маяковского. Стихи о Главлите смешны, остроумны, а рядом печальная тень автора "Смерти Вазира Мухтара". Превосходен портрет-описание "светящегося, лучистого" лица архиепископа Андрея (А. Рымаренко). Вы, дорогой, видимо, скептик, а чутья святое и светлое очень способны. Господь простит сомнения и скепсис, ведь "скептикос" это тот, кто рассуждает и рассматривает. Листаю книгу обратно. Вот наши добровольцы в папах. И я носил такую...

Ну, а теперь я опять в Германии в дни Гитлера и его "львят". Сидит в лагере и Роман Борисович, так, ни за что, за ошибку дурней. Но шумит гитлеровская, нацистская орава, жизнь арестованных, безумствование черни и сожжение неугодных книг. Кипение масс — забываемо Вы представили. Однако, главное это живая Россия в Вас и в той эмиграции, которую, почти всю Вы изобразили словом, а где успелось и фотографией. Сменовеховство (гибель проф. Устрялова) и еще важнее — евразийство. В Праге я с ним столкнулся и с ними спорил. Анализ этого движения дан блестяще! И как, ловко его использовав, большевики его разгромили, физически и духовно. И я, грешный, помню поездку П. Савицкого в Москву в 1926 году.

Роман Борисович, давал я (боялся украдут) "Я унес Россию" советским проездным ученым. Они вернулись в СССР и книгу вернули. Все они книгу высоко оценили. И все разными словами подчеркнули то, что я проворонил. Необычайно выдержанный *тон* и слаженность, *уравновешенность* частей книги. (Ученые-то были физики, математики). стыдно мне стало. Но из песни слова не выкинешь, — я проворонил. "Эге, ммда", скажете Вы, "да и в сем письме балансу-то нет!" Можете с правом сказать. Ну, и пусть! Я хочу подчеркнуть, по-моему, главные части: 1. война и добрармия, 2. мать, жена, няня (незабываемы), 3. писатели и заграница, 4. нацисты.

Читая книгу, вижу и ее продолжение и надеюсь. Да хранит Вас Господь Бог!

Искренне Ростислав Плетнев

П. С. Напечатайте, пожалуйста, если можно, в "Новом Журнале". *Р. П.*

ЛЕОНИД РЖЕВСКИЙ. БУНТ ПОДСОЛНЕЧНИКА. РОМАН. Эрмитаж, 1981. 235 стр.

Порой, когда пускают фейерверк, бывает, что светящийся шар взвевается высоко в небо и там рассыплется каскадом звезд. Зрители ахают, и кажется, что зрелище кончено. Но нет — возникает еще несколько вспышек, столь же ярких и не похожих по краскам на первичную огненную россыпь. Это приходит на ум, когда читаешь новую книгу Леонида Ржевского "Бунт Подсолнечника", быть может, самое блестящее и глубокое по мыслям произведение этого талантливого писателя.

Эти "вторичные звездопады" — повести "Томбола" и "Кеша", а также коротенькая, полная горького юмора "Осечка", якобы, произведения действующих лиц романа, совершенно различные по эмоциональной окраске и отчасти по стилю, хотя в каждой есть эротические моменты, неизменно сопутствующие творчеству Ржевского, но не довлеющие над ним. Эти вставные произведения имеют точную фабулу, тогда как содержание романа рассказать трудно — по сути это взаимоотношения двух незаурядных и много испытавших на своем веку людей, представителей второй эмиграции — добродушного Петровича, о котором мы знаем только, что он специалист по палеографии и весьма занозистого Сергея Сергеича, часть пути которого в годы войны приоткрывается в повести "Томбола".

Несомненно они оба люди большой культуры, и вникая в их разговоры, как и в страстные тирады Димы, молодого поэта из СССР, прозванного Сергеем Сергеичем "Подсолнечником" не без намека на его самолюбование и некоторую отъединенность от людей одной с ним "волны", можно с несомненностью отметить следующее. Бывает, что кто-либо из героев романа несет в себе автобиографические черты автора. Но такое авторское расслоение, как в романе Ржевского, такую щедрую самоотдачу нескольким своим героям, читателям приходится наблюдать редко. И благодаря тому, что его персонажи очень разные, Леониду Ржевскому удалось передать каждому кусочек своего "я" и таким образом наиболее полно выразить себя в "Бунте Подсолнечника". Из этих кусочков авторского "я" складывается головоломка и собственного бунта автора, причем здесь особенно ярко проявляется его широкая эрудиция.

После современных картинок американской и даже международной академической жизни (симпозиум по Достоевскому), поданных

порой в остро-сатирическом плане, повесть "Томбола" с большой силой возвращает читателя к тяжким годам Второй мировой войны. Весь рассказ о побеге переводчика, которому судьба предоставила шанс использовать условия, подготовленные женой молодого лейтенанта для его освобождения из плена, чем умирающий Павлик воспользоваться уже не может, захватывает читателя и держит в напряжении. Сбунинской зоркостью к деталям, написаны главы этой вставной повести, в частности глава "В лебедятнике": "Шел вдоль парка, примыкавшего к замку, отгороженного довольно уродливой, даром что старинной решеткой, забранной изнутри досками. Доски местами повывушили — в прорехах сквозил заиндевелый веер кустарников, петляли дорожки, сбегая к овалу пруда, копанного вероятно еще крепостными, тоже запудренного снежком, с ледяными ртутного блеска проплешинами посередине".

Вообще в отношении языка и стиля, книга Леонида Ржевского изобилует удачными находками и яркими образами. Отличны такие остроумные новообразования, как "Ваше снисходительство", прилагаемое к мягкому Петровичу, или "десьсиденты"; уместна и "кипарисовая готика".

Чудесно описана встреча Димы с американкой Джилл, которой суждено стать его большой любовью: "Право, это вроде как в Крыму, на выезде из Байдарских ворот, вдруг распростершись, кидается на туриста море". И ее улыбка, открывавшая "такой сверкающий строй зубов, что вы шли по ним взглядом, как оторопелый посол вдоль почетного караула, поражаясь их влажным кипенем, овалами выправки и скорбно ощущая протезы и мостики в собственных своих челюстях". Отметив мимоходом, что слово "кипень" должно все же быть женского рода, хочу подчеркнуть, что в русской литературе никто не описывал героинь с такой удивительной образной наглядностью.

Что касается разговоров друзей, глубоко раскрывающих их внутреннюю суть, то они всегда задевают душу читателя, даже не соглашающегося с теми или иными высказываниями, чаще всего с яростными нападками Сергея Сергеича. Но привязываешься к этому умному, резкому человеку настолько, что глава "Конец Сергея Сергеича" читается с грустью, словно расстаешься с близким человеком — очень уж он вышел у Л. Ржевского живым и русским.

В противоположность ему образ Димы вышел значительно бледнее и только с известной натяжкой можно предположить, что он на-

столько привлек внимание обоих друзей, что стал почти постоянной темой и. разговоров. Правда, "его" повесть "Кеша" несомненно талантлива, и к тому же он в личном плане неожиданно оказывается тесно связанным с прошлым Сергея Сергеича, но поданный автором в качестве представителя "третьей эмиграции", он, на мой взгляд, для этой "волны" не типичен. И "Подсолнечник" быстро и легко ломается под натиском эмигрантских тягот, избирая единственным выходом не то уход из жизни, не то возвращение на родину. Одной из сильнейших частей книги является его, так сказать, заключительный монолог, во многом повторяющий и развивающий печальную тему, часто звучащую в стихах Ивана Елагина: "... для нового дыхания воздуха в эмиграции нет. Нет на это дыхание и спроса. Кому оно нужно, наше дарование, хотя его и хватает? На каком, спрашивается, выразить это языке? Нас здесь не переводят. Великая русская литература имела всегда и великого читателя, без которого была немыслима... Творчески слово без читателя недооволощено".

Можно надеяться, что эти горькие слова не будут относиться к книге Леонида Ржевского и она найдет множество читателей и в Русском Зарубежье и, в свое время, на нашей родине.

Татьяна Фесенко

В. Н. ВОЙНОВИЧ. "ПРЕТЕНДЕНТ НА ПРЕСТОЛ. Новые приключения солдата Ивана Чонкина". YMCA Press. Paris 1979. Стр. 357.

Новые приключения Чонкина развиваются на фоне советско-немецкой войны, осенью 1941 года, в прифронтовой зоне, в Московском направлении. Как и в первой книге, в основе повести — любовь Чонкина и колхозницы Нюры. Но их счастью по-прежнему препятствуют власти предержажшие. Целый сонм "нелюдей" обрушивается на Чонкина, "маленького, шуплого, лопухого в старом красноармейском мундире". Его обвиняют в дезертирстве, шпионаже и, наконец, в утаении княжеского происхождения (во время следствия он оказывается князем Голицыным!), его сажают в тюрьму, устраивают "Процесс князя Голицына", приговаривают к расстрелу, но приговор в исполнение не приводится, ибо немцы быстро наступают. Чонкин прячется в лесу, а Нюру насильно эвакуируют.

Ценность книге Войновича придают авторские "отступления" и картины советского быта — партийцев, крестьян, "ответственных работников", чекистов. Сила дарования Войновича в его юморе, зачастую переходящем в сатиру. Войнович прекрасный портретист. Краткими мазками он создает врезающиеся в память советские типы с гоголевскими фамилиями. Вот подполковник Лужин: "Вместо этого он (Ермолкин) увидел за широким столом не человека, а голову. Бритая голова с большими ушами лежала подбородком на столе и смотрела на Ермолкина маленькими глазами сквозь розовые очки с толстыми стеклами... Голова качнулась в сторону и вдруг маленький человек, чуть ли не карлик, в военной форме появился из-за стола и на коротких ножках подкатился к Ермолкину".

Запоминается и полковник из "органов" Добренький, "приятного вида человек с сизым носом на полном лице". Он: — "Любит пить горилку, 'шутковать', 'спивать песни', не равнодушен к женскому полу. 'Худых не люблю, — говорит он. — Люблю таких, шоб было за шо учиться'".

"Претендент на престол" — полотно-картина СССР 1941 года. Кого тут только нет! И серая масса колхозников, и редактор Ермолкин, и первый секретарь райкома Ревкин, и прокурор Евпраксеин, который, кончая жизнь самоубийством, оставляет записку: "Мою жизнь прошу считать недействительной". Красочно изображен Хитрый рынок и великолепна сцена встречи Ермолкина с проституткой. Страшна смерть учителя Шевчука от сердечного приступа на партийном суде-проработке.

Язык автора чист, свободен от всякого советского "канцелярита", примеров которого в книге немало: — "Прошу обеспечить санобработку и помыв з/к Чонкина с выделением для этой цели воды горячей-холодной не менее 8 (восьми) шайко-объемов. Нач. АХЧ ордена "Знак Почета" тюрьмы № 1 — Тимофеев".

Язык персонажей богат своеобразием, диалектизмами, народными словечками, меткими и острыми.

Читая "Чонкина", нельзя не думать о Гоголе, о "Мертвых душах". Впрочем сам Войнович прямо говорит: "Пора нам изобразить свою птицу-тройку". Но "тройка" эта — жуткая. Это полуторка с военным номером, экипаж которой состоит из трех человек (не считая шофёра), входящих в состав выездной сессии Военного трибунала. И дальше восклицает автор: "Едут! Едут! Не так ли ты Русь... впрочем, это, кажется, кем-то было уже написано". Да, было. Гоголевская тройка

скакала в неизвестное в 1841 году (год окончания работы над "Мертвыми душами") и доскакала... до СССР.

В книге есть, на наш взгляд, некоторые минусы: кое-где повествование растянуто (эпизод в тюрьме, часть II, глава 46), кое-где юмор грубоват (Ревкин, отсасывающий молоко у коровы), кое-где сатира переходит в шарж (похороны чекиста Миляги), кое-где чувствуется тяжеловесность фабулы. Последнее объяснимо. Еще в "Вместо предисловия" к "Иванькиаде" (1976) Войнович писал: "... надо писать *Чонкина* (курсив автора, С. К.) как можно быстрее, не отвлекаясь ни на что постороннее, но постороннее влезло, меня не спросив, и все-таки отвлекло". И опять: "На несколько месяцев *Чонкин* был забыт совершенно". "Претендент на престол" писался в нервной, напряженной атмосфере. Бледны вышли у Войновича Сталин и Гитлер. Эти герои представлены в упрощенно-обобщенном виде, сверхкарикатурно. И потому читатель их не чувствует и не видит.

А в целом "Претендент на престол" хорошая книга, читающаяся с большим интересом. Спасибо талантливому писателю за его чудного *Чонкина*. Впрочем я должен сделать важную оговорку. В "Иванькиаде" Войнович замечает, что "определение талантливый писатель есть тавтология" и что "неталантливый писатель, это вообще не писатель". Но я вряд ли ошибусь, если скажу, что В. Н. Войнович *настоящий* русский писатель-сатирик, вышедший из бессмертной гоголевской "Шинели".

Оберлин, Охайо

Сергей Крыжицкий

С. Б. БЕЛОВ. "Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И ТЕАТР. (1846 — 1977)". Библиографический указатель. Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии. Ленинград. 1980. Стр.171+11, с портретом Достоевского. (Издано 2000 экз.).

Неутомимый исследователь жизни и творчества Достоевского — Сергей Владимирович Белов — вложил в эту библиографию, посвященную академику Д. С. Лихачеву десять лет труда, кропотливых изысканий по самым разнообразным книгохранилищам нашей родины. В книге семь отделов, в них собраны сведения о высказываниях Достоевского о театре, пьесах, актерах и рецензентах. Дана справочно-библиографическая литература, список основных газет и журналов, упоминаемых в указателе, указаны спектакли, оперы и драматические и концертные выступления до революции 1917 г. и после революции, в

СССР и в зарубежных странах. Не забыты и радиоспектакли, и телевизионные. Приведены сведения и указатели театров, драматических групп и чтецов с эстрады произведений Достоевского, включая его самого. Для специалиста ценна и расшифровка псевдонимов критиков и подписанных одной-двумя буквами статей.

Несомненно пособие С. В. Белова чрезвычайно ценно для всякого работника и ученого в области достоевковедения. Позволю себе все же выразить некоторые критические замечания. Напр., почему в списке основных газет и журналов, где есть и "Северный рабочий", нет очень важного "Северного вестника" № 11 за 1891 год? Там интересная рецензия Достоевского о игре актера Васильева в комедии А. Островского "Грех да беда на кого не живет". Однако, на стр. 8 С. В. Белов упоминает эту работу писателя. Непонятно, почему нет указаний на чтения Достоевского при императоре Александре III во дворце. Работы проф. Седуро о театральных постановках произведений Достоевского пропущены. Все это мелочи, но я надеюсь, что С. В. Белов не посетует за упрек, а увидит, что ценный и огромный его труд был кем-то внимательно прочитан. Так бы хотелось иметь от С. В. Белова и книжку о творчестве Любови Федоровны Достоевской. Ее "Адвокатка" и "Эмигрантка" интересны, а особенно газетно-журнальные отзывы о них. Правда, Л. Достоевская не унаследовала от отца его таланта. Но это другой вопрос.

Р. Плетнев

JACQUES CATTEAU. LA CRÉATION LITTÉRAIRE; CHEZ DOSTOÏEVSKI INSTITUT D'ÉTUDES SLAVES. Paris. 1979.

За последние годы в странах Запада, в связи с 100-летием со дня смерти Ф. М. Достоевского (1881 г.), литература о его творчестве необычайно возросла. Мы хотим особенно отметить выдающуюся работу французского исследователя Жака Катто. Во Франции его книга удостоилась четырех наград, из которых три — литературные, и одна от Общества медиков, психиатров. Эту награду Жак Катто получил за главу о связи творчества Ф. М. Достоевского с его болезнью (эпилепсией). Главу эту Катто писал, консультируясь с Анри Гасто, известным французским специалистом по эпилепсии. Мы перепечатываем из "Русской Мысли" (с разрешения редакции) отзыв Е. Терновского о книге Жака Катто. РЕД.

Литература о Достоевском на Западе необозрима. Для западных и американских славистов Достоевский остается сосредоточием не только русской классической литературы, но и всех жизненно-важных проблем русской культуры, религии, богословия и философии.

Лишь за последнее время появилось множество исследований, докторских диссертаций, текстологических анализов, биографий, посвященных писателю. Но вместе с тем не так уж много работ, которые бы разрабатывали новый метод в изучении Достоевского или предлагали новую концептуальную систему. Еще недавно большинство работ о Достоевском писалось во фрейдистском ключе. Не стоит преуменьшать значения этих работ, но нужно признать, что это направление во многом выдохлось, стало рассматривать творчество Достоевского исключительно как точку приложения собственных теорий и удалилось от общей проблематики изучения Достоевского. Как ни странно, структуралистский метод, давший блестящие образцы анализа поэзии, не выдвинул ни одной более или менее значительной работы о Достоевском. В России в начале 60-х годов был переиздан знаменитый труд Бахтина "Поэтика Достоевского", а также вышла превосходная брошюра Я. Голосовкера "Достоевский и Кант". Следует добавить, что за последнее время было также напечатано много ранее неизданных набросков, черновых тетрадей, записок Достоевского, составляющих два тома "Литературного наследия".

Появление труда известного французского слависта Жака Катто "Литературный процесс в творчестве Достоевского", отмеченного Grand Prix de la critique littéraire 1979, на мой взгляд, блестящего по замыслу и исполнению, знаменательно в двух отношениях. Во-первых, он возвращает изучению Достоевского принципиальный характер, и во-вторых, эта работа мне кажется глубоко проективной по своей методологической системе, способной стать основанием для плодотворного направления в изучении Достоевского.

Во Франции существует давняя традиция исследования Достоевского. В трудах де Вогюз, Жиды, Камю, Г. Окутюрье, Л. Мартинеза и многих других даны ценные анализы различных сторон жизни и творчества писателя. Во вступительной части своей книги Катто подводит краткий итог мирового изучения Достоевского. Он отмечает три традиции. Первая, появившаяся в конце XIX — начале XX века, характерна особой пристальностью к идеологическим системам Достоевского. В этом направлении большое значение имели труды Розанова, Мережковского, Шестова, Бердяева. Это направление было остановлено революцией и частично продолжалось в трудах русских зарубежных мыслителей (о. Г. Флоровский, К. Мочульский, А. Бем). Но еще до

революции это направление начинало претерпевать кризис. Метафизические проблемы слишком обобщались, отрывались от творчества Достоевского, в работах этих авторов произвольно идентифицировались идеи самого Достоевского с идеями героев. После появления работ Бориса Энгельгардта и Михаила Бахтина изучение Достоевского как мыслителя стало уступать место изучению Достоевского как художника. Известно, какое сильное влияние оказал на литературу о Достоевском труд Бахтина, и если сегодня Ж. Катто несколько критически оценивает "Поэтику Достоевского", говоря, что теория меннипей и полифонического романа мало что объясняет, то эта оценка мне кажется своеобразным протестом против унификации и огрубления методов Бахтина в исследованиях его учеников.

Вторая тенденция — биографическая, рассматривающая творчество писателя, как зашифрованный "авторский комментарий", много сделавшая для изучения биографии Достоевского, оказалась наиболее доступной фрейдистским методам, и ныне, по словам Ж. Катто, "превратилась в невыносимый словесный поток" (стр. 12).

Автору книги наиболее близка третья тенденция, далекая от идеологических и метафизических исследований на базе законченного произведения или самих идей. Эта тенденция прежде всего обращается к тексту, к зарождению замысла и расследованию структуры романа. Проективность же методологии Катто мне видится в том, что, пользуясь структуральным методом, он не задерживается целиком на формальном моменте, он сливает его с аналитическим и даже биографическим методом для выведения философского смысла. По сути дела, он часто оказывается близок в своих выводах к представителям первой тенденции, но приходит к ним совсем иным методом.

Этот фундаментальный труд написан с редким для подобного рода исследований художественным блеском. Особенно в этом отношении характерна глава, восстанавливающая "культурную среду" Достоевского — "потому что в творчестве писателя культура является основным материалом" (стр. 31); автор дает поистине всеобъемлющую картину культурных данностей в жизни и творчестве Достоевского. Музыка, скульптура, архитектура, наука, богословие, искусство, театр, история — вся эта "культурная среда" приводится не как инвентарь знаний и сведений, а анализируется под углом возможного отражения и переживания в творчестве писателя. Особенную часть в этом анализе занимает, конечно, литература. Автор прослеживает влияние не только Пушкина, Гоголя, Жорж Санд, Гете, Шиллера, Гюго, Диккенса, но и авторов менее известных, как де Кинси.

С чувством благодарности читаешь великолепную главу "Болезнь",

в которой автор дает подробный анамнез болезни Достоевского и убедительно освобождает этот факт биографии писателя от наплыва различных фрейдистских толкований, когда "...уже нет никаких христианских проблем, атеизма, социализма, персонализма, и ничего нет, кроме невроза, и любая идея является лишь замаскированным комплексом" (стр. 136). Напомню, что ряд исследователей видел в эпиплексии Достоевского чуть ли не основную двигательную силу его творчества и "прозрений". Ж. Катто с помощью известного французского медика, специалиста по эпилептическим заболеваниям, Анри Гасто, показывает отрицательное и отнюдь не "вдохновляющее" действие болезни на творческий процесс. Из этой главы следует, что творчество Достоевского было мощным преодолением этой болезни.

Размер журнальной статьи не позволяет пространно остановиться на увлекательнейшем процессе анализа всей книги Катто. Хочу лишь указать, что во второй части книги "Процесс творения", помимо тонко разработанной главы о "Житии великого грешника", дана лучшая, на мой взгляд, характеристика "Подростка".

Описав "творческую среду" писателя, момент зарождения романов, автор переходит к анализу структур "пространства и времени" в романах Достоевского. "Время у автора романа, — пишет он, — представляет фундаментальную структуру *трагического опыта героя* (выделено автором, Е. Т.), его тяжкую борьбу за обретение своей свободы в свободе отрицаемой. С одной стороны, время препятствует обретению свободы, поскольку оно трансформирует любой свободный акт в акт детерминированный... Но с другой стороны, время является движением, в котором исполняются свобода и выбор. Вместо того чтобы признать их антиномичность, как это сделал Толстой в концовке "Войны и мира", Достоевский отрицает эпическое и биографическое время... Творчество Достоевского направлено не на разрушение времени, но против преувеличения его противоречивой силы" (стр. 563). И далее: "Герой Достоевского виновен, потому что он свободен и ответствен за свою судьбу".

Эта "работа над временем" вызывает ассоциацию с музыкой. Об этом писали многие исследователи, ограничиваясь лишь формальными сравнениями (роман как контрапункт, полифония, оратория, симфония). Катто выдвигает иную концепцию: романы Достоевского "музыкальны", потому что они "моделируют время". И если время является "структурой трагического опыта героя", то пространство в романах Достоевского представлено в структуре "значения и развертывания сознания" (стр. 565). Всё усилие писателя "...заключается в столкновении человека и вселенной, в попытке объединить все челове-

чество, различный опыт в одном герое, сотворить *человека-вселенную*" (стр. 565, выделено автором, Е. Т.).

Труд Жака Катто — настоящая веха в изучении Достоевского. Как всякое подлинное исследование, этот труд не только раскрывает доселе утаенные черты творчества Достоевского, но и ставит множество проблем, отражающих отношение современного мира к великому писателю.

Е. Терновский

РУССКИЙ АЛЬМАНАХ. Редакция: Р. Герра, З. Шаховская, Е. Терновский. Париж. 1981 (490 стр.). Обложка худ. С. Голлербаха.

Отчетный "Русский Альманах, 1981" содержит стихи и прозу 65-и авторов с многочисленными фоторепродукциями. В Альманахе семь разделов: проза, поэзия, искусство, литературоведение, философия и история, мемуары и архивы. Из этого перечисления уже видно, что установкой альманаха является напоминание о культурных вкладах главным образом старой эмиграции, — кроме раздела поэзии, где представлена и новая смена.

Журнальная рецензия не позволяет подробно отозваться достойным образом на произведения всех авторов и отметить все опубликованные литературные и исторические материалы. В этой рецензии можно будет остановиться, следуя разделам альманаха, только на тех авторах и произведениях, которые могут привлечь особое внимание читателя.

Раздел художественной прозы открывается неопубликованным отрывком из предполагавшегося романа (или серии романов) "Эпопея" Андрея Белого. Согласно пояснению Жоржа Нива, следующему за отрывком, "Котик Летаев" был как бы первым ростком этой задуманной А. Белым автобиографической эпопеи; отдельные её части нашли осуществление в "Петербурге" и в "Преступлении Николая Летаева". Короткий отрывок "Томочка пёсик" написан исключительно образным языком в характерной манере Белого как бы внезапных бросков. Его тема: гибель любимого пёсика — входит эпизодически в роман А. Белого "Москва".

Робин Кембалл анализирует приводимые в альманахе вставки-пропуски, дополняющие автобиографическую статью "Чёрт" Марины Цветаевой ("Совр. Записки", № 59, 1935). Эти отрывки, дающие новое

для оценки личности поэтессы, были исключены редактором "Совр. Записок" В. В. Рудневым, — по замечанию Цветаевой: "чтобы не задеть 'части нашей редакции' ". Опубликованные страницы могут быть важны для литературоведа-исследователя поэзии Марины Цветаевой.

Интересна психологическая проблема, затронутая Н. Ульяновым в рассказе: "Золотая книга" — стремление прославиться: быть занесенным в "золотую книгу" истории, хотя бы на основании фикций.

Ядовитая сатира на отношение западных стран к своему смертельному врагу — коммунизму — дана в мифе-пародии Н. Терлецкого: "Вид с Олимпа". Боги на Олимпе никак не могут понять, почему данайцы, осаждающие так долго Троию, снабжают троянцев пшеницей, маслом, скотом и вином. Но троянцы платят, а без этого промышленность данайцев остановится... Под конец данайцы бросают в Тартар "атомную бомбу", и из Тартара выходят Эринии.

Раздел поэзии, пожалуй, наиболее полно представлен из всех: в нем — 16 авторов на 64-х страницах; в большинстве случаев помещено 2 - 4 стихотворения каждого поэта. Диапазон подборки очень широк: от неизданных стихотворений Гумилева, Вяч. Иванова, Георгия Иванова и Ирины Одоевцевой до поэтов, покинувших СССР в 1978-ом году. Да не посетуют поэты: разбор стихов каждого участника здесь невозможен из-за ограниченности объема рецензии. Поэты будут не упомянуты не от небрежения к их творчеству, а оттого, что здесь можно дать только самую общую характеристику поэтических направлений, существующих сейчас в эмиграции. Редакция "Альманаха" совершенно правильно подошла к проблеме, отразив два главных течения в современной поэзии русской эмиграции: направления традиционно-классического "прекрасной ясности" и направления "авангардности". При этом поэты давней эмиграции в большинстве следуют первому направлению, тогда как поэты недавней — скорее второму. Характерные цитаты дадут представление. "Прекрасная ясность" лучше всего характеризуется сжатым (всего две строфы) стихотворением Лидии Алексеевой:

Последний лист на дереве сквозном,
А в ясном небе злой прозрачный ветер.
Порыв, еще — и желтым лоскутком
Кружится лист в осеннем легком свете.

И вот упал, и вот затоптан в грязь,
Но не забыто светлое круженье:

Так помнит дух, над телом возносясь,
Святую боль освобожденья.

Д. Савицкий хочет передать свое раздробленное представление о мире так:

мелькали шали зеркала кошачий
промчался в воздухе горящий глаз
но дальше хуже: знаменитый бас
а с ним кусок кавказской дачи
кусты форзиции блеск волн луна анфас

В противоположность критику, представляющему поэта, рецензент, при всей своей обязательной объективности, всё же представляет интересы читателя. Посему вполне законна постановка вопроса: эффективна ли невнятища авангардизма? Ведь стихи — это, в конце концов, "письмо другу": "Странник" в альманахе говорит: "Стихи промелькнут. От них / Останется стих один, / Бедный, потерянный стих / Каких-то новых глубин". Пожалуй, в этом и заключается главный смысл существования поэзии. Конечно, стихи не должны быть обязательно стандартно-классическими. Тому пример в альманахе стихи Н. Моршена, где он зовет молнию "Вашим Сиятельством" и стихи Игоря Чиннова, занимающие и по числу, и по значимости доминирующее место. Игорь Чиннов поэт сложный, с меняющимся эмоциональным содержанием от глубокого пессимизма и бравады против рока до элегического умиротворения и принятия красоты мира. Помешенные в альманахе стихи звучат именно в этой тональности:

"Но утешает нежная поэзия —
Дарохранительница грусти..."

В разделе искусства помещены воспоминания С. Лифаря о его первых шагах в балете, статья музыковеда А. Лишке о проникновении русской музыки во Францию в 19-ом веке и ряд статей об авангардной живописи русских художников в эмиграции. К сожалению, статьи эти иллюстрированы лишь немногими черно-белыми репродукциями.

В разделе литературоведения статья Ю. Иваска отражает возникающий теперь интерес к К. Н. Леонтьеву и В. В. Розанову; Б. А. Филиппов дает эскизную характеристику личности и манеры письма А. Ремизова, З. А. Шаховская говорит о несколько неожиданных "ангельских" стихах В. Набокова и арх. Иоанн публикует часть

своей переписки с Б. Зайцевым. А. Раннит приводит письменное интервью с поэтом Россианским (Л. Заком).

В разделе философии и истории помещено письмо Н. Бердяева к Д. Философову и статья С. Левицкого о трансцендировании личности во внутрь. Эти статьи рассчитаны на философски подготовленного читателя. Интересны исторические справки о религиозной веротерпимости Иоанна Грозного (А. Беннигсена), организации политической и военной разведки у Владимира Святого (В. Волкова) и об интеллектуальном развитии русского общества в, казалось бы, мрачное царствование Николая 1-ого (М. Раева).

Около трети альманаха посвящено мемуарам и архивным материалам. Из мемуаров надо выделить воспоминания Н. Е. Андреева о довоенной литературной среде в Праге. Мемуарная и архивная часть альманаха очень богата. К сожалению, не представляется возможным остановиться здесь на отдельных материалах.

Издание "Русского Альманаха, 1981" является отрядным событием в литературной жизни русского Зарубежья. Желательно видеть его дальнейшие выпуски. Художественное оформление издания не оставляет желать лучшего.

Борис Нарциссов

ТАМАРА ВЕЛИЧКОВСКАЯ. "ЦВЕТOK И КАМЕНЬ".

Стихи. Париж. 1981.

Название сборника выбрано не случайно, оно отвечает стихам, вернее тем двум циклам, из которых состоит книга. Мир зеленого простора и мир старых драгоценных камней Парижа. И вот сборник на протяжении многих лет вырос из этой двуединой любви. Старый Париж и прохлада Савойи сплелись воедино. Природа оживает в стихах поэта. Для автора "пение птиц торжественно, как литургия". Между нею и природой непрерывный разговор. Весна в горах. Первые подснежники. Таянье снегов. Но зато как ей ненавистна "весна продажная городских витрин". "Цветок и камень" для Т. Величковской тема ключевая:

Как это поле люблю я, как неустанно пою
Вечную прелесть земную, милую землю мою"

"И прожигая тень лесную,
На рельсах вспыхивает мак."

Хороши стихи о зиме, о надежде грядущего лета. Всем, кто устал от города, эти стихи будут подарком. Всё, где прошел человек, гибнет. И, как свое дитя, поэт хочет защитить нерукотворное. Ей близок смиренный деревенский мир. Для нее "пенек похож на свежую могилу". Знает она и ношу лиры — "Тяжелую лиру", как ее назвал Ходасевич. Мне кажется, что стихи Ходасевича ближе Т. Величковской, чем стихи Г. Иванова. Образ ей заменяет музыку. Но ей, как творческому человеку, дороги и древние замки.

“Не поднимая опущенных век,
Слышу, поет восемнадцатый век...
И хорошо мне в старинном дому.
А почему — и сама не пойму.

Эта любовь к старине намечает переход к другому циклу. С нами говорят драгоценные камни Парижа. Древние здания для нее, "как милые родные лица". Есть у нее серия стихов, посвященных ушедшей жизни города, проступающей сквозь контуры современности.

Ванв хранит Святая Женевьева,
Женевьева и Святой Реми.

Хороши стихи о Буживале — ее низкий поклон Тургеневу.

Конец любви, конец России,
Конец дворянского гнезда.

В ее стихах больше статики, чем движения. Мир принимается таким, как есть. Космического ветра она не знает. Зато есть у нее чувство мистического созерцания. Горы ей любимы. Там она читает "Жития святых", там ощущает "крепкую землю Савойи".

В этом сборнике мало любовных стихов. Это книга зрелости, мудрая любовь к живым и нерушимая связь с исчезнувшими. Мне хочется привести отрывок из стихотворения: "Мы с тобою оба рождены". Здесь не весенняя страсть, здесь Замысел Господень, то что в лучшем мире не ломается:

Мы не рано встретились с тобой —
День тускнел и опускался вечер,
Вешний вечер, избранный судьбой
Для неожиданной и счастливой встречи.
Разве можно это объяснить?

БИБЛИОГРАФИЯ

Взгляд, улыбка, голос осторожный...
Протянулась золотая нить
И связала крепко и надежно.
Словно внешний ринулся поток,
Словно песнь рванулась молодая...
И душа раскрылась, как цветок,
И цветет. И всё не увядает.

Прочный мир Т. Величковской радует. Книгу закрываешь с чувством удовлетворения.

Екатерина Таубер

НОВАЯ КНИГА

РОМАН ГУЛЬ

”Я УНЕС РОССИЮ”

АПОЛОГИЯ ЭМИГРАЦИИ.

ТОМ 1. ”РОССИЯ В ГЕРМАНИИ”.

Полный текст по сравнению с печатавшимся в ”Новом Журнале”.

В книге 365 стр., много фотографий. Цена — 10 долларов.

Отзывы печати: ”Зоркая, картинная изобразительность, дар характеристики, великолепная память на детали обеспечили появление выдающихся по яркости и литературной выразительности мемуаров” (*”Новое Русское Слово”, Николай Андреев*).

”Читать в эмиграции приходится много, но потрясаться не так уж часто... Книга Романа Гуля для меня — потрясение. Дочитывать было жалко” (*”Новое Русское Слово”, Дора Штурман*).

”Книга ’Я унес Россию’ является ценнейшим свидетельством, которое дает живое представление о жизни и деятельности русской эмиграции... ’Я унес Россию’ исключительно полезна для новейшей эмиграции” (*”Русская Мысль”, Михаил Гольдштейн*).

”Невероятную правду о создании, на месте предполагаемого Земного Рая, небывалой каторги рассказал, побывавший в самом эпицентре Всероссийской катастрофы А. Солженицын... Дочитав книгу Романа Гуля, тоже хвататься в отчаяньи за голову: ’Боже! Что они с ней сделали? И как мы могли это позволить?’ ” (*”Русская Мысль”, М. Сергеев*).

”Эту честную и правдивую во многом книгу следует почитать тем, кто интересуется первым периодом российского зарубежья... Многие, многие в книге замечательно” (*”Часовой”, В. О.*).

Заказы направлять в ”Новый Журнал”.

New Review, 2700 Broadway, New York, N. Y. 10025.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией
РОМАНА ГУЛЯ
и
Е. Л. МАГЕРОВСКОГО

■
В 1982 году выйдут ЧЕТЫРЕ КНИГИ

■
Подписная цена на 1982 год 24 доллара
(за 4 книги)

Цена одной книги — 7 долларов
Во Франции — 25 франков

■
ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В КОНТОРУ
«НОВОГО ЖУРНАЛА»

THE NEW REVIEW, 2700 BROADWAY
NEW YORK, N.Y. 10025

Телефон редакции и конторы: 666-1692

Прием по делам редакции и конторы — по понедельникам и сре-
дам, от 10-ти до 12-ти час дня
